

Содержание I-го выпуска I тома.

Стр.

От редакции 3—6

I отдел Общей эвропатологии.

Д-р Г. В. Сегалин. О задачах эвропатологии, как отдельной отрасли
Психопатологии 7—23

Д-р Г. В. Сегалин. Патогенез и биогеиз великих людей 24—90

II отдел Патогрифический.

Д-р Г. В. Сегалин. К патогрифии Льва Толстого I-XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО „Практическая Медицина“

Ленинград, Проспект Володарского, дом № 49. Телефон № 5-42-39.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1925 г. НА ЖУРНАЛЫ:

1. Практическая медицина.

2. ВРАЧЕБНАЯ ГАЗЕТА.

Подписная цена на год—10 рублей,
на ½ года—6 руб.

Допускается рассрочка платежа: при
подписке—3 р., 1-го февраля—2 р.,
1-го апреля—3 р., 1-го июня—2 р.

3. Журнал АКУШЕРСТВА И ЖЕНСКИХ БОЛЕЗНЕЙ.

Годовая подписная цена—10 р.
Допускается рассрочка платежа: при
подписке—5 р., 1-го февраля—3 р. и
1-го апреля—2 р.

4. Русская Ото-Ларингология.

Годовая подписная цена—10 р.
Допускается рассрочка платежа: при
подписке—5 р., 1-го февраля—3 р. и
1 апреля—2 р.

5. Словарь клинической терминологии.

Составл. проф. М. Я. Брейтманом.
Подписная плата—6 р., для подписчиков
вышеперечислен. журналов—4 р.

ГРУППОВАЯ ПОДПИСКА. При групповой подписке (не менее 5 челов.)
допускается уплата подписной цены ежеме-
сячными взносами с таким расчетом, чтобы вся подписная цена была
уплочена до 1-го ноября. Представитель группы принимает на себя
обязанности по сбору взносов и сношения с Издательством.

Деньги адресовать: Издательству „Практич. Меди.“ Ленинград, Пр. Володарского, 49.

Р-206

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

Гениальности и Одаренности

(эвропатологии)

посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам одаренного творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами.

Выходит отдельными выпусками не менее 4 раз в год под редакцией основателя этого издания д-ра мед. Г. В. СЕГЯЛИНА, завед. Психотехнической Лабораторией и преподавателя Уральского Университета.

XX 127
14

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ТОМ I

1925 г.

52296/4

СКЛАД ИЗДАНИЯ

„Практическая Медицина“

Ленинград, проспект Володарского № 49.

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

XXVI-13

ксерокопия

134.020-48

Свердловск

тип.-лит. имени Емшанова

О. П. Х. П. П. П. ж д.

Заказ № 1972 25 г.

Тираж-2000.

Уралобллит № 3103.

Цель нашего издания.

Среди массы существующих научных изданий на всех языках нет ни одного специального издания, посвященного исключительно той части психиатрии, которая изучает и освещает вопросы психопатологии гениальности и творчества. Конечно, это можно объяснить тем, что область эта наиболее трудная и мало-разработанная, и тем, что психиатры, занимаясь обыкновенной психопатологией в клинике, не имеют возможности уделить более внимания и заняться этой исключительной психопатологией великих людей более специально, нежели это делалось до сих пор. Тем не менее, мы видим, все-таки, что почти каждый психиатр или невропатолог делает иногда ту или иную экскурсию в эту область, описывая ту или иную сторону того или иного великого человека—факт доказывающий огромный интерес к этой почти неразработанной области психиатрии, хотя часто эта экскурсия носит характер случайности и любительства. —

Между тем потребность в изучении этой области более специально и более подробно-слишком огромна не только в кругах занимающихся психо-неврологией, но даже в широких кругах имеющих то или иное практическое касательство к этой области, как художники, литераторы, педагоги, врачи, психологи и проч. люди. имеющие то или иное отношение к творчеству.

С другой стороны, огромный материал, как клиничко-психиатрический, так и литературно-биоог-

рафический, совершенно еще не обработан в этом смысле и представляет из себя непечатый край исследования. Кроме этого, этот материал настолько разбросан, что представляет огромную трудность использовать его в том или ином смысле для цели обработки и изучения.

Вот почему основатель этого издания, исходя из вышеизложенных соображений, решил издать такой орган, который ставит себе целью:

1) Дать возможность, всем тем психопатологам и психологам, посвящающим свои специальные исследования вопросам психологии и психопатологии великих людей, сосредоточить свои работы в специальном органе, посредством которого они будут иметь возможность вести свои исследования коллективно и более организованно, с одной стороны. С другой стороны, посредством такого органа, авторы будут иметь возможность общения непосредственно с тем читателем, который интересуется этими вопросами и, таким образом, работы их попадут туда, куда бы они хотели, ибо помещение таких работ в общих медицинских или других журналах часто не всегда возможно, или несоответствует своей аудитории специального читателя, и, наконец, вообще носит характер случайной работы, а потому часто теряет то значение, которое бы должно было иметь.

2) Архив этот также должен быть органом, где бы сосредоточенно было исследование всякого феноменального и высоко-одаренного творчества, начиная с гения и кончая творчеством душевно-больных, работы которых представляют часто ценнейшее для исследования психомеханизма творческих процессов. Материал этот, разбросанный по всем музеям, многих психиатрических заведений ждет своих исследователей. Нечего и говорить, что такому исследователю будет более целесообразно и ценно дать свои работы в такой орган, как намечаемый нами.

3) Архив этот должен служить органом и для тех, которые имеют сырой материал, являющийся

вес. ма ценным для исследования биологии и клиники великих людей и их творчества, и которые бы желали такой материал дать там, где он является наиболее ценным. Сюда относятся: клинические истории болезни великих людей, патографии, личные наблюдения, воспоминания, биографические данные и факты, могущие осветить ту или иную сторону наследственности, ту или иную психопатическую или психологическую черту из жизни великих людей и их творчества.

4) Помимо такого сырого материала, этот орган должен сосредоточить в себе все те работы, которые вышли раньше в этой области за все время исторического развития специальной психопатологической мысли о гениальности и патологии творчества. Таким образом этот орган должен служить специальным архивом, где сосредоточены будут все материалы, все работы, весь архив, вся история вопросов специальной психиатрии великих людей и специальной литературы в этой области.

Вся патология великих людей и вся патология гениального и одаренного творчества—об'единяется нами в одно специальное понятие—эвропатологию. Европатология, таким образом, об'единяет собой всю эстетико—творческую медицину.

Назвав наш архив, как архив „эвропатологии“—мы этим подчеркиваем специфический характер этой патологии, именно как творческой патологии, и считаем, что эта отрасль психопатологии имеет право на существование и развитие, точно также, как, скажем, судебная психопатология, школьная дефективная психопатология и проч.

Наметив вышеизложенные цели и задачи нашего издания, мы тем не ограничиваем его рамки для всех смежных областей знания, которые бы имели то или иное косвенное или прямое отношение к европатологии.

Наоборот, содружественная работа вместе с представителями других научных дисциплин нам представляется очень ценной и даже необходимой. Подходы и методы работ евгеников, психологов, биологов, клиницистов, литераторов, общественников, критиков, художников, ученых и техников всех областей—могут дать нам ценнейшие материалы и работы.

Если нашему органу удастся даже положить начало и подготовку в создании европатологии, и если мы к этому еще встретим сочувствие среди, хотя бы, некоторых кругов читателей, то этим основатель этого архива получит нравственное удовлетворение, что он сделал свое дело.

Редакция.

О задачах Эвропатологии,

как отдельной отрасли психопатологии, изучающей патологию гениально-одаренной личности и патологию творчества.

Под „эвропатологией“ *) мы понимаем всякую патологию, которая связана и сопровождается, так или иначе, с творчеством и с творческой личностью, безразлично,— с какой творческой личностью: гений, талант, вундеркинд, обыкновенный человек, вдруг, ни с того, ни с сего в приступе своего безумия творящий необычайное; точно также безразлично какого рода творчество: творчество ли гения или таланта, или творчество душевно-больного—раз это творчество связывается с патологией—мы выделяем такого рода творческую патологию в особую область—эвропатологию.

Введением понятия „эвропатологии“ мы выделяем таким образом, всю ту патологию, связанную так или иначе с творчеством в отдельную отрасль психопатологии, точно таким же образом, как в психиатрии выделяется в отдельную отрасль судебная психо-патология, сексуальная психопатология, школьно-дефективная патология и все прочие разветвления психопатологии.

Для такого выделения творческой патологии в отдельную отрасль мы имеем целый ряд оснований, а именно:

- 1) общественно-исторические,
- 2) практические,
- 3) теоретические и методологические основания.

Все эти основания рассмотрим по порядку.

Из истории развития психиатрической мысли мы знаем, как та или иная отрасль психической жизни постепенно втягивалась психопатологией в ее сферу изучения, и как соответствующие аномальные явления общественной жизни создавали соответствующую отрасль практической психопатологии для того, чтоб потом регулировать аномальные явления общественной жизни на научных

*) от слова Eūro. Euresco. Euresca, „Эврика“. находку. находка; и слово pathologia

основах данной отрасли психопатологии. Так, одна из важнейших отраслей общественной жизни—судебная практика—создает одну из важнейших отраслей психопатологии—судебную психопатологию, без которой не может обойтись ни одно судебное учреждение современности; также другая отрасль общественной жизни—школьное воспитание научно поставленное—не может обойтись без школьно-дефективной психопатологии, на принципах которой построена вся система медико-педагогического воспитания.

Точно также сексуальная жизнь общества создает сексуальную психопатологию, на принципах которой может быть регулируема сексуальная жизнь людей.

В последнее время рост экономического развития, а вместе с тем рост профессиональной практики выдвинул, наконец, необходимость создания психотехники, как новую отрасль социальной практики—определение психической ориентации и пригодности к той или иной профессии. Ясно, что вместе с развитием этой общественной отрасли профессиональной психологии должна будет создаваться новая отрасль психопатологии (патологическая психотехника или иначе: профессиональная психопатология), так как профессиональная пригодность людей с психопатическими уклонами не может определяться обыкновенной нормальной психотехникой рассчитанной на здорового человека, а должна будет определяться особой психотехникой построенной на основах психопатологии, имеющей в виду определение пригодности к профессии тех людей, которые имеют те или иные психопатические уклоны.

И это уже мы видим на последнем съезде психологов, психиатров и невро-патологов где, уже выдвигались, и намечались вопросы профессиональной психопатологии, как особый вид психотехники.*).

Так постепенно с развитием социальной практики в той или иной отрасли общественно-психической жизни развивается необходимость создания соответствующих отдельных отраслей психопатологии.

Почти все уклоны аномальной психической жизни человека изучаются и предусматриваются соответствующими отраслями психопатологии. Аномальная психика анти-социального поведения (преступника), аномальная психика школьника, аномальная психика сексуального поведения, аномальная психика в процессах труда и в выборе профессии—каждая изучается отдельной специальной научной дисциплиной.

*) Речь профессора Россозвмо: „патологические конституции и психотехника“ на Всероссийском съезде Психо-Неврологии в Ленинграде в 1924 г.

Только аномальная психика гениально или талантливо-одаренных людей, с их аномальным творчеством (в каком бы то ни было отношении) остается еще вне сферы специально-научной психопатологии, а потому вне сферы социальной практики, основанной на научных данных этой психопатологии. Между тем, во всех отраслях творчества (в искусстве, литературе, науке и в технике) мы видим эти аномальные проявления этого творчества, и мы не знаем до сих пор (да, даже теряемся перед проблемой), как отнестись к этому творчеству. В самом деле—стоит только внимательно взглянуть на продукты искусства, литературы, на футуристическое кликушество в разных отраслях творчества, чтобы убедиться, что мы имеем дело с психопатологическими явлениями.

Можно соглашаться или не соглашаться с этим творчеством, оно может быть приемлемо как ценное и оно может быть отвергнуто обществом как вредное и нежелательное—это вопрос другой. Но одно всегда несомненно—в нем есть всегда аномальное и патологическое, а потому оно может быть понято и освещено научно только с помощью психопатологии и с помощью психопатологии эти вопросы в общественном отношении могут быть регулируемы.

И поскольку новому обществу, стремящемуся быть организованному на принципах научной организации труда во всех отраслях общественной продукции без исключения, и поскольку новое общество заинтересовано будет положить конец этой дикой свистопляске в творчестве, в искусстве, (перепутанной с теологической идеологией и с метафизикой), чтобы дать правильное русло творчеству ("правильное" с точки зрения научной), по стольку новое общество с непреложной исторической необходимостью в конце концов должно будет построить соответствующую отрасль психопатологии, как отрасль медицины и биологии, на основании которой оно может подойти и к этой отрасли психики научно, выбросив вон всю ту старую рутину мещанской идеологии в понимании гения, творчества и искусства. А эта новая отрасль психопатологии, которая должна быть построена и есть эвропатология.

Выделение эвропатологии, как отрасли психопатологии, которая выделяет всю творческую аномальность и патологию в отдельную научную область (точно так же, как судебная психопатология выделяет аномальное поведение человека, школьно-дефективная психопатология—аномальное поведение школьника и т. д.) есть историческая необходимость и непреложность, ибо нельзя себе представить, что рано или поздно какая-нибудь сфера аномально проявленной психики (в особенности аномальное проявление творчества)

оставалась бы всегда метафизической, туманной, и чтоб наконец, не наступил момент, когда она делается предметом научного изучения какой-либо специально-научной дисциплины.

Такая научная дисциплина с точки зрения медицины—может быть, по нашему мнению, только эвропатология, для создания которой назрел исторический момент—общественно-исторической необходимости.

Сама эта историческая необходимость создания эвропатологии, как прикладной науки, диктуется практическими потребностями жизни, а именно:

Необходимостью государственным и общественным органам руководиться какими либо научными критериями при регулировании вопросов, касающихся одаренного творчества, одаренной личности, его произведения. До сих пор применяемый принцип государственного или частного „меченатства“, „поощрения“ должен замениться эвропатологической экспертизой, основанной на научных данных эвропатологической диагностики творческой личности, и его произведения, не с точки зрения „хорошо“ или „плохо“, „нравится это мне“ или „не нравится“, а с точки зрения: соответствует ли это произведение или этот талант законам симптоматологии данного творческого типа, или это есть симуляция таланта, симуляция творческого произведения; устанавливая эту симуляцию или подлинность этого явления так же, как судебный эксперт психиатр устанавливает симуляцию невменяемости того или иного психического состояния.

Понятно, что не имея в настоящее время таких данных, с помощью которых мы могли бы так подойти к этим вопросам—мы этого сейчас сделать не можем, ибо мы должны изучить прежде всего законы патологии, симптоматологии, диагностики проявления творчества. Необходимо сначала создать эвропатологию. Практическая необходимость такой научной дисциплины в целях вышеупомянутой экспертизы—настолько ясна всякому, что об этом не приходится распространяться. Ясно всякому, что государство немало бы средств могло сэкономить, зная, например, на какое искусство можно тратить деньги и на какое нет. Точно также ясно, что государство, зная в лице эвропатологов-специалистов законы творческой патологии, знало бы как отнестись к аномальным и часто асоциальным (вытекающим из этой аномальности) проявлениям психики такого человека, и не поставлено было бы в необходимость бросать такую личность ни в тюрьмы за его асоциальность, ни в сумасшедший дом, т. е. ограждать его от того или другого, парализуя его асоциальность иначе, нежели асоциальность обыкновенного преступника.

Далее, государству и обществу необходимо изучить генетику и биологию творческой личности, чтобы знать, в каких недрах человеческого материала можно ждать или искать эту „курскую аномалию“ человеческой продукции, и в каких социальных слоях нужно ждать эту феноменальную силу, называемую „одаренностью“. Нечего и говорить, что гибель такой громадной энергии—было-бы гибелью для человеческой культуры, а между тем, мы видим, что существуют такие научные течения в биологии, которые прямо являются угрозой для вопроса о существовании и возможности появления такой одаренной энергии в будущем.

Течение это - евгеническое. Как ни странно и как ни парадоксально звучало-бы такое заявление с нашей стороны, но выходит все-таки так, что учение, которое стремится к „оздоровлению“ человечества в то-же самое время не сознает того косвенного вреда, который может быть от этого учения в отношении генетики великих людей.

Как известно, евгеники стремятся „стерилизовать“ человечество от патологической наследственности путем целого ряда предупредительных мер, радикальных и профилактических. В Америке евгеническое течение идет настолько радикально, что практикуется даже кастрация. Правда, нашими русскими евгениками она не разделяется, но принципы профилактики усердно проповедуются. Профилактика, в целях оздоровления человечества от „плохой наследственности“—идея очень заманчивая, но практически не только не осуществимая, но даже вредная в отношении источников гениальной одаренности, в отношении генетики великих и одаренных людей и именно вот почему.

В самом деле, если мы будем следовать учению евгеников, то если в смысле „стерилизации“ людей от плохой наследственности мы достигнем хороших результатов, зато в смысле рождения великих людей у нас будут отрицательные результаты,—не будет ни одного великого, или замечательного человека, ибо, как мы покажем далее, генез великого человека связан органически с патологией, понимая патологию не как болезнь, а как биологический фактор, который является одним из сопутствующих биологических рычагов генетики и в создании природой великих людей.

Точно также (как мы это докажем дальше) патология великих людей есть необходимый компонент биологической структуры личности великого человека. Уничтожая путем евгеники один из компонентов этой структуры, мы уничтожаем возможность созидания самой структуры одаренной личности. Это положение мы дальше разовьем в

особой главе. Здесь мы этого вопроса коснемся лишь вскользь, как момента, с которым евристическому учению придется считаться. Не отрицая значения евристического течения в вопросах генетики вообще, я здесь хочу сказать, что вопросы генетики одаренных или замечательных людей не могут быть обойдены без того, чтоб не касаться вопросов европатологии, как будущей дисциплины, которая стремится осветить во всеоружии науки биологическую роль патологии в генетике и структуре великих людей. Если государство поставит вопрос, поднятый евристиками на очередь дня, то без европатологического освещения вопрос этот не может быть решен. Вот в этом европатология должна также иметь общественно-практическое значение.

Практические мотивы, которые выдвигают необходимость созидания европатологии, как отдельной отрасли „прикладной патологии“ настолько ясны и в то-же время настолько разнообразны и многогранны, что вряд ли нужно и можно предусмотреть и перечислить все эти практические мотивы.

Теперь перейдем к методологическим основаниям необходимости выделения творческой патологии в одну систему европатологии.

Как уже было сказано выше, область творческой патологии и патология одаренной личности почти что не изучены.

Имеется целый ряд причин, почему с этой областью психопатологии дело обстоит так плохо. Я здесь сейчас укажу на эти причины.

Во-первых, нет кадра специалистов психиатров, которые бы отдались специальному изучению этого вопроса. Имеются психиатры, изучающие судебную психопатологию, психиатры-дефективисты и т. д., но нет психиатров-европатологов.

О таких исключениях; как Ломброзо, Мебиус, Бирнбаум и других единичных авторах, которые изучали и вникали в этот вопрос более или менее специально, приходится говорить, как об исключениях прежде всего, а затем все-таки они изучали эти вопросы „между прочим“. Для огромного большинства других же, эта область является предметом случайных экскурсий, а то просто объектом корстного „увлечения молодости“ (как это мне однажды сказал „один видный психиатр“), иногда же просто временным модным занятием. Эти отдельные (или единичные) выступления или экскурсии в эту область единичных авторов, обыкновенно посвященные патологии или патографии того или иного великого человека—являются очень ценным материалом для освещения той или

иной замечательной личности, но страдают часто отсутствием каких-либо принципов или методов в подходе или постановке этого вопроса. Другия же авторы обнаруживают часто, при тех или иных обобщениях, такой дилетантизм вопроса, с причесью метафизики, а иногда просто обывательщины, что делается досадно за автора; и непостижимо, как клинически и биологически мыслящий человек в вопросах психиатрии и медицины, в вопросах творчества и психопатологии великого человека—превращается прямо в теолога, и лишь в лучшем случае, в метафизика-философа или метафизика-психолога того типа, выпускающего время от времени книжечку „психология творчества“ или „философия творчества“ и т. п. чисто умозрительные упражнения старо-схоластической жвачки на новый лад, не дающий ровно ничего для естественно-научной и клинической постановки этого жизненного вопроса.

Итак, нет психиатров специалистов в области патологии великого человека и патологии творчества.

Спрашивается—почему? Чем объяснить такое явление?

На наш взгляд—основная причина—та, что не было научных предпосылок в самой психиатрической мысли. Лишь с Ломброзо и его школы появился лишь фундамент для такой возможности. Это во-первых, а во-вторых, другая причина,—что нет психиатров-специалистов европатологии,—это то—что нет психиатров, которым бы личные переживания процессов творчества в искусстве (в музыке, литературе, живописи и т. д.) были бы одинаково им не чужды, как и сама психиатрия. Т. е. иначе говоря, нет таких психиатров, которые были бы сами в одно и то же время художниками, музыкантами, изобретателями и т. д., чтоб они могли подходить к явлениям творчества с точки зрения психиатрии, как к чему то не чуждому их личному психическому опыту. А то, представьте себе, что может получиться из такого психиатрического анализа творчества, анализа хотя бы и ученого психиатра, если он в области искусства—обыватель (что бывает нередко). Получается то же самое—если б психиатр-дефективист не был бы хотя бы элементарно образованным педагогом, или если б судебный психопатолог имел бы обывательский подход к вопросам права и общественных наук.

Ясно, что анализ научный, без личного опыта творчества в данной области не может иметь той ценности в таком важном и трудном вопросе, как творчество, и ученый психиатр, чувствуя это, бросает эту работу, как бесполезную. Поэтому, по нашему мнению, кадр психиатров, занимающихся специально вопросами патологии творчества, должен вербоваться из тех психиатров, которым в

одно и то же время доступно—какаянибудь область творческих переживаний (музыки, литературы, живописи научно-техническое изобретение и т. д.); психиатры же, для которых эти переживания анестезированы—не могут специально заниматься этими вопросами, кроме разве простой передачи фактов историй болезни великого человека или его патографии (как это, например, и делают в Германии некоторые психиатры, выпустившие целый ряд патографий, и тем ограничивается их работа).

Короче говоря: нет до сих пор научной разработки вопросов эвропатологии потому, что нет соответствующего кадра психиатров и в то же время творящих в той или иной области. Пока не будет таких психиатров—не будет создана эвропатология, как самостоятельно и научно разработанная область.

Спрашивается, что же может сделать психиатрия еще до появления такого специального кадра таких психиатров.

По нашему мнению, очень многое; большая, методического характера, подготовительная работа, которая может быть проделана психиатрами не специалистами. Работа эта сводилась бы к систематизации накопления фактов, материалов, их обработке с чисто клинической стороны, которые еще до сих пор не использованы.

Дело в том, что во всей психиатрической и не психиатрической литературе накопилось огромное количество сырого материала, касающегося личности великих людей.

Весь этот материал (патография, история болезни, воспоминания, биографические данные, освещающие патологию личности великих людей и их творчества, а также все другие данные), разбросанный по разным архивам и изданиям, необходимо систематизировать в один: цельный архив, обработать и осветить клинически настолько, чтобы дать возможность изучить этот материал в массовом масштабе. Ибо, изучение только на массовом материале может дать какие-либо существенные результаты в освещении законов патологии великих людей и законов патологии творчества, так как изучение патографии одного лица из массы великих людей не даст никаких оснований для каких-либо выводов и останется только единичным фактом в вопросах патологии.

Эта великая и огромная практически—методологическая работа, которой организовано должны заняться психиатры (хотя бы и не специалисты—эвропатологи); эта важная подготовительная работа даст возможность настоящим и будущим эвропатологам-специалистам иметь более точные истории болезни и патографии великих людей, на

основании чего можно будет строить эту специальную психопатологию. Это первое, что нужно сделать и это является первой и основной задачей эвропатологии, а также основной задачей этого специального архива, как собирателя-организатора такого материала.

Далее: ежегодно, во всех углах Европы, Америки, Азии, на выставках, в музеях, на всех литературных рынках и на конкурсных выставках технического изобретения, мы всегда имеем огромный материал патологического творчества, который, увы, проходит мимо исследовательского глаза психиатра.

Ежегодно также, мы наблюдаем, то здесь, то там вспышки феноменального творчества вундеркиндов, „непризнанных гениев“, душевно больных, гениальных безумцев и проч. и проч. проявления феноменального творчества; и ежегодно весь этот ценнейший пестрый материал, представляющий нелочатый край научного исследования, утекает мимо психиатрии и психиатров. А между тем, за этот материал хватаются кто только может, только не психиатры. Тут мы видим и философов, и психологов, техников, инженеров, литераторов, химиков—словом всякий, кому не лень только, считает своей обязанностью выступить с книгой, с „теорией“, „философией“ „психологией“ творчества, имя которым легион. И не удивительно, что за эту область берутся кто угодно и как угодно, ибо жизнь требует от них, и настоятельно требует, решения тех или иных вопросов творчества и они решают эти вопросы по своему „философски“, „психологически“ и т. д., ибо тот, кто должен был бы взяться за разработку и решение вопросов творчества,—эскулап—психиатр, историческая миссия которого всегда была дать решающее слово в этом деле—совсем стоит пассивно в стороне, и богатейший материал, который дает повседневная жизнь, уходит от него и от психиатрии. Вот почему мы считаем, что и здесь практическая подготовительная работа методики—это начать организовать и этот живой материал и готовить для будущего исследователя, выделяя весь этот материал в одну область подготовительной эвропатологии.

Таким образом эти подготовительно—практические работы собирания историй болезней великих людей и собирания объектов феноменального и одаренного творчества должны быть проделаны—как работы подготовительной методики и сосредоточены в один архив, как материал подготовительной эвропатологии. Когда, таким образом, подготовительная работа будет проделана, мы можем начать изучать и освещать этот материал по методу массового изучения и по методу сравнительной клинической обработки.

До сих пор мы рассматривали практически - подготовительные основания методики, требующие выделения эвропатологии, как отдельной отрасли психопатологии.

Подойдем теперь к собственно методологическим основаниям, требующим это выделение.

Одной из важнейших причин, кроме уже вышеупомянутых, почему до сих пор психопатология творчества и патология великих людей есть самая отсталая область психопатологии и сама по себе мало изучается психиатрами — является отсутствие каких бы то ни было клинических методов изучения этого вопроса и отсутствие правильной клинической постановки вопроса. Фатальная причина, почему психиатрическая мысль в истории этого вопроса попала втупик после блестящего развития школы Ломброзо. Дело в том, что клиницисты, которые подходили и подходят к этой области с клиническими методами, делают и делали грубейшие ошибки, когда они подходят к творческой патологии и к патологии великих людей с теми же методами, которые они применяют к патологии обыкновенных людей (не творящих и не гениально одаренных). Это та коренная ошибка методологии, которую всегда делают и делали почти все психиатры без исключения, и которая привела в тупик весь этот вопрос клинического изучения великих людей и вопрос о патологическом творчестве.

Ошибка, которую делает клиницист здесь, та же самая, что делают и не клиницисты (психологи, философы, историки, литераторы и др., теоретики вопроса противоположного лагеря), когда они те же методы психологии, которые они выработали по отношению к обыкновенным людям, применяют и к великим людям и к их творчеству. Как нельзя, по нашему мнению, подходить с методикой нормальной психологии, так и нельзя, по нашему мнению, подходить с методами „нормальной“ (если можно так выразиться) патологии, применяемой при клиническом изучении с совершенно другой целью, с другой точки зрения „лечения болезни“, с точки зрения „здоровья“ и „болезни“, а потому приводящей к иным результатам. Клинический метод подхода к этим явлениям с точки зрения „болезни“ и „здоровья“ неизбежно привел к отрицательной оценке патологии великих людей, как к явлению дегенеративному, а потому в корне не продуктивному методу к дальнейшему развитию этой теории, как исходящему от оценки явления природы великих людей с точки зрения противоположения „здоровья-болезни“. Тут допускается такой силлогизм: все болезненное, патологическое, как вредное для здоровья человека, есть явление дегенеративное. Великие люди одержимы патологией,

следовательно великие люди принадлежат к дегенеративным явлениям. Вот, та фальшивая логика, на которой строятся все недоразумения вопроса.

Прежде всего нам нужно оставить в стороне такую точку зрения и такой метод подхода к патологии великих людей, и сделать полный пересмотр посылок, из которых вытекает такое умозаключение.

Прежде всего о патологии.

Биологически и исторически сложилось так, что наши чувства и инстинкты выработали такой защитительный психический рефлекс, что на патологию мы смотрим с отрицательной стороны, как на зло, как на болезнь. Борьба с которой наше призвание врача. Оно понятно и естественно. Но с развитием наших знаний, мы однако, поняли, что с помощью той же патологии мы делаемся сильнее в борьбе с этим врагом-болезнью. Мы прививаем каждому здоровому человеку яд оспы, дифтерита, для того, чтоб обеспечить его от той же оспы и дифтерита. Следовательно мы научаемся постепенно видеть и ценить положительные стороны патологии; и, собственно, весь процесс новейшей медицины сводится к тому, чтоб понять и уметь применять механизм положительной патологии, делая его нашей физиологией и биологическим фактором нашего существования и борьбы. И в самом деле—что такое иммунизация организма, как не патологизация—человека. И чем больше медицина будет успевать, тем более мы будем себя патологизировать (Resp—иммунизировать) от всех врагов болезней, с помощью положительных сил этих же болезней.

Иначе говоря, что это значит научиться оценивать патологические явления положительно?

А это значит, что мы постепенно научаемся смотреть на патологические явления диалектически. А что такое смотреть на патологию диалектически?—А то, что явления физиологического и патологического порядка иначе „здоровье“ и „болезнь“) есть явления между собой антагонизирующие, и находятся между собой в каком-то постоянном противоречии и в постоянной борьбе, и в то же самое время настолько между собой симбиозируют, что одно без другого нельзя себе представить. Нельзя себе представить биологического развития человека без этих биологических предпосылок борьбы и антагонизма. Мы только не всегда умеем вскрывать смысл и логику этих противоречий. Только тогда, когда мы научаемся вскрывать эту логику противоречий, мы имеем возможность и оценивать истинное значение этих антагонизирующих моментов положительно или диалектически; оценить что-нибудь противоречивое по отношению к какому-нибудь отдельному моменту—это значит оценить его диа-

лектически, оценить же явление изолированно, без отношения этого явления к своему антагонисту, значит оценивать это явление не диалектически.

Между тем, нигде так ярко не бросается в глаза диалектичность явлений, как в явлениях, называемых „болезнью“ или „здоровьем“. И вся медицина, чувствуя инстинктивно и слепо нащупывая шаг за шагом эту диалектичность, постепенно научается оценивать смысл и значение вчерашнего „врага“—болезнь, как этап, как фактор, необходимый для дальнейшего развития в борьбе за здоровье человеческой массы в целом.

Все современное учение о внутренней секреции, все антагонизирующие элементы эндокринологического учения, — разве не основаны на этой диалектичности явлений патобиологического мира? Нет сомнений, что вместе с дальнейшими успехами в учении внутренней секреции, понятия о патологии настолько переменятся в смысле положительной оценки, исходя из диалектического понимания природы, что мы будем уметь точнее разбираться в этих понятиях, и тогда нам станет яснее: какая патология есть регенеративная (или прогенеративная) и также, какая патология есть защитительная, иммунизирующая наш организм, и какая патология „наступательная“ (прогенеризирующая наш организм) дающая нам новые преимущества в борьбе.

И вместе с отходом в историю учения о дегенерации психиатров XIX столетия отойдут в историю постепенно и все те понятия о патологии не диалектически, понятие, и не диалектически оцененные и примененные.

Правда, природа для проведения своих биологических планов пока долго еще будет действовать грубо-эмпирически, т.-е. много миллионов людей она будет уничтожать сыпным тифом, сифилисом, туберкулезом и проч. ядами, следуя принципу: „Когда рубят лес, щепки валяются“. За то та же природа подсказывает нам всегда и всюду следующее: Успех вашего будущего, более высокого развития вашей эндокринной системы требует, чтобы вы прошли этап диалектического развития через сыпной тиф, испанку, летаргический энцефалит и проч. неприятные вам биологические этапы и требует, чтобы вы пожертвовали частицей вашего человеческого коллектива для того, чтоб оставшаяся часть вашего коллектива народила более сильного и совершенного человека с более совершенной эндокринной системой. Если вы прошли этапы „проказы“, „чумы“ и проч. бичей и вы не выродились, не дегенерировались, а, наоборот, выродилась сама „проказа“, вырождается чума, оспа и проч., то также выродится сифилис, туберкулез и все прочее; за то че-

ловечество, получив благодаря этим биологическим этапам новые гормоны в эндокринной системе, новую биохимическую структуру, новую психику, тем сумеет НОТ, изировать эту „Рубку леса“, чтоб меньше было „щепок“ в будущем; но смотрите, чтоб с вами не случилось то-же самое, что с теоретиками „дегенерации психиатров XIX столетия, которые из-за этих „щепок“ перестали видеть „лес“ и дошли до того, что стали кричать о дегенерации человечества и о дегенерации великих людей, и еще более, стали сажать в сумашедшие дома величайших своих „рубщиков“, своих гениев.

Таким образом, из всего вышеуказанного следует, что мы должны оставить раз навсегда не-диалектическое понимание патологии. Это недиалектическое понимание ведет нас волей неволей к методологическим ошибкам, которые делаются часто клиницистами. Если-же мы пойдем с диалектическим методом оценки к явлениям мира патологического, то нам придется сделать полную переоценку понятий, а также научиться дифференцировать, что из мира патологического мы должны оценивать, как „дегенеративное“, и что из патологического мира мы должны оценивать, как „регенеративное“ (Kesp, „прогенеративное“), т.-е. иначе говоря, что мы должны оценивать, как положительное, и что, как отрицательное.

Нам придется и учение психиатров XIX века о „вырождении“ также пересмотреть под углом такой диалектической переоценки понятий с точки зрения вышеупомянутых соображений, тогда, конечно, значение этого учения сузится до минимума (что уже под влиянием критики этого учения—о вырождении—отчасти и делается). Тогда мы сумеем найти те методы и подходы, которые уже ближе подвинут понимание патологии одаренности и гениальности и патологического творчества.

Как на яркий пример того, что в природе часто патологическое связано с физиологическим—диалектически, и что патология в этих случаях играет роль не отрицательного, а положительного момента в развитии природы,—мы лучше всего можем проиллюстрировать механизм и актом женских родов.

Как известно, механизм женских родов построен так, что без патологического компонента этого акта (болевые схватки, кровотечения, насильственные диссоциации тканей и проч. патологические моменты при акте рождения) нельзя себе представить нормального физиологического процесса рождения и, следовательно, здесь патология играет физиологическую роль. Здесь, при родовом акте акушер вовсе не смотрит на патологические симптомы и на симптомы биологической продуктивности как на случайное,

сочетание; акушер здесь не смотрит на патологические симптомы, как на „болезнь“;—он оценивает этот симбиоз симптомов, как единый положительный симптомо—комплекс родового акта, как на единый родовой механизм (*Mechanismus Partus*), где патологические симптомы входят положительным компонентом этого механизма, т. е. оцениваются им диалектически. (Только в случаях при уклонении этого патологического компонента в сторону от обычного типа,—патологический компонент, а вместе с тем и родовой акт оценивается им, как „болезнь“, т. е. отрицательно.)

Таким образом, эта двоякая феноменология родового акта с его симбиозом физиологического и патологического, дает акушеру и его собственную специфически акушерскую методологию в изучении этого явления, методологию, хотя и клиническую, но все-таки, резко отделяющуюся от всех других методов клинической патологии.

И, действительно, к такой положительной патологии, как женские роды,—мы имеем со стороны акушерской медицины совсем другой подход, другие методы, благодаря чему существует особая наука в медицине—акушерство, имеющая в виду именно тот факт, что „роды“ хотя явление физиологическое, все-таки смешанное с патологией и, как таковое, не подходит ни к чистой физиологии, ни к чистой патологии, а выделяется от той и другой в нечто третье—в акушерскую научную дисциплину, имеющую свои понятия патологии, свою клинику, свои методы диагностики и т. д.; и ни одному патологу или физиологу не вздумается подойти со своей методикой в эту область биологии, понимая, что их методы физиологические и патологические сюда не подходят, и именно потому, что здесь имеем дело с особым биологическим состоянием, где физиология сцеплена с патологией диалектически так, что одна без другой не имеет своего биологического смысла. Все это говорит за то, что не всякую патологию нужно квалифицировать в отрицательном смысле (как „болезнь“) как „дегенеративное“ явление и что, наоборот, во многих явлениях природы патология, как это мы и видим здесь при родах, есть нечто положительное, генеративное, физиологическое, несмотря на ее болезненность течения. Эта положительная патология требует к себе другого подхода, другого метода научной оценки, когда мы ее хотим изучать.

Вот точно также и патология великих людей есть такая-же патология диалектически связанная, патология не отрицательная, а положительная в том смысле, как мы эту патологию наблюдаем в женских родах;—вот почему психопатолог, который подходит с обычными мето-

дами патологии, делает то-же самое, если-бы мы с методикой терапевта стали-бы: подходить там, где нужно применять методику акушерства. Ясно что, при современном состоянии медицины,—нам кажется это нелепым.

Вот точно также, нам кажется нецелесообразным подходить к патологии великих людей с такой точки зрения нормальной патологии (а с методами современной нормальной физиологии или психологии—тем более.) Вот почему нам нужно оставить совершенно в стороне применение всех методов обычной патологии, употреблявшиеся до сих пор и имевшие в виду „болезнь“ великого человека т. е. патологию отрицательную, а не его „роды“ (если можно грубо так выразиться), как особое патолого-физиологическое состояние, где патология входит положительным компонентом этого состояния и играет положительную роль, как в механизме структурного образования гениальной личности, так и в механизме его „гениальных родов“; где патология не есть просто „болезнь, а служит „творческими болевыми схватками“, дающая величайшие плоды биологической продуктивности,—гениальные произведения; и где физиологический акт „рождения“ этих произведений так органически связан с этой патологией, что составляет какой-то особый физиолого-патологический психомеханизм; а для изучения этого механизма нужны методы, хотя и клинические, но все-таки не просто клинические, а „акушерско-клинические“ (если можно так грубо выразиться для аналогии), имеющие в виду, как уже было сказано выше, объектом не патологию дегенеративную, а патологию генеративную, способствующую так или иначе воспроизведению „здорового детища“, гениального произведения на свет. Тут могут спросить, действительно-ли феноменология гениальности и феноменология гениальной продуктивности в своих проявлениях аналогична феноменологии женских родов в смысле симбиоза патологического с физиологическим. Не есть-ли эта аналогия натяжка.

Если мы будем изучать феноменологию тех людей, которым мы даем название „великий“, „гениальный“, „замечательный“ человек и спросим себя, чем они отличаются от всех других людей, то объективные исследования всегда покажут нам, что в этой феноменологии мы всегда можем константировать этот своеобразный симбиоз симптомов: с одной стороны симптомы необычайной продуктивности, с другой стороны симптомы психической аномальности (в какой угодно форме). Этот симбиоз симптомов одаренности с патологическими-проходит красной нитью по всей феноменологии изучаемых нами великих или замечательных людей (что мы покажем далее в целом ряде

работ). Нигде так ярко не выступает диалектичность феноменологии гения (или таланта), а так же феноменология симптомов одаренного творчества, как в феноменологии великих и замечательных людей. Это мы так же увидим в дальнейших работах на страницах этого архива. Уже сама по себе такая исключительная феноменология дает нам совершенно другие предпосылки в понимании и постановке всего этого вопроса. А этим самым мы получаем совершенно другие основания для построения другой методологии, годной для построения того учения, названного нами-европатологией.

Но чтобы использовать эти предпосылки надлежащим образом, нам нужно научиться уметь их вскрывать диалектически, нам нужно прежде всего отбросить наши привычные способы подходить к этому явлению. Мы привыкли (как это уже мы выше отмечали), ко всякому явлению подходить с точки зрения „охранять здоровье“ и „лечить болезни“. Этот контекст нам мешает правильно оценивать те явления в биологии, которые существуют не для того, чтобы их „лечить“ или „охранять“.

Такой подход с точки зрения „здоровья-болезни“ мешал в свое время Ломброзо и его школе делать надлежащую оценку патологии великих людей и привел его к отрицательным выводам, определив патологию гения, как дегенеративную патологию.

С такой же точки зрения подходят и современные евгеники, когда они предлагают, или уже проводят, меры стерилизации для „оздоровления“ человечества от патологического потомства, людей одержимых той или иной психопатией.

Таковую же точку зрения применяют все те, которые делят творчества на „больное“ и „здоровое“. Правы они постольку, поскольку в обыкновенной феноменологии нормальной жизни имеется „здоровье“ и „болезнь“ и имеется потребность первое „охранять“ второе „лечить“. Неправы они здесь, в феноменологии гениальной продуктивности, насколько здесь имеется налицо два признака: патология и высшая творческая продуктивность, диалектически связанные меж собой и скрывающие в себе и другие диалектические планы и другие предпосылки, не совпадающими с нашими субъективными желаниями „лечить болезни“ и „охранять здоровье“.

А потому эти предпосылки требуют по отношению к себе другого подхода и другую методику исследования. А эта необходимость другой методики исследования и вызывает необходимость создания особой научной дисциплины-европатологии, которая-бы,

1) клала в основу методику диалектического понимания биологии великих людей,

2) относилась-бы к общей психопатологии так, как, примерно, акушерство относится к общей клинической патологии;

3) симбиозирующие симптомы патологии и симптомы феноменальной продуктивности изучала бы не изолированно, а как единый симптомокомплекс.

И так, из всего вышесказанного мы видим, что для выделения патологии великих людей в особую отрасль психопатологии—эвропатологию, мы имеем также и методологические основания.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходим к следующим данным:

1) Та отрасль психопатологии, которая занимается изучением патологии великих людей и патологии творчества,—до сих пор остается самой неразработанной и неосвещенной отраслью в психиатрии, а между тем, историческая, общественно-практическая необходимость настоятельно требует более ясного и определенного научного освещения этой проблемы.

2) В целях более успешного продвижения этого вопроса вперед, мы должны выделить эту отрасль в отдельную отрасль психопатологии, названную нами „эвропатологией“, подразумевая под этим названием всякую патологию психики, сопровождающуюся высоко одаренным или каким-либо феноменальн. творчеством какого угодно порядка и качества.

3) Как таковая, эвропатология не только есть следствие исторической, общественно-практической необходимости, но и вытекает из потребности другой-методологической постановки вопроса, другой клинической методики. И именно такой методики, которая-бы вытекала из природы и феноменологии изучаемого объекта более, нежели это имело до сих пор место.

4) Единственно возможная методика в изучении патологии и клиники великих людей и патологического творчества—является диалектический метод, которым только можно подойти к той своеобразной феноменологии великих людей, где антагонизирующие и, в то-же самое время, симбиозирующие симптомы (т.-е. симптомы патологии и симптомы гениальной продуктивности) даны, как таковые, как нечто цельное и нераздельное в диалектическом смысле.

Всякое-же изолированное изучение симптомов одаренности и симптомов патологии, есть изучение биологии великих людей, игнорирующее диалектичность природы великого человека, а потому такое изучение не может вести к цели, а ведет только к ошибкам.

Только при такой постановке вопроса и только на основании таких принципов—может быть построено то учение о патологии и биологии великих людей, которое мы выделяем, как эвропатологию.

Патогенез и биогенез великих и замечательных людей.*)

О том, что великие и замечательные люди происходят из таких семейных условий, где ближайшие предки или родственники по отцу или по матери являются личностями психопатического склада (если не, иногда, просто душевно-больными)—было уже давно замечено психиатрами, а также и не психиатрами, ибо это обстоятельство всегда резко бросалось в глаза. Но всегда этому явлению придавалось не то значение, которое бы следовало дать при оценке природы великого человека. Одни считали это случайным явлением, другие ставили этот вопрос в плоскости учения о вырождении, но так или иначе надлежащую, научную оценку и более или менее удовлетворительного освещения этот вопрос до сих пор не имел. Метод изучения, которому мы следовали метод массового сравнительного изучения этого явления на массовом материале дает нам совершенно другие возможности исследования и оценки, а также дают нам другие выгоды и результаты. Прежде всего мы раз навсегда оставили не научную мысль о случайности этого явления.

Там, где, как на нашем материале, мы видели патологическую отягченность ближайших предков и родственников, как явление почти сплошное, там не может быть и речи о случайности этого явления.

Да и, притом, в природе нет ничего случайного.

Затем, ставить этот вопрос в плоскости учения о вырождении—считаем также отжитой и бесплодной как метод.

Такой метод, с которым нужно подходить заведомо с точки зрения отрицательной оценки: с точки зрения „болезни“ и „здоровья“—такой метод не годится. Нам нужен такой биологический метод, по которому мы могли бы подходить с точки зрения полноты каждого явления в природе, безотносительно к „болезни“ и „здоровью“. И говорим: раз явление патологической наследственности существует у великих людей, как массовое явление

*) Речь идет о великих и замечательных людях литературно-художественного творчества, и, отчасти, научного творчества, так как материал, который приводится в этой работе, главным образом взят из генеалогии замечательных людей литературно-художественного творчества, следовательно, и выводы в этой работе—относятся к ним.

ние, то спрашивается: какова ее положительная роль. Какой биологический смысл она имеет в природе великих людей?

Какова отрицательная роль—мы слышали достаточно от теоретиков дегенеративной теории. Для освещения природы великих людей, эта теория нам ничего не дала положительного.

Освещение же вопроса о положительной роли этой патологии мы еще до сих пор не имеем. Всегда, когда тот или иной ученый исследователь (Дальтон—Декадоль и друг.) касались вопросов наследственности талантливых и замечательных людей, при вопросе о наследственной преемственности таланта, никогда не касались вопроса: почему на ряду с этой наследственной преемственностью таланта идет рука об руку наследственная преемственность психотизма (в той или иной форме), и что, почему эта фамильная передача этих 2-х признаков (талантливости и психотизма) наследственно идут параллельно.

Ведь, не может быть случайным такое явление, а должна быть между этими 2-мя явлениями какая то закономерная связь, какаля то корреляция.

Вот на эти то вопросы авторы ответа не дают. Вот поэтому то ценность исследования этих авторов значительно понижается. Вопрос этот они совершенно просмотрели. Предпринятое нами здесь исследование этого вопроса, заставило нас главным образом обратить внимание на эту сторону вопроса, и дали нам совершенно другие результаты, как это мы увидим далее.

Прежде, чем перейти к предмету наших исследований, мы должны сделать несколько вступительных замечаний.

Объектом наших исследований мы брали фамильные данные всякого замечательного или великого человека, (главным образом литературно-художественного творчества), если мы находили о нем соответствующий материал (история болезни, патографии и биографич. материал), из которого можно было установить те патологические данные приводимые ниже.

Причем, мы брали всякого замечательного человека объектом исследования, безотносительно к степени и квалификации одаренности („гений“, „талант“, „посредственный талант“ „крупный талант“ и т. д.). Раз данное исследованное лицо было известно как замечательное, в том или ином отношении, мы брали его объектом исследования.

Можно сказать, что мы брали в качестве объекта исследования не специально подобранные имена замечательных личностей, а наугад всякую замечательную личность, о которой только нам попадались под руки—материалы и соответствующие источники.

Мы брали материалы, главным образом, людей литературно-художественного творчества потому, что нам такой материал был более доступен при тех условиях работы, где автору приходилось работать в условиях, где нет достаточных архивных материалов.

Второе замечание которое я считаю необходимым сделать, это о том, как мы понимаем понятие „патологическая отягченность“.

Современное состояние психиатрической мысли в вопросе о наследованной отягченности—позволяют нам делить все пато-психические состояния на две группы:

1) На психотиков, т.-е. людей одержимых явно душевными заболеваниями уже чисто клинического типа и на:
2) препсихотиков, т.-е. людей, которые хотя и не представляют из себя клинический тип душевно-больного, но имеют в себе все определенные черты ненормальности говорящие уже сами по себе, что у этих людей—конституционально так построена психика, что, во первых, они при известных условиях могут быть подвержены соответствующему психическому заболеванию, во вторых, что они генетически происходят сами или от психотиков, или же от таких-же препсихотиков как и они сами, а в среде их ближайших родственников имеются те или иные (т.-е. психотики или препсихотики). И в третьих, потомство от них, препсихотиков, будет также или психотические типы, или такие же препсихотические типы.

Словом, в лице такого препсихотика мы будем иметь конституционального психотика, имеющего в себе скрытые гены психического заболевания, которые всегда могут выявиться полностью, пока же дают только те или иные психопатические черты (часто черты так называемые по старой терминологии: „дегенеративности“) определенно выраженные. Такие препсихотические типы (или типы конституциональных психотиков) можно рассматривать как переходные типы, однако к здоровым типам их с клинической точки зрения причислить нельзя.

Таким образом, с точки зрения современного состояния вопроса о наследственности в психиатрии под „отягченными наследственно“ мы должны понимать не только тех, которые имеют среди родных в восходящей и нисходящей линии психотиков, но и также таких, которые имеют в восходящей и нисходящей линии препсихотиков.

И так, если мы будем говорить об „отягченности“, то мы здесь заранее и условимся в таком смысле это понятие употреблять.

Теперь, пару слов еще о современных данных статистики этой патологической отягченности. Как известно последние данные статистики отягченности в связи с мен-

делистическими исследованиями в психиатрии дали совершенно противоречивые результаты, и настолько противоречивые, что цифровые данные отягченности здоровых людей и данные об отягченности душевно-больных, не имеют большой разницы.

Так, по Коллеру 1)

отягченность у душевн.-больн.—76% у здоровых—59%

По Дим'у 2) . . . » . . . —77% » —66%

Шоломовичу 3) . . . » . . . —69% » —60%

Так, что на основании данных статистики этих авторов—семьи больных имеют лишь немного больше больных родственников, чем семьи здоровых. Так что ценность цифровых данных при суждении об „отягченности“ на основании этого-резко снижается.

Но здесь нас сам по себе этот вопрос не так интересует. Нас интересует вопрос об отягченности специально у великих и замечательных людей по сравнению с этими данными здоровых и больных людей. Тут мы увидим совершенно другие результаты.

Если мы спросим, справедливы ли эти цифровые данные по отношении великих и замечательных людей, то мы должны ответить отрицательно.

Какая же разница между цифровыми данными наследственного отягощения у великих людей по сравнению с другими людьми (как здоровыми, так и душевно-больными)?

Разница данных наследственной отягченности между замечательными людьми и другими людьми (как здоровых, так и душевно-больных) выразится в таких данных, что позволяет нам более определенно судить о степени наследственной отягченности великих и замечательных людей. На основании наших данных отягченность у великих людей литературно-художественного творчества будет 100%. Так, что в сравнении с вышеприведенными данными отягченность у обыкновенных людей (как больных психически, так и не больных) выразится таким образом, если мы вышеприведенные данные, возьмем в округленных цифрах:

У здоровых отягченность — 60%

У душевно-больных — 70%

У великих людей отягченность —100%

Что это означает?

А то, что всякий без исключения великий или замечательный человек литературно-художественного творчества имеет наследственное отягощение, в то время как душев-

1) 2) 3) Цитировано по статье Серебровского стр. 141 „Евгенический журнал“ том. I выпуск 2-й.

ные больные в 30% приблизительно могут не иметь этого отягощения, а здоровые люди в 40% приблизительно, могут не иметь этого отягощения. Великий же или замечательный человек не может не иметь отягощения совершенно ни на $\frac{1}{2}$ процента. По крайней мере на нашем материале мы не могли не найти не отягченных.

Это обстоятельство ставит вопрос о наследственности у великих людей совершенно в иной плоскости, а потому как бы не были, противоречивы данные последственной отягченности в отношении здоровых и душевнобольных, этот же вопрос в отношении великих людей для нас стоит ясен: отягченность великих людей, по крайней мере, по отношению литературно-художественного творчества, сплошная и без исключения и с этим фактом нам только приходится считаться как с биологическим явлением структуры великого человека.

Но об этом речь будет впереди.

Раз это так, раз у великих людей наследственная отягченность сплошная, то волею не волею напрашивается вопрос: почему такое избирательное явление у великих людей? Вопрос который требует освещения и разрешения. С точки зрения нашей методики постановки вопроса и изучения патологии великих людей, где патология для нас есть структурный компонент гениальной и одаренной личности, а не «болезнь», и где эта патология оценивается нами как нечто должествующее иметь положительное значение в биологии великих людей, нам будет это понятно это избирательное явление, ибо мы трактуем, этот патологический фактор наследственности, идущий параллельно с фактором наследственности таланта и одаренности, как особой закон наследственности у великих людей.

К нему сейчас и перейдем.

Еще в 1922 году в одной из наших работ: „основные задачи эвро-патологии“ (Уральский врач 1922 г. № 3,4—5,) мы развивали ту мысль, что необходимым родовым условием для появления гениальной одаренности, т. е. необходимым родовым условием для выявления в жизнь потенциальной одаренности (в форме ли таланта или гения—безразлично) в ряду предков, где имеется нарастающее накопление одаренности,—является необходимым условием скрещение этой линии потомков с такой другой линией потомков, которые являются носителями явного или конституционального психотизма, т. е. иначе говоря: Гений или замечательный человек—есть результат таких 2-х скрещивающихся биологически родовых линий из которых одна линия предков (примерно скажем линия отцовских предков) является носителем потенциальной одаренно-

сти, другая же линия предков (материнская) является носителем наследственного психотизма или психической ненормальности.

В результате скрещивания 2-х таких родовых линий рождается гений талант, или вообще замечательный человек.

Таким образом био-патологически гений (или талант, замечательный человек) является результатом скрещивания 2-х таких наследственно родовых компонентов, из которых каждый имеет свою особую квалификацию. Если один из этих 2-х компонентов составляется из родовой линии (отцовской или материнской) носителей симптомов одаренности (в том или ином виде) и составляет, таким образом, линию аккумуляции одаренности, то другой компонент составляемый из другой родовой линии (отцовской или материнской), является линией носителей симптомов психопатии (в той или иной форме).

Первую линию (или первый компонент) гениальности мы обозначали как линию кумулятивную (или кумулятивный компонент). Вторую линию (2-й компонент) гениальности—мы обозначали как линию диссоциативную.

О том, какую роль будет играть в структуре великих людей каждый из этих компонентов, и в особенности компонент психопатический, а также взаимоотношение этих компонентов—будет речь впереди. Пока же отметим здесь что био-патологическая необходимость этих 2-х компонентов при выявлении гениальной одаренности является настолько необходимым условием, что эта необходимость является био-генетическим законом, без чего не может быть, выявлен гений, талант или великий человек вообще.

Об этом био-генетическом законе гениальности—так же будет речь впереди, пока же перейдем к фактической стороне вопроса, из которого будет видно, что вышеупомянутые 2 родовые условия выявления гениальности—действительно можно показать на фактах в родовых соотношениях у великих людей.

Т. е. мы приведем целый ряд фактических данных из генеалогии великих людей, откуда будет видно: действительно-ли у них имеются эти 2 компонента на лицо. К этому мы и перейдем сейчас.

1-я Группа примеров, где по отцовской линии отмечается одаренность; по материнской линии наследственная отягченность.

Гоголь.

По линии отца.

Отец Гоголя, Василий Афанасьевич Гоголь, был, по словам Данилевского человек в высшей степени интересный, бесподобный рассказчик и обладал несомненным эстетическим чутьем и литературным талантом, писал стихи и ему принадлежит авторство 2-х комедий, которые сын его высоко ценил, и о которых критика того времени отзывалась, что он из родного быта интересно и умно почерпнул элементы своей комедии.

Таким образом, линия отца Гоголя является линией потенциальной талантливости, ярко выражающейся в литературном дилетантизме отца Гоголя.

По линии матери.

Мать Гоголя по всем данным была душевно-больная. Это подтверждает и товарищ Гоголя, близко ее знавший, Данилевский, а также Трахимовский (русск. старина 1888 г. июль), знавший также близко семью Гоголя. Он говорит:

„Мария Ивановна Гоголь была крайне впечатлительная и подозрительна, бывали дни, недели, целые месяцы, когда впечатлительность М. И. Гоголь доходила до крайних пределов, достигала почти болезненного состояния“.

Из этого видно, что ее подозрительность принимала подчас характер бредовых идей. Затем мы можем констатировать явно болезненные и легкомысленные поступки в практических делах, о чем указывают ее дочери, что она покупала совершенно не нужные вещи (даже в кредит), которые приходилось отдавать обратно. Шенрок, биограф Гоголя говорит о ее „болезненной мечтательности“ и о странной задумчивости, продолжавшейся часами, при чем выражение лица резко изменялось.

Известно также, что мать Гоголя приписывала сыну весь технический прогресс, изобретение телеграфа, железных дорог и проч. и не было никакой возможности разубедить ее в этом. Наконец сам Гоголь считал ее также душевно-больной. Он пишет сестре своей Анне Васильевне (12.IV-1839 г. из Рима) „слава богу, наша маменька физически здорова, я разумел душевную, умственную болезнь,

о ней была речь. Психиатр проф. Чиж, в своей известной монографии о болезни Гоголя, считает мать Гоголя также ненормальной

Кроме матери Гоголя определенно выраженным психозом страдал племянник Гоголя Трушковский. Таким образом, по материнской линии мы видим в лице матери Гоголя, психопатический компонент. От скрещения этой линии материнской с отцовской происходит писатель Гоголь, который, как известно, сам страдал психически, и это же психическое страдание через его сестру передается его племяннику.

Тургенев.

По линии отца.

Род Тургеневых-старинная дворянская фамилия, представители этой фамилии дали в истории ряд замечательных людей, из них:

Петр Тургенев, обличавший лжедмитрия, за что был казнен, в тот же день в Москве на лобном месте.

Яков Тургенев, который обрезывал бороды бояр по приказу Петра I в 1700 г.

Литературной деятельностью Тургеневы известны со времен видного деятеля „Новиковского“ Дружеского Общества, ревностного массона.

Ивана Петровича Тургенева, дети которого имеют почетную известность в истории русской литературы.

Александр Иванович Тургенев, как член „Арзамаса“ друг Карамзина, Жуковского, Пушкина и

Николай Иванович Тургенев, автор известной брошюры „о налогах“ направленной против крепостничества, а также книги „En Russie et Ju Russes“, впервые познакомившей Европу с Россией.

Это все родственники деда писателя.

Таким образом литературная талантливость отмечается у отдаленных предков и родственников еще деда Тургенева. Эта талантливость у ближайших и непосредственных родственников у отца и деда Ивана Сергеевича находится повидимому в латентном состоянии, так как симптомов талантливости или литературного диллетантизма у отца не замечается.

Посмотрим с кем скрещивается эта линия отца.

По линии матери.

О материнской линии Тургенева мы можем судить по матери Тургенева Варвары Петровны. Сам Тургенев характеризует ее как взбалмошную, дикую, бессердечную и жестокою женщину, которую он никогда не лю-

бил, и которая его тоже презирала. Она часто секла ре-бенка Тургенева и настолько жестоко обходилась с ним, что он даже ребенком пробовал бежать.

Сам Тургенев говорил, что он вырос среди побоев и истязаний. Среди дворовых и крестьян села Спасского (имения Тургенева) она хорошо была известна, как жестокий истязатель-самодур и как помещица со всякими чудачествами и сумасбросствами.

В селе Спасском крестьянами вспоминалось: как однажды Варвара Петровна в холерный год, страшаясь холеры, но считая нужным лично обрезать свои владения, она, узнав от фельдшера, что зараза зиждется в воздухе, велела смастерить стеклянный шкаф. В шкаф поместила кресло и сидя в этом шкафу, поставленном на носилки, торжественно появлялась в селе Спасском, причем однажды встречный мужичек вообразил, что несут икону, набожно простерся ниц перед шкафом и положил грошик на его выступ, вызвав тем сильный гнев Варвары Петровны; и она приказала Бурмистру немедленно выбрить лоб нессобразительному мужичку. Из этого видно, что мать его несомненно была, во всяком случае, психопатической натурой (если не душевно-больной).

Таким образом и тут линия матери, как линия психопатическая скрещивается с потенциально одаренной линией отца, в результате от такого скрещения происходит Тур-гнев.

Чернышевский.

По линии отца.

Отец-человек образованный, выделяется умом, гуманностью, уравновешенный добрый человек.

По линии матери.

Мать-особа болезненная, нервная, с психопатическими чертами характера. Чернышевский говорил о ней: „в характере маменьки лежит во все вмешиваться“ (из дневника Чернышевского).

Шуман.

По линии отца.

Дед композитора—был бедный священник. Сын его, отец композитора, Фридрих Август обладал поэтическим дарованием. Отец определил его на торговые дела, не взирая на его очевидные стремления к литературе.

Он писал роман, перевел на немецкий язык произведение Байрона и Вальтерскота; первый предпринял дешевое карманное издание классических произведений иностранной литературы, и вообще занимался всякой деятельностью, которая прикасалась близко к любимой им литературе и книге.

Был человек сосредоточенный, с серьезным и ровным характером. Таким образом, отец его проявлял симптомы одаренности литературного характера, которая у сына разряжается в музыкальную гениальность.

По линии матери.

Мать Иоганна Кристина, урожденная Шнабель, представляла крайнюю провотиположность мужу, вспыльчивая, горячая, возбужденная и несомненно психопатическая особа, которая к концу жизни впала в состояние патологической экзальтации и восторженности.

Единственная сестра и сын композитора—душевно-больные.

Таким образом, тут также линия матери дает тот диссоциативный фактор для разряда потенциальной одаренности в лице композитора Шумана, болевшего психически и окончивши свою жизнь в психиатрическом заведении гор. Бонна.

Штирнер Макс.

По линии отца.

Отец—музыкальный дилетант, и мастер духовых инструментов.

По линии матери.

Мать—душ.-болн., болела психически несколько лет.

Красинский. (польский писатель).

По линии отца.

Отец—способный и талантливый человек.

По линии матери

Мать—страдала душевною болезнью (меланхолией)

Джонсон Самуил.

По линии отца.

Отец был замечательный человек.

По линии матери.

Мать душевно-больная.

Ибсен.

По линии отца.

По отцу одаренность.

По линии матери.

По линии матери—психопатическия заболевания.

Грибоедов.

По линии отца

Предки происходят из старинного дворянского рода, вышедшие из Польши, так:

Михаил Ефимович Грибоедов, за его службу, был награжден (как это видно из старинных грамот) царем Михаил Федоровичем.

Федор Иванович Грибоедов (сын Яна Грымбовского) был вызван из Польши, как сведущий законник, для составления уложения, за что так же был награждаем царями Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем.

Таким образом, у отдаленных предков уже, отмечается одаренность, которая потом переходит в скрытое состояние; так как, ни дед Грибоедова Иван Федорович, ни отец его Сергей Иванович, ничем себя не проявили.

По линии матери.

Мать, Настасья Федоровна, была женщина с тяжелым характером: властная, заносчивая, вспыльчивая и сварливая, кичилась своим знатным родом; все стонали от ее самодурства.

Таким образом, мать его была женщина с патологическим характером.

Циммерман.

По линии отца.

Отец способный одаренный человек.

По линии матери.

Мать нервная особа, которая в конце концов заболела психически.

Сын его был болен психически чуть-ли не несколько десятков лет.

Сам Циммерман-поэт был также психически больной человек.

Джон Рескин.

По линии отца.

Отец любил очень природу, поэзию и искусство.

По линии матери.

Мать была, особа психопатического характера. Была очень жестокого, деспотического, сурового нрава. Ее воспитательные приемы отличались крайней жестокостью и суровостью.

А. Э. Т. Гофман.

По линии отца.

Отец Кристоф-Людвиг адвокат с поэтическим дарованием.

По линии матери.

Мать Лоиза-Альбертина урожден. Дерфел. Душевно-ненормальная: "постепенно умирала от затаенного горя (меланхолии) совершенно ушедшая в себя и добровольно замкнувшаяся в себя", по словам биографа.

Бассано Братя Леандро и Франческо.

По линии отца.

Отец—художник Якопо Бассано.

По линии матери.

Мать—страдала меланхолией.

Александр Македонский.

По линии отца.

Отец—Филипп II Македонский, знаменитый полководец и государственный человек, 24 лет выказал свои способности и практическую ловкость в политических делах, обладал даром красноречия.

Цицерон восхвалял его за то, что он был „всегда велик“

По линии матери.

Мать Олимпиада, женщина пылкого энтузиазма, страстная и необузданная в своих страстях, интриганка с тяжелым психопатическим характером.

Тассо.

По линии отца.

Отец—Бернардо, очень способный человек; был поэт.

По линии матери.

Мать—болезненно страстный и аффективный характер. Доходящий до крайней степени аффективности и возбужденности.

Монтескье.

По линии отца.

Де д—занимал должность парламентского президента в Бордо, младшие члены так же занимали должности в провинциальной магистратуре и администрации.

Отец—занимал должность синдика города Бордо. Был человек способный и просвещенный для своего времени; независимый во взглядах и мнениях, гордый своим происхождением, хороший семьянин и хозяин.

Мать—происходила из Английской фамилии Пенель. Особа с психопатическими чертами характера.

Таким образом из целого ряда этих примеров мы видим, что по отцовской линии всегда можно констатировать потенциальную одаренность в той или иной степени. по матери же, если навсегда определенное душевное заболевание, то во всяком случае патологический характер. Но не всегда эта „линия безумия“, должна быть по линии материнской, линия одаренности—по отцу.

Не менее часто (если не более) мы видим обратные соотношения, где наследственная одаренность идет по линии матери, а „линия безумия“—по линии отца.

В нижеприведенных примерах мы проиллюстрируем эти соотношения.

II-я Группа примеров, где иллюстрируются случаи, из которых видно: по отцовской линии наследственно отягченность; по материнской линии одаренность.

Достоевский.

По линии отца.

Весь род Достоевских по отцу—представляет из себя ярко выраженную психопатическую семью. Так, уже в отношениях отца Достоевского, к деду Достоевского, видно, что мы имеем в лице этого деда определенно ненормальную личность.

15 лет от роду, отец Михаил Андреевич находится в смертельной вражде с дедом, так что покинул родительский дом навсегда, и поселился в Москве и больше не интересовался своими родителями. Только на 50-м году жизни пробовал их розыскать, но безрезультатно. Отец *никогда не любил даже говорить* о своих родителях и на всякие вопросы о них—молчал. Какой это мог быть человек—этот дед, если 15 летний мальчик покидает дом отца с таким озлоблением, *что даже говорить о нем ему неприятно*, в течении 35 лет.

Отец Достоевского оставивши 15 лет родительский дом, благодаря своей личной энергии, без денег и без знакомых он сумел получить, медицинское образование, сделаться врачом больницы, содержать большую семью, и даже скопить средства для покупки 2-х имений; но каков это был человек в отношении его психики, говорит его следующая характеристика. Достоевский—отец—страдал запойным пьянством и был чрезвычайно свирепый человек. Был человек угрюмый, подозрительный, болезненно-недоверчивый к людям и жизни вообще. Дети его страшно боялись, дрожали перед ним и опасались как бы малейшим неудачным ответом на уроках с ним, или малейшею ребяческой шалостью не вызвать у него вспышку гнева и суровости, болезненную подозрительность. Дети очень боялись этих уроков. Отец был чрезвычайно нетерпелив и очень вспыльчив; при малейшем промахе—сейчас же раздавался крик. При нем братья занимались по часу и более и не смели не только сесть, но даже облокотиться на стол; „стоят бывало, как истуканы, склоняя и спрягая попеременно“. До 16-17 лет отец их никуда не пускал и из школы педантично акуратно возвращаются домой. Никогда им не давал ни копейки карманных денег. Детская шалость строго преследовалась и запрещалась.

Отец не давал денег детям, когда они учились в школе и крайне нуждались в сапогах. Скупость доходила до того, что Достоевский учеником по возвращении из учения—не мог позволить себе даже стакан чаю.

Все эти патологические свойства характера отца—естественно вызывали озлобление у детей, которые не любили отца, а боялись его. О свирепом характере отца можно судить по тому, что крепостные крестьяне его же имени, не вытерпели и убили его, в конце концов, задушив его подушкой, во время его езды в экипаже в имение (это обстоятельство, будто, по семейному преданию Достоевских, и вызвало первый эпилептический припадок у писателя, когда узнали о такой смерти отца).

Несомненно, отец—Достоевский был психически больной человек: болезнь его прогрессировала вместе сего запойным пьянством. Результатом этого и было то, что почти все его дети и потомки, включая великого писателя, были душевно-больные или людьми психопатическими, как это мы увидим дальше.

Мать Достоевского Мария Нечаева, москвичка, происходила из очень культурной семьи Котельницких в Москве. Ее дядя Василий Котельницкий был профессор Московского Университета, поэтому надо думать, что одаренность Достоевского происходит от материнской линии, как это и утверждают русские критики, ибо громадную роль в воспитании литературного вкуса в детях, обнаруживала мать Достоевского.

В ее характере—ничего патологического не видно. Многочисленные роды истощили ее слабый организм. Умерла она повидимому от чахотки.

Теперь перейдем к детям отца Достоевского, и посмотрим, что они из себя представляют.

Михаил—старший брат Достоевского и младший брат его Николай—унаследовали болезнь отца, страдали запойным пьянством. Последний всю жизнь был в тягость Достоевским.

Варвара, сестра Достоевского—была несомненно душевно-больная. Она после замужества сделалась богатым человеком, тем не менее страдала до крайности болезненной скупостью. Она, например, никогда не отапливала своей квартиры и проводила всю зиму в шубе, ничего не варила, покупала на всю неделю 2 раза молока с хлебом, и тем кормилась. Расчитала всю прислугу. С отчаянием она открывала кошелек. Маленький расход делал ее несчастной. Скупость ее была баснословная.

Наконец ее убил, эту сумашедшую, вероятно с целью ограбить ее, один из живших жильцов с ней в одном доме.

Ее сын—был идиот.

Старший сын брата Достоевского, Андрея Михайловича—блестящий молодой ученый, умер от прогрессивно-го паралича.

Второе и третье поколение вышеупомянутого брата Михаила—страдали также алкоголизмом.

Сам знаменитый писатель Федор Михайлович Достоевский, как известно, страдал, падучей болезнью, психически представлял из себя человека ненормального.

Вообще вся семья Достоевских представляет из себя резко патологическую семью.

Таким образом, на основании всех этих данных, мы также имеем:

Линию психопатическую—со стороны линии отца. Линию одаренных—со стороны матери. От скрещения таких 2-х линий происходит писатель Достоевский.

Лев Толстой.

Линия отцовская.

Линия отца у Толстого изобилует громадным количеством душевно-больных и ненормальных.

Достаточно привести характеристику М. Г. Назимовой, в ее „семейной хронике“ чтоб видеть, что в каждой семье каждого поколенья есть психически больной. И действительно это явление можно отметить в каждой из многочисленных линий Толстых. Точно также можно отметить громадное количество препсихотиков, т. е. людей эксцентричных, странных, с чудачествами, юродствующих, с мистическими наклонностями, вспыльчивых, авантюристов, замкнутых и т. д.

К таким типам, между прочим, принадлежит двоюродный дядя Федор Толстой, известный по прозвищу его „американцем“.

Дед писателя по отцу—Илья Андреевич—представляет из себя патологический тип. Сам Толстой упоминает о нем, как об ограниченном человеке в умственном отношении. Он был очень веселый человек, но его веселость носила патологический характер. В имени его Поляна (не „Ясная поляна“) в Белевском уезде—в его доме, был вечный праздник. Бесперывные пиршества, балы, бесперывные торжественные обеды, театры, катания, кутежи—делались совершенно не по его средствам. Кроме того его страсть играть в карты, совершенно не умея играть, на большие суммы, его страсть к различным спекуляциям, к аферам денежным, довела его до полного разорения. Если к этому безтолковому мотовству прибавить еще то, что он совершенно бессмысленно от-

давал деньги всякому, кто просил взаймы. или просто от давал деньги без отдачи, то неудивительно, что этот, повидимому, ненормальный человек—дошел до того, что его богатое имение жены было запутано так в долгах, и так разорено, что его семье нечем было жить, и он принужден был искать себе место на службе государственной, что при его связях ему было легко сделать—и он сделался казанским губернатором.

Предполагают, что он окончил самоубийством. Таков был дед.

Бабушка его также была особа ненормальная, и, повидимому, более ненормальная, нежели дед. Дочь слепого князя Горчакова; ее сам Толстой характеризует также, очень „недалекой“ особой в умственном отношении.

Известна также, что она была очень неуравновешенная и взбалмошная женщина со всякими причудами и самодурствами, мучила своих приближенных слуг, а также родных. Была также взяточница.

Страдала галлюцинациями. Однажды она велела дверь отворить в соседнюю комнату, так как она там видит своего сына (тогда уже покойного) и разговаривала с этим (покойным) сыном.

Из детей этой четы один сын Илья Ильич (т. е. младший брат отца) был горбатый и умер в детстве.

Дочь Александра Ильинишна (сестра отца Толстого). отличалась мистическим характером—жила в монастыре, держала себя как юродивая и была очень неряшлива (по словам самого Льва Николаевича).

Другая дочь Палагея Ильинишна также, повидимому, умственно отсталая, юродивая, мистически настроенная, с тяжелым неуживчивым характером (напр. плохо жила с мужем и часто расходилась). Религиозность переходила у нее в ханжество. В конце концов удалилась в монастырь. Впала, повидимому, в старческое слабоумие, (несмотря на религиозность, не хотела при смерти причаститься).

Затем отец Толстого Николай Ильич был также человек недалекий. 16 лет заболел, повидимому, какой то нервной или душевной болезнью, так что для его здоровья был соединен в незаконный брак с дворовой девушкой. От этой связи—был незаконный сын Миша, который окончил очень худо: сбился с пути, впал в нищенство и вообще, духовно также стоял очень низко.

Что касается характера отца Толстого, то можно также отметить следующие патологические черты: задорный, бойкий, насмешливый, задирчивый, беспечно-веселый, в то же время слабохарактерный, и ограниченный, он ни

к чему серьезно не мог относиться—ни к учению, даже ни к хозяйству, в котором мало понимал, поэтому предпочел пустую жизнь офицера, где многого не требовалось. А так как он был сын разоренных родителей, то его, повидимому поженили по расчету на богатой, но некрасивой дочери Волконской—матери Толстого.

Линия матери.

Дед Николай Сергеевич был на высоких постах: в Берлине послом, генералом от инфантерии, и был в свите Екатерины; считался строгим хозяином. Был очень умным человеком, пользовался большим уважением окружающих вплоть до дворовых и крестьян, о которых очень заботился об их благосостоянии.

Обладал также эстетическим чувством, строил свои постройки изящно и удобно.

Любил музыку; держал хороший оркестр. Любил цветы и был строгий хозяин и гордый человек.

Вообще был человек с большими способностями и артистическими наклонностями.

Мать (его дочь) была некрасива собой. Хорошо образована, чуткая, художественная натура. Любила музыку, сама хорошо играла. Была мастерица рассказывать, сказки выдумывала по мере рассказа. Вообще, духовно стояла выше отца и (по признанию Толстого) его семьи, и, видимо, отличалась в высшей степени даровитой натурой. Литературный талант свой Лев Толстой несомненно унаследовал от своей матери.

Психопатическая линия отца Толстого продолжается дальше и после скрещения с линией материнской Волконских. Так,

из всех сыновей от этого брака (значит из братьев Льва Николаевича) один из них был определенно—нервно-психически больной: это Дмитрий Николаевич.

В детстве—приступы его капризности были до того сильны, что мать и няня мучились с ним. Позже взрослым—был очень замкнутый даже с братьями; задумчивый, склонный к мистическому и религиозному юродству, не обращал внимания на окружающих людей, имел странные выходки, странные вкусы, следствием чего был объектом насмешек. Неряшлив и грязен, ходил без рубашки нательной, одетый только в пальто. Из юродствующего и религиозного, вдруг становился развратным временами. Часто делался импульсивным, вспыльчивым, агрессивным, жестоким и драчливым: дурно обращался с слугой своим, бил его. Страдал с молодости тиком, подергивал головой, как бы освобождаясь от узости галстука; умер, как и большинство таких душевно-больных, от чахотки.

Другой брат Толстого Сергей Николаевич отличался также эксцентрическими и явно паталогическими странностями психики: так по словам старшего сына Толстого (Льва Львовича) он был „эгоистичен“ и „несчастный человек“, мало говоривший и замкнутый, часто месяцами проводил один взаперти (что говорит за патологический симптом аутизма). „Часто на весь дом раздавалось его оханье и аханье“, держал себя каким то странным образом и оригиналом, выезжал не иначе, как на четверке. К крестьянам относился с презрением и считал их ворами и проходимцами.

Сам Лев Николаевич был одержим также многими психопатическими чертами характера, помимо его истеро-эпилептических припадков, которые у него появлялись при тяжелых и неприятных переживаниях.

Наконец, и сын его старший, Лев Львович, говорит про себя сам, что он в течении 5 лет страдал нервно-психической болезнью, так что был освобожден от военной службы, и только, когда, будто, женился, оправился от этой болезни.

Глеб Успенский

По линии отца.

Глеб Успенский по отцу происходил из духовного звания.

Семья его отца изобилует душевно-больными и всякими невропатами и психопатами. Так,

брат отца Никанор, который был архимандритом—умер психически-больным. Также:

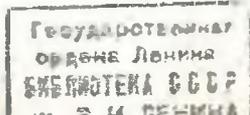
брат отца Григорий Яковлевич Успенский, профессор тульской семинарии греческого языка, был человек ненормальный и со всякими странностями и причудами. Страдал, кроме того, запойным пьянством (как пишет о нем Д. Г. Соколов он же Д. Васин). Затем:

брат отца Семен Яковлевич—натура тоже крайне неуравновешенная.

Материнская линия.

Мать Г. Успенского, урожденная Соколова, происходит из даровитой семьи: один брат ее был живописец, другой музыкант. Многие ее родные были так же писателями и сотрудничали в „Современнике“.

Брат Глеба Успенского, Успенский Николай Иванович, „нравственно заживо погибший“, (по словам Михайловского) покончил самоубийством. Также был талантливый человек.

Сам Глеб Успенский, как известно окончил свою жизнь в психиатрическом заведении от прогрессивного паралича. Но еще раньше до этого заболевания страдал алкоголизмом и многими ненормальностями также, как и вообще многие из членов фамилии Успенских.

Таким образом, и здесь, то же явление, как и всюду: с одной стороны—талантливость (здесь линия матери), с другой стороны—психопатическая линия (здесь линия отца).

Лермонтов.

По линии отца.

Отец—человек вспыльчивый и горячий до такой степени, что мог доходить до суровости, до грубых, диких поступков, несовместимых даже с элементарными условиями порядочности.

Был развратный, странный, эксцентричный человек.

Жил в постоянном разладе с матерью Лермонтова и очень несчастливо.

Таким образом, со стороны отца мы видим ненормальность психопатического характера, которую нужно отнести к группе шизоидных.

По линии матери.

Линия матери.

Бабушка Арсеньева, урожденная Столыпина, гордая властная аристократка, была в вечном разладе с отцом поэта.

М а т ь.—Марья Михайловна. Болела чахоткой, необыкновенно чуткая и склонная к поэзии натура. Умерла, когда поэту было 2½ года.

Повидимому, поэтическое дарование было унаследовано Лермонтовым от нее.

Сам Лермонтов—поэт—человек с причудливой, эксцентричной, замкнутой натурой. Вся психика его, при анализе отдельных ее элементов—определенно вырисовывается как шизоидный тип.

В общем, здесь, тоже самое: по отцу—линия психопатических, по матери—одаренность.

Загоскин.

По линии отца.

О т е ц был человеком странным, с большой психикой. Перенес в молодости какую-то „душевную борьбу“, результатом чего пошел в монастырь, но душевные страдания его не ослабевали, вследствие чего вышел из монастыря.

Слыл за странного чудака. Также надо отнести, при подробном анализе его психики, к группе шизоидных.

По линии матери.

Мать его—была женщина с природно-одаренным умом, с приветливым, постоянным, уживчивым и открытым характером.

Здесь то же явление, что и в предыдущих примерах.

Наполеон.

По линии отца.

Отец его алкоголик, лишенный всякого „нравственного“ чувства, рисуется биографами в непривлекательном свете, с бесхарактерной и расщепленной психикой и как ограниченный человек. В патологичности его натуры нет никаких сомнений.

По линии матери.

Мать.—Это была деятельная, ловкая, женщина с суровой сдержанностью и вместе с нежностью управлявшая своей семьей. „Моей матери, говорит Наполеон, я обязан ее твердым принципам, своим положением и всем, что я успел сделать доброго... Моя мать обладала твердым характером. Низкие чувства были далеки от нее. Она окружала своих детей всем, что было великого и славного“.

Брат—Люциан—жадный и чувственный эгоист.

Сестры: истеричны и слыли „безнравственными“ натурами, в особенности Паулина.

Сам Наполеон, как известно, по исследованию Ломброзо и других авторов, был эпилептиком (вернее аффект-эпилептиком), вся его психика—может быть только объяснена его эпилептической натурой, которая в свою очередь может быть объяснена алкогольной наследственностью со стороны отца.

Здесь, в этом случае также повторяется: линия материнская дает одаренность, линия отцовская—психопатическую наследственность.

Стейндаль (Бейль).

По линии отца.

Отец принадлежал к адвокатскому сословию; был замкнутый, скрытный, жестокий, странный человек. К детям относился ненормально: относился к ним крайне сурово и жестоко, так что рано возникло между отцом и сыном (писателем) чувство ненависти, никогда не угасавшее совершенно...

Дома детей не воспитывал, а отдавал на стороне бедным священникам. Суровость отца доходила до того, что писатель до 14-летнего возраста был знаком с одним или 2-мя детьми своего возраста: отец к другим детям их не допускал, вследствие бреда подозрительности и преследования.

В психопатичности отца Стейндаля—нет никаких сомнений. Вся его психика вырисовывается по биографическим данным, как замкнутый шизоид с параноическим уклоном.

Сам писатель Стейндаль (Бейль) имел в себе так же эту шизоидную с параноическим оттенком натуру, унаследованную им, несомненно, от отца.

По линии матери.

Мать рано потерял (8 лет.) Все, что мальчик имел хорошего, в смысле одаренности он получил со стороны матери через

деда, который был в высшей степени способный и образованный доктор.

Некрасов.

по линии отца.

Отец его, Алексей Сергеевич, богатый помещик Ярославской губернии. Армейский офицер в чине поручика. Это был внешне-блестящий, но душевно-ненормальный и пустой человек, выросший „красивым дикарем,“ как его звали, едва умевшим подписать свое имя, больше всего интересовавшийся картежной игрой, женщинами, кутежами и охотой. Карты, между прочим, были родовой страстью Некрасовых. Прадед поэта (воевода) и дед (штык-юнкер в отставке, проиграли в карты несколько тысяч душ крестьян. Сам поэт был также картежником. Отец Некрасова был тиран крестьян своих, а также семьи своей, в достаточной степени отравлял жизнь матери Некрасова. Сам сын его характеризует как дикаря, упрямого невежду, деспота и даже *палача* (в своих воспоминаниях об отце).

Таким образом мы видим уже из этих данных, что отец его был несомненно человек с определенно-выраженным патологическим характером.

По линии матери.

Мать была прекрасно-образованная женщина (полька) обнаружившая пытливым ум и любовь к поэзии. Некрасов рисует ее образ в своих стихотворениях—самыми лучшими красками.

Несомненно в лице матери мы имеем потенциальную одаренность материнской линии, от которой Некрасов через свою мать унаследовал свой поэтический талант.

М. Горький.

по линии отца.

Дед его со стороны отца. Был офицером русской армии при Николае I, который, впрочем, лишил его этого чина за жестокость с солдатами. Если вспомнить то время, когда Николаевский режим отличался вообще суровостью в военных сферах, то каков должен был быть этот поручик-дед Горького, если даже Николай лишил его чина за *жестокость*. Надо представить себе, что поручик Пешков был просто чудовищем.

И к сыну он, повидимому, относился не с большей мягкостью, чем к солдатам. Отец Горького бежал из дому, будучи еще очень юным и сделался обойщиком.

По линии матери.

Со стороны матери дед отличался способностями, умом и энергией, благодаря чему разбогател и был владелец барж на Волге.

Руссо Ж. Ж.

по линии отца.

Один из его предков Дидье Руссо, книгопродавец бежал из Парижа, в следств. своих протестанских убеждений, XVI стол.; и с тех пор, как прадед, так дед и отец занимались, преимущественно, часовым ремеслом.

Отец отличался легкомысленным и даже „буйным“ характером, постоянно возбуждал ссоры с гражданами гор. Женевы и был очень сварлив; из-за такой ссоры на улице с каким то капитаном, он ранил шпагой этого капитана в лицо, а потом, из боязни суда, убежал в город Лион, бросив своего сына, совершенно, на произвол судьбы. Вскоре после этого вторично женился. Своего сына приучил с 6 летнего возраста читать романы, которые они прочитывали вместе целые ночи напролет, до рассвета.

Паталогический характер отца Руссо несомненен. Также и сам Руссо был психически ненормальным.

По линии матери.

Мать — дочь пастора Бернара — была очень талантливая, умная и красивая. Она получила хорошее воспитание. Рисовала, пела, аккомпанировала себе на лютне, была начитана и писала стихи.

Дед—отец матери—был пастор и ученый человек, отличался большим вкусом и умом.

Таким образом, здесь также линию матери мы можем отметить как линию потенциальной одаренности.

Серов (композитор).

По линии отца.

Отец—Николай Иванович, человек резкого, сухого, насмешливого характера, а, по словам Стасова, кроме того, вспыльчивый и суровый деспот, благодаря чему нажил себе много врагов. Сын его—композитор питал к нему вражду. Отец—несомненно с патологическим характером.

По линии матери.

Мать—Анна Карловна, рожд. Габлиц, еврейского происхождения, дочь сенатора Габлиц при Екатерине II, одного из помощников Потемкина, очень даровитого человека.

Она была женщина красивая, добрая.

Серов талантливость свою получил, повидимому, от деда по матери.

Сестра София—окончила душевной болезнью в психиатрическом заведении.

Шарль Жерар (Gerhardt) (химик).

По линии отца

Отец и дед отличались характером черствым жестким, вспыльчивым, упрямым, сварливым. Легко возбуждающиеся.

Отец настолько скверно относился к сыну (Жерару), постоянно ссорился с ним, что последний должен был оставить отцовский дом.

По линии матери.

Мать. Шарлотта Лобштейн, урожденная Вебер.

По материнской линии преобладали интеллектуальная одаренность, духовные и политические интересы.

III Группа примеров, где иллюстрируется такая вариация: по обоим линиям отца и матери—наследственное отягчение, между тем, одаренность, или с одной стороны (отца или матери), или же, также с обеих сторон.

А. С. Пушкин.

По линии отца:

Происходит из древне русского дворянского рода, предками по отцу были в большинстве своем—довольно выдающиеся люди своего времени, общественные и политические деятели, а также и литературно-одаренные люди (например, отец, брат отца). Однако, наряду с одаренностью отмечается по отцовской линии и психотический фактор, как это сейчас мы увидим.

Григорий Гаврилович Пушкин, польский посол и Нижегородский наместник при царе Алек. Мих.

Прадед поэта, Александр Петрович Пушкин, в припадке сумасшествия зарезал свою жену, находившуюся в родах; умер молодым.

Дед, Лев Александрович Пушкин, чрезвычайно жестокий, вспыльчивый и ревнивый, его жена умерла на соломе, заключенная ее ревнивым мужем в домашнюю тюрьму за мнимую связь с учителем ее детей.

Дядя Василий Львович Пушкин. Дядя Пушкина был известен в литературе, как один из „Арзамасцев“, и как автор сатиры „опасный сосед“. В течение 25 лет непрерывно вращался он в литературных кружках и умер с книгой Беранже в руках. „Легкомысленный, циничный и едкий на язык“.

3. Сергей Львович Пушкин. Отец Пушкина представлял собою тип передовых дворян того времени. Писал стихи, знал много „умных изречений и острых слов“ из старого и нового периода французской литературы, и смело рассуждал о чем угодно с голоса французских энциклопедистов. Постоянно гонялся за разными русскими и иностранными знаменитостями. Дом его в Москве был посещаем членами того блестящего литературного круга, который в начале столетия образовался там около Карамзина. В числе друзей и знакомых его дома, встречались самые почтенные имена того времени: Жуковский, Тургенев, Дмитриев, вместе с именами заезжих эмигрантов и туристов и т. п. С другой стороны, в характере отца отмечается много психопатического: так он был очень раздражительным, мелочным, в семейной жизни до того тяжел, что бывали случаи, когда он с детьми был агрессивен. В своих настроениях чрезвычайно неровен, то мотал и сорил деньгами, то впадает в крайнюю скудость.

По линии матери.

Разбираясь в родословной со стороны матери Пушкина мы отмечаем следующее:

Прадед Пушкина—Ибрагим Ганнибал, дикарь негр, вывезенный из Константинополя и попавший ко двору Петра Великого. Ганнибал—человек *крайне грубый, дикий, жестокий и несбuzданный, сварливый, чрезвычайно скупои и ревнивый*. Так, о нем известно, женившись на русской женщине, он, подозревая жену в измене, *бесчеловечно пытал и истязал ее*; потом пользуясь своими связями зточил жену в монастырь, а сам женился на другой. От последнего брака у него родилось 6 детей, в числе которых и сын его:

Петр Ганнибал—был алкоголик.

Дед Пушкина—Осип Ганнибал, отличавшийся в зрелом возрасте *такой дикостью и несбuzданностью своего нрава при постоянном стремлении предаваться всякого рода диким увлечениям и пиришествам*, что даже его звереподобный отец Ибрагим долго не пускал его на глаза свои. Этот Осип Ганнибал, женившись затем на М. А. Пушкиной (бабушка поэта) скоро разводится с нею и, оказавшись вдовцем, обвенчался на другой. В результате (принимая во внимание нравы того времени и обычаи)—разгорелся скандальный процесс; Осипа заставили снова сойтись с прежней своей женой (бабушкой Пушкина) и отправили его в ссылку, где и умер от невоzдержанной жизни.

Мать Пушкина, молодая, красивая креолка; капризная, пылкая, властолюбивая, вспыльчивая, упрямая, эксцентричная; страстная к удовольствиям в рассеянном обществе и вообще женщина с истерическим характером.

Сам поэт Пушкин (как и некоторые из его братьев и сестер, отличались ненормальными характерами, и патологической неуравновешенностью. Так сам поэт был известен, как человек с неровным настроением: то возбужденный, страстный, ревнивый и несбuzданный, циничный; то впадал в какую то апатию и депрессию. Благодаря своей эксцентричности, „взбалмошности“, похотливости и любовным похождениям сталкивался с другими до того, что дело нередко доходило до драк, скандалов и дуэлей.

Корф, друг Пушкина характеризует всю семью Пушкиных, как „взбалмошных“.

Таким образом, и здесь мы видим по отцу одаренность сочетается с патологией по линии отца; по линии матери, также патологическое начало.

-Белинский.

По линии отца.

Дед по отцу экстаичный, мистик и подвижник.

Отец способный человек—врач. Резкий и тяжелый патологический характер, за это его не любили окружающие, также всею семейной обстановке—тяжелый невыносимый человек; сын его, критик Белинский, говорит про него:

„Меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно;“ отца он ненавидел всей душой; еще юношей, будучи гимназистом декламировал свою ненависть к отцу отчаянно-восторженными возгласами героев Шиллера.

По линии матери.

Мать. Белинский говорит про нее:

„груди я не знал... Она была охотница рыскать по кумушкам, чтоб чесать язычек... Чтоб я не беспокоил своими криками, она меня душила и била...“

Она отличалась „неистово бешеным характером, отличалась неумеренным темпераментом“, и совершенною независимостью.

Ее характер патологический усложнял тяжелую семейную обстановку, в которой вырос Белинский.

Повидимому мать Белинского была женщина с эпилептическим характером, если он ее характеризует сам как особу с „неистово-бешеным характером“.

Мартин Лютер.

По линии отца и матери.

Отец и мать отличались крайне крутым и жестоким характером, которые применяли телесное наказание слишком часто и в жестокой форме и по пустяшным поводам.

Так например, по рассказам самого Лютера—мать избивала его до крови из за какого-то ореха.

Отец раз избил так сильно Лютера, что он обезумевший от страха, бежал из дома.

Решетников Ф. М.

По линии отца.

Отец. Бывший дьячек, а затем почталъон, был отчаянный пьяница—дипсоман, до того жестоко обходился со своей женой, которую нещадно бил, что она принуждена была бежать от него.

По линии матери.

Мать его. В тот момент, когда убежала от своего мужа, она приехала в Пермь во время страшного пожара, и этим так будто была налугана, что психически заболела.

Стриндберг Август.

По линии отца.

Прадед был священник. Прабабушка—из дворянской фамилии. Одна из дочерей этого брака была мать живописца Holmbergs son.

Дед—сын от этого брака. Имел художественные наклонности и особенные склонности к сценическому искусству.

Отец экспедитор на пароходах по профессии.

Человек—строгий, холодный, замкнутый, бесчувственный, самодур-аристократ, не позволяя даже сапоги слуге чистить без перчаток: настолько он боялся грязного прикосновения его рук.

Дети его боялись как чего то им враждебного. Схизоидный тип.

По линии матери.

* Мать кельнерша, дочь бедного портного, имела с ним 3-х детей до замужества с ним.

Сам Стриндберг говорит, что он рожден при преждевременных родах. Особа бледная, нервная, легочная.

Брат. Один из старших братьев психически ненормальный: меланхолик и истеричен. „Он мог упасть в припадке, когда его дразнили при играх, и конвульсивном смехе, который его угрожал задушить“ по выраж. Стриндберга.

Из этого мы можем заключить, что он (брат его) страдал истерическими припадками.

Кеплер.

Линия отца.

Дед—Себастьян Кеплер, занимал должность бургомистра, имел 12 челов. детей. Происходил из дворянской военной среды. Имел значительное состояние, которое промотал, так что ничего детям не осталось. Повидимому был отчаянный кутила и алкоголик.

Бабушка. Хотя (по отзывам внука-астронома) была женщина умная и красивая, но отличалась, *вспыльчивостью, завистливостью, злопамятливостью, (не скоро забыва*

ла обиды и неприятности) *сварливостью*, вечно спорила и была *возбуждена*. Завистлива, хвастлива, (любила похвалиться) и набожна. Вообще обладала, *повидимому, эпилептическим характером*.

О т е ц. Генрих Кеплер был человек недалекий, ограниченный, неудачник, бродяга, малограмотный. Служил солдатом. Очень плохо жил с женой. Уходил из дома, вел бродячую жизнь. В конце концов разорился, пытался повеситься, открыл кабак, но неудачно—поступил опять в солдаты и без вести пропал. Детей своих не любил и не заботился о них.

Б р а т Кеплера был похож на отца: такой же бродяга, неудачник.

С е с т р а его только, была единственной светлой личностью из всей психопатической семьи Кеплеров.

Линия матери.

Мать, Екатерина Гильдеман, дочь трактирщика, безграмотная, воспитывалась у тетки, которая была сожжена за колдовство.

Грубая, крайне раздражительная, сварливая, и злая, пользовалась дурной славой пьяницы, вечно ссорилась с отцом, с которым часто расходилась на почве этих ссор. Пропадала также из дому, как и отец, так что оставляла детей без призора—брошенных на произвол судьбы. Нрав ее был настолько несносен, всех задевала и со всеми ссорилась, сплетничала, что ее стали обвинять в колдовстве и приговорили за это к смертной казни.

Гете.

По линии отца.

Д е д Фридрих-Георг был портным и затем содержателем гостиницы в Франкфурте на Майне. Он был от природы интеллигентный и способный человек, был музыкантом.

Сенкенберг рисует его как очень гордого и заносчивого человека, который, в конце концов, заболел *будто психически*.

От первого брака у него было 5 сыновей, из которых один с малолетства был *слабоумным*.

Б а б у ш к а. Его жена—вдова Корнелия Шельгорн—была с ним во 2-м браке и от этого брака родился отец Гете. Эту бабушку Гете, тот же Сенкенберг ее характеризует таким образом: „ее можно было опечалить или обрадовать каждым пустяком, она была по натуре очень медлительная, но трудолюбивая натура“.

Отец. Иоган—Каспар Гете, получил университетское образование и был человеком не лишенным способностей, но принадлежал к тем патологическим типам, которые характеризуются как шизоидные типы.

Он был замкнутого и мрачного характера, чрезвычайного-деспотичный и упрямый и патологически педантичен до абсурда и до беспощадности, от чего его жене (и детям) приходилось страдать и переносить много тяжелых и мрачных переживаний в браке с этим человеком, у которого никогда, как будто, не было и улыбки на лице.

Был настолько беспощадно упрям не столько из-за достижения определенной цели, а сколько из-за самого процесса быть упрямым, поэтому часто его старания не достигали результатов. Свои чувства он скрывал и маскировал искусственной строгостью. Любил всех поучать, все в жизни воспринимал с преувеличенною серьезностью и строгостью и педантичностью. Скупость, недоверчивость и ворчливость его, делали его в общении тяжелым для всех окружающих.

В 1776 году получил удар. В 1781 году он получил 2-й удар, после чего он впадает в слабоумие и нервно-психический маразм.

Сестра поэта, Корнелия, страдала маниакально-депрессивным психозом.

Гете—сам поэт был по натуре циклоидная натура. Патологическая линия продолжалась и в потомках Гете. 2-й ребенок его родился мертворожденным.

Сын его Август был также психически ненормальный человек; помесь циклоидных и шизоидных симптомов ярко выступают в описании его психики. Помимо всего он был алкоголик и проф. Мебиус, в своей патографии о Гете, не без основания ставит вопрос, не болел ли он в конце своей жизни прогрессивным параличем? Ибо данные анатомического вскрытия, которые были найдены по вскрытию его трупа, а также симптомы из жизни последнего периода его жизни—сильно говорят в пользу такого предположения.

Внуки Гете (дети Августа) были также достаточно наделены патологической наследственностью.

По линии матери.

Дед Иоган-Вольфганг Текстор—был по профессии чиновник. Со стороны его нервно-психической сферы можно отметить следующие данные: он был будто бы алкоголик, вспыхив, не брезговал ничем в достижении своих целей (по словам того же Сенкенберга). В 1768 году он получил удар, после чего у него отнялась правая половина тела, с афазией.

М а т ь Гипоманиакальная, экзальтированная, возбужденная женщина, склонная к юмору и видеть все в розовом свете (противоположно ее мужу) несмотря на то, что обстоятельства нормально не вызывают такого повышенного самочувствия. У ней это состояние независимо от условий жизни данного момента, наоборот часто ей приходилось видеть тяжелые и мрачные дни, тем не менее у ней был вечный праздник на душе, несомненно патологического характера. Поэтическая склонность к фантазированию, мечтательности и вымыслу. Циклоидный тип

Гончаров.

Линия отца.

О т е ц очень религиозен, по семейным рассказам, был человек не нормальный, меланхоличный, часто заговаривался.

Б р а т Г о н ч а р о в а, Николай Гончаров, был явно психический больной человек, часто перед 2—мя свечными сидел он целыми часами и громко разговаривал сам с собой. Он был постоянно задумчив. Иногда, во время разговора, у него как то вдруг мутились глаза, делались неподвижными, и он начинал вполголоса говорить сам с собой, тогда он жаловался на жену, бранил начальство, цитировал Гете и Шиллера, давал себе реплики.

Э то тянулось иногда в продолжение всей ночи. Отличался чрезвычайной подозрительностью. Он производил иногда настоящие обыски, спрашивал няню, заглядывал на чердак и утомленный ложился. Иногда ему приходило в голову, что сыновья его дурные мальчишки, он их сек, а затем вел их в церковь. Его манерой было крестить евреев.

С е с т р а Г о н ч а р о в а Анна Музалевская, была по словам психиатра Левенштейна—истеричкой. Она по временам начинала куралесить, покупала себе массу ненужных вещей. Лицо ее покрывалось пятнами, глаза мутились, она пускалась обличать: упрекала брата Николая в бесхарактерности, говорила о неверности его жены. Раз она просила племянника обменять 10 выигрышных билетов на 5% бумаги; когда он возвратился, она встретила его с пылающим лицом: ей представилось, что он с этими деньгами уехал и не возвратит ей билетов. Она говорила сама: „Все эти сомнения от Гончаровской породы, знаю, напрасно хандрю и чудачу, а ничего с собой поделывать не в силах“.

Г о в о р я вообще о гончаровском роде, охарактеризуем словами Александра Гончарова: „Это была—психически больная и нестойкая семья“. Ее черты: слабохарактер-

ность, меланхолия при наблюдательности и небольшом таланте—лень, лютобоязнь, отсутствие стойкости и душевная покладистость.

По линии матери.

Мать Евдокия Матвеевна (по отзыву племянника Гончарова Александра Николаевича) была жестокая женщина (круто расправлявшаяся со своими детьми и тем более прислужой, и действительно, ее дети также отзывались о ней. Например, ее дочь А. А. Музалевская, даже не любила вспоминать о своей матери.

Ленау.

По линии отца.

Род его со стороны отца, носивший, хотя, имя славянское

происходит, однако, из германского племени. Его предки играли значительную роль в истории Прусского-Силезского города и в 16 столетии уже принадлежат к патрициям города. А с 17 столетия они служат в австрийской армии, а дед его получает даже дворянство. Таким образом, весь мужской род Ленау—офицера австрийской армии.

— Дед. О нем говорится, что он хотя, был честный и brave человек,—к тому хороший солдат, но, как видно, плохо мог воспитывать своих детей.

Бабка. Умная, ловкая особа, но очень вспыльчивая и строгая женщина настолько, что не могла возбудить к себе любви, и также была плохая воспитательница своих детей.

Отец-Франц. Красивый—очень способный и предпримчивый человек, но с дефективно-патологическим характером.

Легкомысленный поверхностный кутила, азартный игрок. Авантюрист и развратный до крайности. Жену свою заставил за себя выдать замуж ее родителей (которые не хотели выдать за такого морально низко стоящего офицера) тем, что иначе через 4 недели до свадьбы должен бы родиться незаконнорожденный ребенок.

Повидимому был заражен сифилисом, так как 1-й ребенок, Лена, сестра поэта, умерла 3-х лет от водянки мозга. Сам поэт, умерший от прогрессивного паралича, также, повидимому, был наделен инфекцией от развратного отца. Вследствие своей распутной жизни, очутился весь в долгах. Семейная жизнь была самая несчастная. Его жена принуждена была разойтись с ним. Самый отчаян-

ный обманщик, он обманывал и чужих с целью заставить выйти замуж богатых девушек (в то время, когда он был еще женат). В конце концов он заболевает физически и психически от последствия люэса, повидимому, и умирает 29 лет от роду.

По линии матери.

Болезненно-впечатлительная особа, страдала меланхолией и была одержима аскитизмом и мистицизмом.

Александр Блок.

По линии отца.

Прадед—Иван Леонтьевич, врач, времен Елизаветы Петровны, Мекленбургский выходец, прибыл в Россию в 1755 г. Лейбхирург. Литератор.

Прадед—Александр Иванович занимал различные придворные должности при Николае I, которым был награждаем часто именьями за службу, имел 4 сыновей и 4 дочерей.

Дед—Лев Александрович один из сыновей предыдущего. Правовед, служил в сенате и был предводителем дворянства. Был большой ловелас и скупой. *Душевно-больной. Окончил жизнь в психиатрическом заведении.*

Бабушка—ее отец Александр Львович Черкасов губернатор г. Москвы, был человек из ряда вон жестоким и деспотичным.

Бабушка—Арина Александровна, красивая женщина, добрая смиренная мать семейства. Была несчастлива замужем. У них было 3 сына: Александр, Петр, Иван и дочь, Ольга.

Дядя-Петр адвокат, отличался музыкальностью и любил литературу. Играл на скрипке.

Дядя-Иван также юрист, музыкален, играл на виолончели. Служил губернатором. Был убит бомбой в Самаре в 1906 г.

Тетка-Ольга также музыкальна, играла на фортепиано.

Линия отца.

Отец. Профессор Варшавского У-та, юрист. Был талантливый пианист. Похож на Черкасовых; брюнет с темно-зелеными глазами, сросшиеся брови, мрачное выражение лица, тяжелый взгляд, резкие и порывистые движения. Легкое заикание, странный и нежный облик, отличался (как и сын) большой физической силой. Своеобразный отвлеченный ум, но с литературными вкусами. Любил Лермонтова, Достоевского. Был профессором права. Во

всем душевном складе было что-то „судорожное и страшное, мрачный демонический характер“... „Странное поведение“—„жестоко мучил свою жену“.

Первый ребенок был мертвый, 2 ребенок Блок—поэт начал ходить и говорить поздно. „Уже в первый приезд его, мы случайно узнали, что скрывалось от нас до той поры“ (говорит сестра). Отношение его обострилось, он разошелся с женой по настоянию ее родителей.

По линии матери.

Прадед Николай Алексеевич Бекетов—служил во флоте. Был женат на урожд. Якушкиной, племяннице декабриста. Имел 3-х сыновей и дочь.

Старш. дядя-матери: Алексей Николаевич инженер, земский деятель.

2-й дядя—Николай Николаевич, академик, известный химик.

3-й дядя—Андрей Николаевич известный профессор Петербургского Университета. Ботаник, поборник женского образования, был очень живой, разносторонний и самый яркий из братьев Бекетовых. Увлекался фурьеризмом.

Общественный деятель, живой, горячий, настойчивый, энергичный и страстный человек. Вместе с тем добрый, искренний, доверчивый, ласковый. Разносторонняя даровитость: рисовал, сочинял сказки детям. Был парализован (Гемиплегия).

Прадед—со стороны бабушки (жены Бекетова) Григорий Сылич Карелин—чрезвычайно талантливый и энергичный исследователь средн. Азии, естествовед, был сослан Аракчеевым в Оренбург, за смелую шутку.

В последствии навсегда покинул жену и 4-х дочерей. а так-же прекратил путешествия.

Его жена, Александра Николаевна (урожд. Семенова, дочь офицера), была женщина суровая, властная, от чего дети страдали, и не баловала их лаской.

Бабушка Елизавета Григорьевна (жена Бекетова) меньшая из 4-х дочерей Карелина, более всех походила по своей даровитости и нравом на отца своего. Была выдающаяся женщина, своеобразная, жизненная, остроумная, веселая, распространяла вокруг себя праздничную атмосферу, отличалась разносторонними и блестящими способностями: знала языки, любила литературу, талантливо переводила, в особенности юмористические вещи, писала стихи. Чрезвычайно работоспособна. Вкус к стихам передала своим дочерям: все 3 (из 4-х) дочерей литературно-талантливы. Была также способная музыкантша и по натуре—романтична.

Тетка Екатерина Андреевна—оставила 2 тома оригинальн. произведений в стихах и прозе.

Тетка М. Андреевна—писала детские стихи и прозу

По линии матери.

Мать была девушкой необыкновенной, веселая проказница, смешила сестер до упаду. Но все это уживалось с капризным, причудливым, нервным характером с крайней впечатлительностью.

Ея странности проявились с 14 лет. Однажды увидела утопленника, с ней сделался припадок, не могла держаться на ногах, ее водили под руки: 3 дня она не могла ни есть, ни спать и смотрела перед собой неподвижным взглядом и молчала (мутизм). „Весь мир потерял смысл, перестала существовать. Это не было чувство страха, а какой-то мистический ужас“ (говорит ее сестра), училась плохо, ее считали пустой, даже глупой. Перед выпускными экзаменами ее взяли из гимназии (будто из-за порока сердца).

Замужем была—несчастлива. Первый ребенок был мертвый; и вскоре резко переменялась, и характером, и физически, стала болезненна на вид. В последствии *страдала эпилептоидными припадками*, связанными будто с болезнью сердца. Эти припадки „начинались с момента неопикуемого блаженства или страдания, а затем следует краткое беспамятство. Они сопровождаются известной степенью духовного просветления и очень тяжелы по своим последствиям: потеря памяти, растерянное и удрученное состояние; обычные явления жизни получают характер чего то дикого, страшного. В последствии эти припадки ухудшались. Была в санатории, без улучшения“.

Гюи Мопасан.

По линии отца.

Отец Густав де Мопасан—происходит из старинной лотарингской фамилии. Он был привлекательной внешности мужчина, но по характеру он представлял из себя умственное убожество; слабохарактерность и ветренность, увлекали его в бесконечные авантюры и приключения. Вследствие этого семейная жизнь была очень горькая и несчастливая для его семьи и дурно отражалась на его детях, жизнь семьи была настолько тяжелой, что жена его решила положить конец, и она с ним разошлась, взяв детей к себе на воспитание.

Вероятно, эта же развратная жизнь отца, была причиной того, что дети его, Гюи де Мопасан и его брат Н-т-т-т

заболели прогрессивным параличом, как следствие унаследованного им сифилиса отца. Патологический характер отца не подлежит сомнению.

По линии матери.

Мать Лаура Де Пуаттевен—происходит из высшей буржуазии Нормандии.

Ее брат, Альфред Де Пуаттевен, был одарен блестящими способностями. *Восторженный и эксцентричный*, он оказывал огромное влияние на умственное развитие его сестры Лауры и их друга Флобера. С ранних лет он приохотил Лауру к литературе. Пробудил любовь к классикам. Сочиненные Флобером трагедии Альфред и Лаура содействовали постановке; были попеременно актерами, зрителями и критиками. В этом кружке литературном поддерживался тот поэтический огонь, из которого вышел потом знаменитый писатель Флобер и Альфред, поэтические опыты которого развились бы в поэтическое дарование, если бы не ранняя смерть от болезни сердца.

Это литературное влияние потом его сестра Лаура перенесла на ее сына Гюи Де Мопасана, литературными опытами которого руководила вначале, а затем передала это руководство ее другу Флоберу.

Вместе с тем *мать* Гюи Де Мопасана страдала истеро-эпилептическими припадками, во время которых она впадала в страшное возбуждение. Пыталась неудачно покончить самоубийством путем повешения и путем отравления опиумом.

Брат Гюи де Мопасана—Гарвей Мопасан окончил свою жизнь прогрессивным параличом. Его дочь:

Племянница писателя, также страдала судорожными припадками, как и мать Мопасана.

Гюи Мопасан, как известно, также окончил прогрессивным параличом.

Таким образом, мы видим здесь, что литературно-поэтическое дарование Гюи де Мопасана перешло со стороны материнской линии.

Патологическую-же наследственность он также получает как со стороны отца, так и матери.

Байрон.

По своему рождению Байрон принадлежит к старинному аристократическому роду. Его предки перешли через Ламанш вместе с Вильгельмом Завоевателем, и после битвы при Гасширсе, были осыпаны целым рядом королевских милостей.

Генрих III за выдающиеся заслуги и способности подарил им аббатство Ньюстэд, ставшее родовым именем Байронов.

Предки по отцу.

Прадед Байрона также известен, как автор произведения „Narrative“. По характеру он был импульсивный человек. Таким образом, симптомы литературной одаренности мы имеем уже в лице прадеда.

Дед—уже нам известен как знаменитый мореплаватель.

Деда брат зато отличался сумасбродным и патологическим характером: он бил жену свою, тиранил слуг своих, а на крестьян нагонял прямо необыкновенный ужас,—он им казался воплощенным дьяволом. В минуты же успокоения он впадал в другую крайность и целыми часами забавлялся, „как дитя“ игрушками: для него делали маленькие кораблики с миниатюрными пушками, и он спускал их на свой пруд, играя в морские сражения.

Бабушка была также психически ненормальная женщина и мучила всех окружающих ее.

Отец. Сам поэт Байрон считал своего отца помешанным; окончил жизнь свою самоубийством в 1798 г., когда поэту было 16 лет.

Отец вел жизнь бесстыдного развратника; своей развратной и разгульной жизнью, которую он вел, любовными интригами с женщинами,—все это окончательно разорило остатки прежних богатств Байронов.

Его жизнь наполняла в свое время скандальную хронику английского общества, он ужасал всех своими похождениями и бесчисленными дуэлями.

Между прочим на дуэли он убил самого близкого друга—Чеворта.

Предки по матери:

Дед (отец матери) был меланхоликом и в конце концов повесился.

Мать Байрона была душевно-больная, ее припадки иступления доходили до настоящего безумия. В гневе своего буйства рвала на себе одежду.

Сам поэт называл ее нередко фурией. 18-летний Байрон так писал про свою мать: „Моя милая Алекто (имя одной из греческих фурий) начинает чувствовать последствия своего безумия. Говорю серьезно. Я очень обязан Вашей матери (письмо было адресовано одному из его друзей) и всей Вашей семье, в том числе и Вам, что Вы мне помогли укрыться от мистрисс Байрон-Furious (т. е. матери Байрона).“

Она умерла от одного из подобных припадков бешенства.

Виновником этого последнего припадка был обойщик, представивший ей через-чур внушительный счет.

Шопенгауер

Предки по отцу:

Предки по отцу голландского происхождения.

Прадед—Андрей Шопенгауер, повидимому, уже был человек эксцентричный. Он держал в начале XVIII века в аренде хутор Штутгоф, близ Данцига. Однажды проездом у него останавливался на ночлег царь Петр и Екатерина. Так как Петр выбрал комнату для ночлега без камина и печи, и было в ней холодно, то чтоб сделать эту комнату теплой, Андрей Шопенгауер распорядился вылить на пол сжечь несколько боченков спирту. В нагретой таким способом комнате Петр провел ночь и был доволен.

Дед Андрей был деятельный и трудолюбивый торговец с твердым характером и покойным нравом. Конец жизни провел в большом уединении в своем подгородном поместье Ора, близ Данцига, умер в 1794 г.

Бабушка: Происходит из старинного патрицианского рода Сермансов.

Обладала вспыльчивым характером, а под старость впала в безумие и отдана была под опеку.

Дядя Михаил Шопенгауер (старший сын предыдущих) страдал от рождения слабоумием

Дядя Карл Готфрид—второй сын, вследствие различных эксцессов помешался, разошелся с семьей и, по выражению матери философа, „прозябал где-то в углу с дрянными людьми“. Умер в 1795 году.

Дядя Иоганн Фридрих так-же, как и отец философа, отличался энергией и способностями, благодаря чему торговое дело было восстановлено.

Отец Генрих Флорис был наиболее талантлив. Род. в 1747 году, был очень безобразен наружностью, одержим какими-то болезненными страхами, меланхолией и болезненной страстью менять местожительства. Страдал глухотой с детства, которая постепенно возрастала, а вместе с тем он становился раздражительнее и вспыльчивее; под конец жизни временами утрачивал память.

Так, осенью 1804 года, возвращаясь из Англии в Данциг, Г. один из старинных друзей Шопенгауеров, имевший случай оказать им не одну услугу за время их пребывания в 1803 году в Лондоне, вздумал посетить Гейнриха Флориса в Гамбургской его конторе, но застал отца философа в большом волнении. Г. принят был следующими сло-

вами: „Я вас вовсе не знаю, сюда являются многие и говорят: я такой-то, и такой-то. а мне о них ничего неизвестно, да и знать их не хочу.“

Измученному приятелю оставалось только удалиться но вслед за ним из конторы вышел приказчик, который извинился за хозяина. объяснил Г, что принципал, иногда теряет сознание, но что припадки эти долго не длятся, и что обыкновенно Флорис даже ясно себе потом пригодит в память происшедшее. Действительно, на другой день Г. получает приглашение посетить дом Флориса, и недоразумение выясняется: припадок гнева, вызванный недобросовестным счетом столяра, обусловил у него припадок потери сознания.

Во время подобного же припадка, обусловленного мнимыми, или действительными денежными потерями, Генрих Флорис Шопенгауер выбросился из верхнего этажа хлебного амбара в канал, где и потонул.

Из психических его качеств: отличался большим умом, замечательной силой воли, предприимчивостью и упорной настойчивостью. Был хорошо образован для своей купеческой среды, много путешествовал; по духу республиканец. Вообще был очень талантлив.

Предки по матери.

Дед Христиан Гейнрих Грозингер, член Городского Совета в Данциге (Ratsherr).

Его дед был проповедник в Горкумском соборе, в Голландии. Человек республиканских воззрений, оппозиционер, много путешествовал, владел иностранными языками. Имел прирожденный талант уметь пользоваться житейским опытом, и пользовался уважением и авторитетом сограждан. Был человек веселого нрава, но все хорошие качества парализовались его необузданным и вспыльчивым характером.

Когда всего менее возможно было этого ожидать, говорит Иоганна Грозингер (Шопенгауер) об ее отце: какойнибудь ничтожный повод—вдруг повергал его в гнев и дикую ярость, которые, правда, скоро улегались. Но в минуту вспышки весь дом трепетал под громовым голосом отца: все домашние, не исключая собаки и кота, преисполнялись ужаса и наровили не попадаться отцу на пути.

Бабушка: отличалась мягким характером, остротой ума, здравым смыслом, способностью быстро схватывать: образования скудного. Маленькая, изящная фигурка с красивыми формами.

Мать Иоганна Грозингер унаследовала от матери красивую наружность, но имела недостаток: искривление левого бедра. Вышла замуж, видно из расчета и совершенно неожиданно.

Была очень образованная женщина с литературным талантом, и впоследствии в Веймаре, известная писательница, написала 24 тома.

Расточительная и легкомысленная особа, отличалась бессердечностью по отношению к сыну.

Штейн характеризует ее:

„Самодовольная, ищущая всеобщего одобрения, эгоистическая, кичливая мотовка с желанием блистать в обществе, рассудочная натура. Любит веселье.“

Кардан.

По линии отца.

Среди предков Кардана имеются замечательные и выдающиеся люди.

Отец. По Ломброзо отец его был душевно-больным, однако проявлял и признаки научного диллетантизма.

Дед из фамилии Micherig, был человек с научными склонностями.

По линии матери.

Мать была вспыльчивая особа и с патологическим характером.

Сам Кардан, сын, и 2 двоюродных брата, были душевно-больные люди.

Юлиус Роберт Майер.

По линии отца.

Отец—Христиан Яков Майер, аптекарь—человек чрезвычайно легко возбудимый, гневливый и вспыльчивый из-за пустяков. Так он был человек добродушный, предавался своим аптечным занятиям, а также любил и относился с большим интересом к своим научным и техническим занятиям, имел научную библиотеку дома, также лабораторию и богатую минералогическую коллекцию. Был человек с научными склонностями, но в отношении психики представлял из себя тип из группы циклоидных.

По линии матери.

Мать—Девушкой перенесла паралич половины тела (гемиплегия), от чего у ней остались постоянные жалобы в походке; психически, была особа со странностями и эксцентричностью, также легко возбудима, вспыльчива по пустякам, и не далекая в смысле одаренности. Повидимому истерическая особа.

Братья. Старший и младший также чрезвычайно легко возбудимые, гневливые и вспыльчивые по пустякам представляли из себя циклоидные типы.

Юлиус Роберт Майер сам, как известно, много раз болел маниакально-депрессивным психозом.

Батюшков.

По линии отца.

Батюшковы — старинный дворянский род. Представители его с XVI в. известны в числе служилых людей Московского государства.

Семен Батюшков в 1543 г. посол Молдавской земли.

Матвей Иванович Батюшков — участник войны с Польшей при царе Алексее Михайловиче и с Турцией при его сыне. За многую службу царям Московского государства в 1683 г. был награжден поместьями и землей.

Андрей Ильич Батюшков — внук Матвея Ивановича — служил при Петре I, при разных должностях гражданских. Был человек *крива крутого* и „твердый духом“ по семейному преданию. Из его сыновей старший:

дед Лев Андреевич Батюшков, был человек повидимому способный, деловой и уважаемый, так как был выбран в депутаты от дворянства в знаменитую Екатерининскую комиссию, для составления проекта нового уложения.

Илья Андреевич Батюшков, второй сын, за худые речи об императрице и за умысел свергнуть ее с престола — был сослан в Мангазею. В нем была *склонность к умопомешательству*, за что по приговору над ним при суде дозволено было не употреблять его в ссылке на казенные работы, в случае возобновления его болезни.

Дядя (брат отца) Павел Львович, был человек хорошо образованный и повидимому очень способный. Дослужился до звания Сенатора.

Отец Николай Львович — старший сын Льва Андреевича, был из за дела дяди — все время под надзором.

Нрав его был неровен и своеобразен (странен).

Большой любитель французской литературы и почитатель философии XVIII века, собрал богатую библиотеку со множеством, роскошных изданий.

Николай Львович имел от первого брака (с Бердяевой) 4-х дочерей и одного сына Константина — будущего поэта, из них:

сестра — Александра Николаевна из этих 4-х дочерей, старшая, была *больна умопомешательством*.

Сам поэт Константин Николаевич Батюшков страдал безнадежным умопомешательством в течение 40 лет.

По линии матери.

Александра Григорьевна (урожденная Бердяева) через несколько времени по рождении сына, поэта (в 1787 г.) лишилась рассудка и умерла в 1795 г., т. е. 8 лет спустя, (значит была больна 8 лет).

Флобер.

По линии отца.

Отец был известный хирург из госпиталя *von* (Париж). Это был способный и серьезный человек с практическими наклонностями.

Но вместе со своими способностями *обладал* и *тщелаческим* характером. Он был *чрезвычайно аффективен*, и *вспыльчив и импульсивен*, так что, в интимной семейной жизни был невозможен.

По линии матери.

Мать весьма чувствительная особа, заболевшая психически, была подвержена галлюцинациям.

Брат Ахилл был также тяжело душевно-больной, впадал в тяжелую депрессию и крайнюю степень возбуждения.

Сам Флобер—поэт страдал истеро-эпилепсией.

Мольер.

По линии отца.

Отец суровый, жестокий, деспотичный характер, с патологической скупостью и алчностью к деньгам.

По линии матери.

Дед большой театрал и человек с артистическими наклонностями.

Мать рано умерла; биографы предполагают, что она умерла душевно-больной, так же и относительно рано умерших братьев и сестер поэта.

Относительно самого Мольера—имеется также не мало данных, говорящих о его психопатических уклонах психики.

Гаршин.

По линии отца:

Дед: Егор Архипович Гаршин—крутой, жестокий и властный человек, порол мужиков, пользовался правом *prima noctis* и „поливал кипятком фруктовые деревья непокорных однодворцев“. Всю жизнь судился с соседями из-

за каких-то поджогов мельницы и к концу жизни сильно расстроил свое крупное состояние. На всякое горе реагировал тем, что спал по несколько дней.

Шизоид.

Бабушка—Пелагея Ивановна Гаршина, жена предыдущего страдала Циркулярным психозом. Говорили, что она „внесла безумие в род Гаршиных“.

Дядя: Николай Егорович Гаршин—сын предыдущего. Считался самым здоровым из Гаршиных; не пил, умер очень пожилым.

Двоюродны брат—Федор Николаевич Гаршин—предводитель дворянства, веселый, бонвиван; прожил состояние на угощениях. Был не прочь выпить, но не сильно.

42 лет, узнав о том, что брат его отдан под суд за растрату, отравился.

Двоюродный брат—Сергей Николаевич Гаршин—моряк, любитель женщин, сильно пил. Умер от прогрессивного паралича.

Двоюродный брат—Леонид Николаевич Гаршин—нигде не мог кончить курса, глупый, ни к чему не способный.

Тетка—Александра Егоровна К-а, урожд. Гаршина.

С большими странностями, совершенно не сдержанная, видела во всем то, чего не было: подозревала окружающих родных и знакомых во всяческих преступлениях любовного характера (изнасилование, кровосмесительство, незаконные и противоестественные связи); рассказывала небылицы такого рода почти про всех, с кем ей приходилось иметь дело; подозревала в измене мужа, которому было за 70 лет; следила за горничными и лакеями, устраивала гостям скандалы за каждое, по ее мнению, оскорбительное замечание. Вообще была „очень добрая, но невероятная лгунья“.

Проявляла исключительное умение занимать деньги у мужиков, у знакомых, но тут-же отдавала всякому, кто просил. Любила лечить крестьян героическими средствами (крупчатое масло, серная кислота и т. п.) „только калечила людей“. Как лекарка, пользовалась большой популярностью даже за пределами своей губернии. Умерла 83 лет от „удара“. Бездетная.

Тетка—Мария Егоровна (ур. Гаршина). Страдала св. Витта, умерла 83 лет от „удара“.

Е е д е т и.

Николай—человек ограниченный, мрачный, молчаливый, сильно пил.

Варвара—очень любила хвастаться успехами у мужчин, множеством женихов и своими достоинствами, которых в действительности не было. Вообще склонна ко лжи, преувеличениям.

Александр—был выгнан из младших классов разных учебных заведений, человек с большими нравственными дефектами—лгун и вор.

Дядя—Степан Егорович Гаршин: Офицер—кирасир, блестящий, живой и веселый, славившийся остроумием; женился во второй раз довольно необычно: встретил на постоялом дворе девушку, похожую на его покойную жену, тут-же сделал ей предложение. Сильно пил. Умер 40 лет в одном из приступов белой горячки. Картежник.

Тетка—Василиса Егоровна (ур. Гаршина) была здорова, умерла от „удара“ 73 лет.

Е е д е т и.

Митрофан и Сергей—покончили с собой.

Дмитрий—спился и покончил с собой в состоянии белой горячки.

Дядя—Иван Егорович—военный, игрок, шулер, за это часто был бит, считал всех мошенниками и подлецами; при дележе наследства обманул сестер и долго с ними судился. Считался замечательным врачом, рассказывал невероятные небылицы, уверял, например, что „берет столь горячие ванны, что в них можно сварить в крутую яйцо“; рассказывал, что однажды, когда он после долгой разлуки приехал к сестре, последняя так обрадовалась, что бросилась к нему и обняла его за шею, но не руками, а ногами.

Умер 64 лет в психиатрической больнице.

Тетка—Ольга Егоровна. (ур. Гаршина). Крайне нервная, безумно вспыльчивая и раздражительная (до пены у рта), умная, честолюбивая, энергичная, писала для мужа речи для земских собраний. В обычное время очень ленивая, целые дни проводила за пасьянсом, но временами на несколько недель—подъема настроения, появлялось стремление к деятельности, отправлялась в путешествие.

Очень страстная и ревнивая. 46 лет после бешеной вспышки ревности—обморок. Очнулась через четыре дня парализованной. Через 6 месяцев умерла в состоянии слабого слабоумия.

Сын Ольги Егоровны, инженер, истеричный (припадки), страдал агорафобией и циркулярным психозом.

Умер от склероза сердца.

Дочь предыдущего, 21 года, очень скрытная, упрямая, вспыльчивая, жестокая, замкнутая, мрачная. Резкие колебания настроения.

Дочь Ольги Егоровны 58 лет, подобно матери, очень ленива, малоподвижна, по целым месяцам не выходит из дома, но временами является, наоборот, стремление к деятельности и продолжительным путешествиям. Был припадок меланхолии

Отец—Михаил Егорович Гаршин: Добрый и кроткий, слабовольный, картежник. Страдал циркулярным психозом; первый раз заболел на 3-ем курсе университета. Отмечались переходы от сентиментальной нежности к бурному гневу; крайне рассеянный, „пришибленный, испуганный“. Назывался „Мишель странный“. Под конец жизни страдал каким-то видом умственного расстройства: по словам сестер, писал проекты, которые адресовал на имя государя; неудачный изобретатель „канатной железной дороги“.

По линии матери.

Дед: Акимов Степан Дмитриевич офицер Черноморского флота, очень образованный человек, очень добрый. Отношение к крестьянам было так необыкновенно, что окружающие помещики прославили его опасным вольнодумцем, а потом и помешанным. Помешательство это состояло в том, что в голод 1843 года, когда в тех местах чуть не пол-населения вымерло от голодного тифа и цынги, он заложил свое имение, привез большое количество хлеба и роздал его голодающим крестьянам своим и чужим.

Отец, сомневаясь в происхождении 2-х других своих сыновей, умирая, передал все свое состояние ему, предоставив дать братьям, сколько найдет нужным. Он разорвал завещание и разделил свое состояние поровну, оставив себе лишь 50 крепостных.

Бабушка: Акимова Александра Степановна, жена предыдущего, крайне капризная с крепостными, властная, очень религиозная, считалась психопаткой.

Елена Степановна,—сестра предыдущего, религиозная, аскетическая, „сошла с ума от аскетизма и перешла к эротомании“. Умерла в психиатрической больнице.

Мать Гаршина Екатерина Степановна, урожденная Акимова (жена Михаила Егоровича Гаршина)—очень образованная женщина, писательница и переводчица.

Писала в „Северной Пчеле“ Усова, „Петербургских Ведомостях“ и „Учителе“ Паульсона.

Умерла от апоплексии.

Брат Гаршина—Георгий Михайлович Гаршин.— Очень способный, талантливый адвокат; сильно пил, отличался неукротимой дерзостью, вел вообще очень бурную жизнь, был женат 3 раза. [50-ти лет застрелился в 1895 году в стадии депрессии.

Состояние депрессии было в молодости в 5 кл. гимназии; в 30 лет было еще раз состояние, близкое к психозу.

Брат Евгений Михайлович Гаршин. Педагог, добрый, мягкий, но крайне слабохарактерный, с колебаниями настроения. За последние годы обнаруживает большую религиозность. Напечатал „Очерки по истории Русск. литературы“, роман для детей.

Его дочь пред. Наталья Евгеньевна Гаршина. Очень способная; с 14 $\frac{1}{2}$ лет страдает циркулярным психозом. Несколько раз находилась в психиатрических больницах. Во время психоза наблюдались кататонические явления.

Писатель Всеволод Михайлович Гаршин, страдал циркулярным психозом. Покончил с собой во время меланхолического приступа. Первый приступ душевной болезни был в 1872 году; несколько раз бывал в психиатрических лечебницах

Бальзак.

По личным отзывам.

Отец—по профессии адвокат, был очень н-ный и замечательный человек. Но вся его „от-тисковая“ физиономия изобличала в нем шизоидную натуру со всеми характерными чертами. Его эксцентричность, странности, чудачества вошли в поговорку.

По линии матери.

Мать—была также человек с психопатическим характером. На сколько она была бессердечна, вспыльчива, сурова и жестока даже по отношению к ее детям можно судить по тому, как писатель Бальзак долго помнил (в своих воспоминаниях), как он, будучи ребенком, боялся ее, когда их детьми водили здороваться, а вечером проститься с матерью.

У ней было не мало причуд и странностей: боялась кормить грудью сына, потому что от этого боялась потерять ребенка и думала, что от кормления грудью ребенка умер ее первый ребенок, поэтому она отдавала детей кормилицам и мало заботилась о них, оставляя расти детей случаю.

Конрад Фердинанд Мейер (немецкий поэт).

По линии отца.

Отец и его брат (дядя поэта) были чрезвычайно чувствительные, впечатлительные и болезненно нервные люди. Все в жизни им давалось с трудом, именно вследствие их патологической конституции, несмотря на чрезвычайную работоспособность, не знавшую отдыха.

Дед был подвержен маниакально-депрессивным приступам. По характеру раздражительный, то веселый. Настроения его резко менялись на меланхолические приступы.

По линии матери.

Мать своими способностями стояла выше ее мужа (отца поэта), но также была подвержена маниакально-депрессивному психозу, с постоянной склонностью к меланхолическим фазам болезни, пока наконец, в состоянии этого психоза не покончила самоубийством.

Сам поэт К. Ф. Мейер—также страдал маниакально-депрессивным психозом, находился в психиатрической лечебнице несколько раз и умер психически больным.

Чайковский.

По линии отца.

Отец был по образованию горняк и одно время состоял преподавателем горного корпуса.

Это был добродушный, жизнерадостный, открытый человек, доверчивый, идеализировал каждого встречного-поперечного, несмотря на то, что платился жестоко за свою доверчивость.

По образованию и умственным потребностям не выделялся из среднего уровня, хотя и был хороший специалист в своем деле.

В сфере искусства далее самого поверхностного дилетантизма он не выходил, отдавая предпочтение музыке и драме. Играл в молодости на флейте, увлекался всегда театром. О других родственниках со стороны отца мало известно в отношении талантливости.

По линии матери.

Дед его Андрей Михайлович Ассиер—французского происхождения, отец которого эмигрировал из Пруссии во времена французской революции. Приняв русское подданство Андрей Михайлович, благодаря своим связям, образованию и замечательному познанию языков, вскоре занял заметное положение, служил в таможенном ведомстве и

умер в чине действительного статского советника. *Страдал эпилептическими припадками.*

Бабка его—I-я жена Андрея Михайловича, Екатерина Михайловна, урожд. Попова, дочь диакона Сергиевского собора в Петербурге. О качествах ее характера ничего неизвестно.

От этого I-го брака было 4 детей,

1) Дядя Чайковского брат матери Михаил Андреевич Ассиер — служил гвардейским офицером. *Страдал теми же эпилептическими припадками, что и его отец.* Был музыкален как дилетант в музыке. Умер рано молодым.

2) Другой дядя—Андрей Андреев. Ассиер—был офицер 3 чина полковника. О его болезни или о его музыкальности неизвестно.

3) Тетка его—Екатерина Андреевна прекрасная, в свое время известная в Петербургском обществе, любительница-певица.

4) Мать его Александра Андреевна так-же очень музыкальный человек, выразительно и с чувством певшая модные в то время, арии и романсы.

Таким образом музыкальности со стороны линии матери известно о трех лицах: кроме самой матери, ее сестра и брат.

Биограф ее нрав, рисует как очень замкнутый в смысле проявления каких либо чувств наружу и скупа на ласки. Доброта ее, если проявлялась, то была какая-то строгая-холодная.

Сам композитор, Петр Ильич Чайковский, страдал эпилептическими (или истеро-эпилептическими припадками). Помимо того у него были не раз приступы психического расстройства.

Таким образом, здесь мы также видим, что по линии матери от деда имеется в наличности психопатический фактор-дед, сын его (дядя композитора) и сам композитор—страдают припадками судорожными, а композитор, кроме того, психическим расстройством временами. По той же линии матери передается и музыкальная наследственность (дядя, тетка и мать—музыкальны), хотя музыкальность эта отмечается и у отца Чайковского.

Леонид Андреев.

По линии отца.

Отец был землемер. По характеру это был человек с патологической психикой.

Часто сильно и запойно пьянствовал, в это время он доходил до буйных скандалов и до драк, скандаль-

ная роль в которых принадлежала ему. Был очень суров и жесток, так что в семье его все боялись.

Умер от кровоизлияния в мозг сравнительно молодым (42 года).

По линии матери.

Про свою линию материнскую сам Леонид Андреев в своей автобиографической записке говорит: „ . . . мое влечение к художественной деятельности наследственно опирается на линию материнскую. Именно в этой стороне я нахожу наибольшее количество людей одаренных . . .

. . . „Пылкое фантазерство, не находившее себе границ в условиях скудной действительности, составляло характерную черту некоторых моих родственников“ . . .

. . . „В смысле обычной талантливости они, оставались самоучками . . . “

Этой характеристикой повидимому он имел в виду своего дядю Н. Н. Пацковского или же свою:

м а т ь урожд. Пацковскую, которая также отличалась большим фантастическим даром к выдумыванию сказок и фантастических историй, помимо этого была очень эксцентричная и с чудачествами, изобличавшие в ней шизоидную натуру. Были приступы кататонического ступора (столбняк, по словам сына).

Сам Леонид Андреев—был также по своей психике шизоид, Был несколько раз в психиатрической больнице.

IV группа примеров, в которых приводятся случаи еще не обследованные в вышеприведенном смысле (т. е. в смысле соотношений материнской и отцовской линии к наследственному отягощению к наследственной одаренности). Но приводятся как примеры, где психотический момент всегда имеется в наследственности великих людей.

Надсон.

По линии отца.

Отец Надсона: дед—принявший православие еврей из Киева.

Отец, по рассказам знавших его был весьма даровитый человек и хороший музыкант. Умер еще в молодых годах от психического расстройства, в приюте для душевнобольных, когда поэту еще было 2 года.

По линии матери.

Мать Надсона Антонида Степановна Мамонтова, из дворянской семьи, отличалась редкой красотой и необыкновенной сердечностью, привлекательностью и симпатичностью.

О какихнибудь симптомах одаренности или психической дефективности у матери Надсона мы не знаем.

Эмерсон.

По линии отца.

Дед—священник. Отец рано умер, был пастор (Унитариянского толка.)

Тетка (сестра отца Мери Муди Эмерсон) имела патологический характер, который выражался чрезвычайно. вспыльчивостью, резкостью, аффективностью и нетерпимостью к чужим мнениям. Но была талантлива.

Тетка отца—душевно-больная.

Мать—спокойная и уравновешенная.

Брат—Эдвард—страстная импульсивная и аффективная натура. В 1828 г. болел психически, оправился, но умер через 6 лет.

Брат—Роберт страдал всю жизнь слабоумием. Семья Эмерсонов, вообще богата психическими расстройствами.

Короленко.

По линии отца.

Отец родом из чиновной среды мелких дворян.

Сравнительно молодым 30 с чем то лет (3 года после свадьбы) был парализован на всю половину тела (Гемип-

легия). После чего остался таким на всю остальную жизнь. Психически человек с нервно-психопатическими чертами характера:

Эксцентричный фантазер, странный с чудачествами, замкнутый самодур, вспыльчивый, ревнивый, неудачник. Взял в жены девочку 13 лет с тем эгоистическим расчетом, чтоб ее воспитать избегая периода девичьего кокетства. Страшно ревнивый, ревность выражалась у него дико и грубо; уезжая куда нибудь он ее запирает на замок.

К концу жизни физически и психически слабел и умер молодым сравнительно.

Психически: человек с эхиноидной конституцией.

По линии матери.

М а т ь (по описанию самого Короленко), была несчастлива в браке. О каких либо симптомах одаренности или психопатии нам неизвестно.

Один из сыновей галлюцинант по описанию самого Короленко.

Одна дочь в умственном отношении весьма ограниченная и вообще с психической дефективностью.

Другая дочь с поэтическим дарованием пишет стихи.

Сам В. Г. Короленко была натура чрезвычайно чувствительная в последние годы его жизни болел органическим нервным заболеванием: болел амитрофическим боковым склерозом.

Чехов.

По линии отца.

Д е д Егор Михайлович Чехов был крепостным у Чертова (друга Толстого). Он был человеком—эксцентричным, с чудачествами и странностями.

Строгость, упрямство и педантичность были выражены у него до неумолимости. Шизоидный тип.

О т е ц Чехова—Павел Егорович торговал в бакалейной лавочке, соединенной с винным погребком „распивочного и навынос“.

О т е ц отличался тяжелым патологическим характером, гнет которого отмечается как Антоном, так и Александром Чеховым. Это был грубый, властный жестокий человек, который всех держал в железных тисках. Дети от него не только ласки не видали, наоборот: телесное наказание было обычным делом.

„Оплеушины, подзатыльники и порка были явлением самым обыкновенным, и он широко применял эти исправительные меры к детям. Перед ним все трепетали: и боялись его пуще огня“.

Зная эту деталь семейной жизни Чехова, можно не задумываться над тем, откуда заимствованы воспоминания тяжелого детства в устах некоторых его героев.

„Я помню“,—говорит Лаптев в „Трех годах“ отец начал учить меня или попросту говоря, бить, когда мне не было еще пяти лет, он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я просыпаясь каждое утро думал прежде всего, будут-ли сегодня драть меня...

„Вся семья жила замечательно дружно... Отец держался, как мне казалось от семьи, в стороне и производил на меня, по крайней мере, несколько устрашающее впечатление“. (говорит Баранцевич).

Таким образом отец Чехова был также человек с патологическим характером. С другой стороны отцу Чехова были не чужды влечения к искусству и знанию.

В молодости он играл по нотам на скрипке, точно также рисовал, писал иконы, имел голос, пел в церквах в хору и даже был регентом хора и обучал пению этот хор под скрипку, благодаря чему пользовался уважением.

Значит был человек, так сказать, с потенциальной талантливостью. Сам Чехов считает свою талантливость унаследованной от отца.

Брат его Николай (старший из 6 детей) человек с своеобразным, живым, порывистым, вспыльчивым характером. Талантлив, правдив, любит музыку.

По линии матери.

В отношении матери Чехова ничего патологического отметить нельзя. Также в отношении одаренности никаких данных у нас не имеется.

Бальмонт.

По линии отца.

Никаких данных в отношении одаренности, так и в отношении психических аномальностей по линии отца, мы не имеем.

По линии матери

Сам Бальмонт пишет в своей автобиографии:

„Предки моей матери (урожденная Лебедева) были театралы.

Родоначальников был князь Лебедь золотой Орды. Быть может этим от части можно объяснить необузданность и странность, которые всегда отличали мою мать, и которые я от нее унаследовал также, как и весь свой душевный строй.

Отец моей матери (тоже военный генерал) писал стихи, но не печатал их.

Его брат Петр Семенович Лебедев был редактором, „Русского Инвалида“ Красинского.

Дочь Петра Семеновича Лебедева—Лидия Лебедева современная малоизвестная поэтесса. Все сестры моей матери (их много) писали стихи, но не печатали их.

Моя мать тоже писала и пишет но не стихи, а заметки и небольшие статьи в провинциальных газетах...

Брат его. Сам Бальмонт в своей автобиографии пишет о нем: „первый и сильный толчок дан был мне моим старшим братом, который очень увлекался философией и умер 33 лет в помешательстве (религиозная мания)“.

Бальмонт сам пишет также о себе, что он в приступе меланхолии бросился из окна с целью самоубийства. Из его же слов вытекает, что всю свою психопатическую конституцию он унаследовал от своей матери, о которой он говорит выше: „быть может этим отчасти можно объяснить необузданность и страстность, которые всегда отличали мою мать, и которые я от нее унаследовал также, как и весь свой душевный строй“.

Также и свой литературный талант он унаследовал от материнской линии, где литературной деятельностью занимались:

дед, брат деда, его дочь, мать Бальмонта, ее сестры и брат.

Даламбер.

По линии отца.

Отец Даламбера генерал Детушь. О каких либо симптомах психопатии или одаренности, чтоб отметить у него, мы не имеем никаких данных.

По линии матери.

Мать его—известная в свое время писательница Тансень. Это была бессердечная и жестокая женщина, которая родив Даламберга,

бросила его через несколько часов после рождения чуть живого на ступенях одной церкви, желая скрыть рождение младенца. Это была женщина красивая, остроумная светская, салон которой охотно посещали артисты, художники, высокопоставленные лица.

В своем поведении ничем не стеснялась, не стеснялась также своими любовными авантюрами и похождениями. От такой же любовной связи с генералом Детуша родился Даламберг.

В молодости была монахиней, затем ей надоела монастырская жизнь, она ударилась в другую крайность, меняя своих любовников по капризу без всяких стеснений, сходилась со всеми на краткую ногу, но стыдилась признать своего единственного сына даже тогда, когда им гордилась вся страна.

Со всеми гостями ея салона держалась фамильярно, называя каждого каким нибудь уменьшительным ласковым именем, дарила каждому предметы своего туалета, а все свое общество называла своим зверинцем.

Отец Даламбера генерал Детуш был, повидимому, человек добрый и отзывчивый, судя потому, что он принял горячее участие в своем незаконорожденном сыне, в то время, как мать *отнеслась в высшей степени жестоко*.

Детуш бесперестанно говорил об их даровитом 7 летнем сыне, и заинтересовал однажды г-жу Тансень поехать с отцом, чтобы взглянуть на мальчика.

„Не правда-ли, сударыня, очень жаль, что такое милое даровитое существо было так безжалостно брошено“...

Тансень сейчас же собралась уходить сказав, мне здесь не хорошо-душно; про ее рафинированное безсердечие говорили: Если г-же Тансень понадобится кого нибудь отравить, она ни сколько не задумается это сделать, но будьте покойны: она выберет самый тонкий и нежный яд.

Умирая, она оставила состояние свое любовнику. Вообще, это была психопатическая особа с большими моральными дефектами.

К ее положительным сторонам надо отметить она была талантливая писательница, ее романы охотно читались. Была бесспорно умна, остроумна, наблюдательна и хороша собой.

Из этих данных мы можем определенно сказать, что в лице матери Даламбера, мы должны видеть носительницу симптомов одаренности наряду с симптомами патологии.

Ничше.

По линии отца.

Отец—его Карл-Людвиг Ничше был из духовного звания. Дед и прадед философа были преподавателями богословия.

Отец был покровительством Фридрих Вильгельмом IV—Королем Прусским.

„Блестящая карьера открывалась перед ним, но его больные нервы, слабая голова обрекли его на спокойную жизнь“. (Говорит биограф Ничше-Даниэль Галеви, Жизнь Ф. Ничше перев. Ильинского стр. 1).

Повидимому, был одержим какой-то нервной (органически-нервной) болезнью. Это подтверждается и следующими фактами:

1. Первые 4 года не имел детей; только на пятом появился ребенок.

2. 2-й ребенок Фридрих (будущий философ—долго не мог говорить и только 2½ лет произносит первое слово).

3. В августе 1848 г. упал с лестницы крыльца и сильно ударился головой об каменные ступени.

Было-ли это сотрясение главной причиной или оно только ускорило наступление ужасной болезни—неизвестно. Но он умер после целого ряда безумия и изнурительных страданий; повидимому ушиб обострил бывшее нервное страдание.

О болезни отца говорит сам философ, что он получил в наследство от отца как: „Eine schlimme Erbschaft“. Таким образом, здесь мы видим: одаренность со стороны отца, (которому открывалась блестящая карьера, благодаря его способностям) симбиозуется с какой-то нервной-психической болезнью. Этот симбиоз передается сыну—философу—как нечто готовое конституциональное как: „Eine schlimme Erbschaft“, которое разворачивается затем у Ницше в нечто грандиозное, где связь его творчества с его безумием чрезвычайно ярко выражена.

По линии матери.

О материнской линии мы никаких данных не имеем.

Бетховен.

По линии отца.

Бабушка Бетховена была алкоголичка.

Отец Бетховена так же был алкоголиком и вообще человек с психопатической психикой. Был человек крайне вспыльчивый, грубый и жестокий. Нередко предавался пьянству настолько, что доводил семью до нищеты. Желая эксплуатировать талант сына, как можно раньше он учил сына музыке, при чем принуждал ребенка к непосильной работе, так-что немало слез пролил ребенок от его жестокости и грубости.

Между тем был сам человек музыкально-одаренный и обладал теноровым голосом.

Братья Бетховена ничем не замечательны.

Один из племянников был авантюрист и „пошел по дурной дороге“, чем не мало огорчения причинил композитору.

Мальтус.

По линии отца.

Отец Даниель Мальтус был человек умный, образованный, много читал и сам занимался литературой, большой поклонник гуманной, освободительной философии ХУШ. Был также знаком с Юмцом и Руссо. Все время проводил за книгами или занимаясь ботаникой, изучал природу и любил мечтать у камина. В то-же самое время был очень эксцентричный и странный человек с разными чудачествами, свидетельствующими о его психопатических уклонах психики.

По линии матери.

Никаких данных.

Нарлейль.

Отец.—каменщик, потом фермер, в высшей степени суровый и совсем лишенный чувства нежности, часто вспыльчивый и раздражительный до крайности.

Сын (философ). как и другие члены семьи, боялись его. Постоянно угрюмый, молчаливый, замкнутый обычно, временами раздражался неистовым смехом. Он слыл за человека, которого опасно затрагивать, ибо он впадал в такое бешенство, что другой раз отбивала охота его задевать.

Сам писатель Калейль так-же, как и его отец, обладал аналогичным-же характером.

Людвиг Фейербах.

Отец — человек гипер-эстетического, нервного характера.

Брат страдал неизлечимым юношеским помешательством (*Dementia praecox*)

Болье (математик.)

Брат младший—душевно-больной.

Готфрид Келлер.

По линии матери.

Со стороны матери маниакально—депрессивные заболевания.

О. Конт.

Мать—Розалия Конт—психопатическая особа, впадавшая в мистицизм, доходивший до крайностей мракобесия; упрямая, строптивая, сварливая, вспыльчивая и эмотивная женщина с болезненной восприимчивостью и крайне раздражительная.

22 года была в размолвке с сыном и дочерью.

Сестра Конта—душевно-больная.

Сын Конта болел также психически и лечился в доме умалишенных.

Поганини.

Отец—Крайне грубый, жестокий человек, запирает своего сына (знаменитого скрипача) на целые дни под замок. От гнева жестокого отца Поганини убежал навсегда из дому.

Станюкович (писатель).

Отец—суровый, жестокий, деспотичный самодур, от которого все стонали.

Фридрих Великий.

Отец—помешанный.

Карл V.

Мать страдала меланхолией и умопомешательством.

Д'Азелио.

Дед и брат отличались такими странностями и эксцентричностями, что о них говорил весь Турин.

Виктор Гюго.

Брат его Эйкен болел психически.

Дочь—находилась 30 лет в психиатрической больнице.

Юлий Цезарь.

Дочь умерла от нервно-психического потрясения во время беременности.

Кернер.

Сестра болела меланхолией.

Дети—душевно-больные.

Грильпарцер.

Б р а т душевно-больной.

Мурильо.

Со стороны материнской линии имеются душевные заболевания.

Аксаков Сергей Тимофеевич.

В роду Аксаковых также одаренность сочетается с нервно-психическими ненормальностями, так:

сестра Сергея Тимофеевича, его дочь, внук Сергей Григорьевич, сын последнего страдали эпилептическими заболеваниями.

Вероятно так же, что и сам Сергей Тимофеевич и его дед Степан Михайлович, так же были подвержены этой болезни.

Бах Себастиан.

С ы н душевно-больной.

Тацит.

С ы н слабоумен.

Пертикари.

Б р а т ь я душевно-больные.

Рицелье.

Сестра душевно-больная воображала, что у нее спина стеклянная.

Пуччиноти.

Б р а т ь я душевно-больные.

Николлини.

Сестра душевно-больная покушалась на ее брата несколько раз.

Скалигер Джозеф Юстус (ученый и философ).

Отец—Юлий Цезарь Скалигер отличался чрезвычайной раздражительностью и вспыльчивым характером, вследствие чего имел много врагов.

Патологический характер,

Ф. В. Райффейзен. (кооператор 1818-1888).

Отец страдал неисправимым алкоголизмом.

Циммерман.

Сын—душевно-больной (маниак. депресс. психоз).

Миньони.

Мать была истеричная больная.

Брат—эпилептик.

Сам Миньони вследствие полного умопомешательства и „мегаломании“ провел 14 лет в полной праздности. (Шизофрения).

Чарльз Дарвин.

Дед Эразм—человек эксцентричный со странностями и чудачествами, большой фантазер с вычурными манерами.

Как поэт, он писал свои стихи напыщенно риторически.

Сын его, средний писал также стихи, занимался нумизматикой и статистикой.

Психически больной. Окончил самоубийством вследствие помешательства.

Сам Чарльз Дарвин страдал какой-то постоянной нервной болезнью, боялся „наследственности“ его детей.

Временами он впадал в какое-то „крайне летаргическое, сонное и меланхолическое состояние“ (по словам биографа).

Киркегор.

Отец—человек с тяжелым и мрачным душевным складом.

Микель Анжело.

Отец—страдал бредом преследования.

Вильмен.

Отец и братья—душевно-больные.

Граббе (поэт).

Мать—жестокая, грубая, сварливая особа.

Диккенс.

Отец—чиновник интендантства, крайне странный, эксцентричный, чудака и фантазер, склонный предаваться несбыточным иллюзиям и фантазиям насчет всевозможных средств обогащения. В конце концов он попал в тюрьму за долги.

Манцони

сыновья душевно-больные.

Мендельсон

сын сошел с ума.

Марк Твен.

Дочь Жанна страдала эпилепсией (умерла в ванне во время припадка).

Кондэ

сын душевно-больной.

Дидро

сестра душевно-больная.

Гегель

Сестра душевно-больная, — воображала, что она превратилась в почтовую сумку.

И так, из всего того, что мы здесь приводим, мы видим:

- 1) Всегда на-ряду с наследственной одаренностью у антецендентов или десцендентов, великого или замечательного человека имеется наследственная психопатическая отягченность, т.-е. иначе говоря, наследственная одаренность у великих и замечательных людей симбиозирует с наследственной отягченностью (в той или иной форме).

- 2) Часто замечается, если наследственная одаренность идет по одной линии предков, то наследственная отягченность идет по другой линии предков.
- 3) В лице данного великого или замечательного человека эти две линии так или иначе скрещиваются, и таким образом он является биологическим результатом этого скрещивания.
- 4) Основные вариации такого скрещивания сводятся к следующим типам:
 - а) основная вариация: по отцу одаренность, по матери психопатическая отягченность, или наоборот;
 - б) по отцу или матери одаренность, а отягченность с обеих сторон, или наоборот.

Такова фактическая сторона нашего материала, здесь проиллюстрированного, и итоги этого материала.

Перейдем теперь к теоретическому освещению этого материала.

Теоретическая часть.

Основной теоретической проблемой данного вопроса является освещение биологического смысла этого симбиоза компонента патологического с компонентом одаренности, также биологического смысла этого скрещивания.

Прежде всего бросается в глаза противоречивость этого симбиоза. В самом деле, не есть ли это величайшее противоречие в природе из всех противоречий: генез гения или замечательного человека и его величайшая биологическая продуктивность связана фатально с тем началом в биологии, задача которого как-будто уничтожение, отрицание этой же биологической продуктивности. Само собой понятно, что это противоречие мы должны уметь вскрыть—это основная задача нашей теоретической части. Мы должны уметь вскрыть *смысл* этого противоречия. Как мы можем вскрыть смысл этого противоречия? Каким методом?

Для этого у нас имеется один научный метод, это—диалектический метод, который ставит себе целью осветить всякую логику противоречий, где бы это противоречие в природе не было, раз оно существует.

А раз это противоречие в биологии гения и таланта на лицо, раз эта биология гения диалектична, то ясно, что мы должны следовать диалектическому методу для вскрытия этой противоречивой логики гениальности.

Но прежде чем следовать этой логике диалектики—мы должны, для освещения некоторых моментов, сделать экскурсию в область биологии, называемую—менделизмом.

В настоящее время ни одна область биологии не может миновать, не может не считаться с этим учением, поэтому и область биологии гения также не может не считаться с ним.

С точки зрения учения менделизма — все задатки какого либо развивающегося организма можно разделить на 2 группы.

Одна группа задатков находится в скрытом состоянии и при развитии фено-типа не проявляется наружу, потому что другая группа задатков, выявляющая себя наружу в этот фено-тип, подавляет или тормозит эти задатки первой группы и не дает им выявиться, а потому эта группа задатков остается в состоянии гипостаза, т. е. в скрытом состоянии. Задатки-же второй группы, выявляющие себя свободно и не дающие выявиться тем скрытым задаткам, характеризуются, как состояние эпистаза.

Таким образом, между *скрытыми* гипостатическими задатками и *открытыми* эпистатическими задатками организма существует определенное соотношение, — они исключают как-бы друг друга — антагонистичны между собой. Но стоит только какой-либо причине устранить эти господствующие эпистатические задатки, т. е. как только устраняется тормаз, тогда начинают выявляться наружу эти гипостатические задатки, до сих пор как-будто бывшие неизвестными данному организму.

Но для того, чтобы выявились эти скрытые задатки, должен быть введен какой-то 3-й момент, нарушающий это нормальное соотношение между эпистазом и гипостазом. Должен быть введен новый диссоциирующий момент, устраняющий господство эпистатических тормазов, вследствие чего появляются у особей при скрещении новые признаки, до сих пор не бывшие у данного вида. Таковы соотношения, по учению менделистов, между различными группами антагонизирующих между собой задатками.

Теперь, если мы перенесем эти соотношения эпистаза и гипостаза в мир психический, то мы будем иметь такие же соотношения.

Все психические состояния мы должны также делить на те, которые находятся в скрытом состоянии задатков, т. е. на гипостатическую психику (гипостаз скрытых психических задатков) и на психическое состояние открыто (или активно) проявляемых психических свойств, т. е. на эпистатическую психику, открыто господствующую и, в то-же самое время, тормозящую проявление гипостатических (скрытых) признаков.

Если под эпистатическим состоянием психики мы должны понимать то состояние сознания, которое развертывает активно все свои обычные психические свойства и признаки со всеми своими психическими атрибутами, то, под гипостатическим состоянием психики, мы должны понимать все наши скрытые, так называемые подсознательные свойства психики, не проявляющиеся потому, что эпистатические свойства психики, т. е. весь наш аппарат сознания господствует и тормозит всякое выявление гипостатических свойств. Таким образом, между эпистатическим аппаратом сознания и гипостатическими задатками психики существует то антагонистическое соотношение, о котором говорилось выше.

К этим гипостатическим свойствам нашей психики надо отнести и скрытые задатки всякого рода одаренности (талантливость, гениальность и всякого рода другую одаренность), а потому они также находятся в антагонизме к аппарату сознания—эпистазу. Если мы представим себе, что отцовская линия Гоголя передавала такие скрытые задатки литературной одаренности из поколения в поколение благодаря тому, что эпистатический аппарат сознания, находясь в таком антагонистическом состоянии с этими скрытыми гипостатическими задатками одаренности, не давал ему выявиться до сих пор, то спрашивается, почему эта скрытая одаренность выявилась в лице писателя Гоголя активной? Чем вызван этот скачек перехода скрытой энергии одаренности,—бывший, несомненно, у отца Гоголя,—в активную гениальность сына, писателя Гоголя. А тем, что изменилось каким-то образом то антагонистическое состояние между эпистазом и гипостазом психических задатков, о котором была только что речь. Изменились те нормальные соотношения психики, которые существуют обычно в структуре нормального психического аппарата, где эпистаз тормозил гипостаз. Введен был какой-то 3-й момент, который изменил нормальные соотношения антагонизма.

Какой-же фактор изменил эти соотношения и каким образом?

Прежде всего, это должен быть такой фактор, или такое начало, которое должно быть диссоциирующим началом, т. е. такое начало, которое-бы диссоциировало то антагонистическое соотношение между гипостазом и эпистазом. И должно диссоциировать это соотношение таким образом, чтоб гипостатические задатки одаренности могли освободиться от тормазов эпистатической психики и свободно из латентного состояния перейти в кинетическое, активное.

Ясно, что таким диссоциирующим началом может быть нечто противоречивое нормальному аппарату психики,—психотический момент, или психотическое начало, уничтожающее цельность и гармоничность эпистатического аппарата сознания и тем самым освобождающее гипостатические силы одаренности. Этот психотический момент, который всегда вводится путем скрещения в биологическую цепь одаренной линии предков, несомненно должен играть именно такую роль.

В этом и заключается весь биологический смысл того, что всегда линия одаренных предков скрещивается с линией предков психотических, в результате чего является гений, талант, замечательный человек. Гений тут (или талант) является как воплощение активного выявления скрытой до сих пор энергии одаренности, как воплощение такого нового психомеханизма, где антагонистическое соотношение эпистаза с гипостазом, заменено, благодаря диссоциирующего действия психотического компонента, такой новой структурой психической, где гипостазу теперь уже не мешают те эпистатические тормазы для выявления себя; или же, во всяком случае, тормазы эти так конституционально изменены, что гипостатической энергии одаренности не препятствуется постоянно, или при случае, быть активной. Так произошло с отцовской линией одаренных Гоголя, когда эта линия скрестилась с материнской линией матери, которая внесла это диссоциативное начало—психотизма через посредство линии матери и благодаря чему кумулятивная энергия одаренности в лице Гоголя стала активной, явной. Так происходит и во всех тех случаях, иллюстрированных нами выше, где в линию одаренных всегда вводится этот диссоциативный момент психотизма посредством того или иного способа скрещения. Таков диалектический смысл симбиоза этих 2-х антагонизирующих начал в генезисе той феноменологии, которую мы называем гениальной одаренностью. Что это так,—подсказывает нам эмпирически сама природа бесчисленными примерами повседневной жизни и повседневной клинической практики.

В клинической практике психиатров всем известны те яркие случаи экспериментов в вышеприведенном смысле.

А именно, возьмем пример.—Человек, будучи психическим „здоровым“, не проявляет никаких симптомов какой-либо феноменальной одаренности. Он обыкновенный дилетант, каких много, допустим, в живописи, или в других областях. Рисует посредственные, или даже „бездарные“ вещицы. Случилось с ним несчастье: он заболевает прогрессирующим параличом, наступает так называемый маниакальный период болезни, который протекает с необычно-

венно быстрым и стихийным разрядом психической энергии, когда эпистатический аппарат со всеми его регулирующими и тормозящими центрами разрушается, и, следовательно, этим самым устраняются, также, и тормазы. Гипостатически скрытая энергия одаренности, освободившись от этих тормазов эпистатических центров, начинает в этой стихии маниакального возбуждения творить феноменальное: выявляется скрытый феноменальный талант в живописи, быстро и стихийно создается полотно за полотном, шедевр за шедевром, пока вся эта энергия гипостатическая так-же быстро не истощается, а психика окончательно не разрушается. Так творил, например, художник Брехис в Париже. Приблизительно аналогично создавал свои гениальные полотна Ван-Гог, так созданы многие величайшие произведения (о которых сейчас говорить не место) так творят много душевно-больных.

Разве это не самый лучший эксперимент природы, когда в „нормальном“ Брехисе нет художника, а в маниакально-паралитическом Брехисе с постепенно разрушающимся аппаратом сознания—Брехис феноменальный художник благодаря случайному разрушению его тормозящего аппарата (заметьте, *именно случайному*), ибо, не будь этого случая заболеть прогрессивным параличом этот Брехис остался-бы ничто. Клинические наблюдения над творчеством душевно-больных нам дают бесчисленные примеры таких экспериментов, именно в таком смысле.

Точно в таком-же смысле экспериментирует природа с богато-одаренными людьми; когда эти люди, чувствуя инстинктивно необходимость устранения тормазов своего аппарата сознания в творчестве, прибегают искусственно к устранению этих тормазов к искусственному „выходу из себя“, к искусственному диссоциированию эпистатического аппарата—посредством алкоголя.

Так, например, известный композитор № в своих периодически наступающих припадках творчества оглушает себя алкоголем, и весь этот период он пьет; он делается диг-зоманом. Его лечат от этого запойного пьянства. Лечение удается с успехом. Он перестает пить, но пропадает вместе с тем и его творчество. Он перестает творить. Но чувствуя свои творческие силы и чувствуя сильную потребность в выявлении этих скрытых гипостатических сил, он, проклиная своего врача, вылечившего его от алкоголизма, снова прибегает к „выходу из себя“, к опьянению и творчеству. Таких примеров можно-бы привести без конца. Они общеизвестны даже и не специалистам. Продельвая эти эксперименты более грубо эмпирически и слу-

чайно на таких примерах в жизни почти наглядно, та же природа прodelывает то-же самое более тонко и закономерно, но несколько иначе, со всеми теми великими людьми, которые, чтоб выявить свою потенциальную энергию одаренности, получают для „выхода из себя“ необходимый им фактор, уже не искусственно-экзогенно и не случайно, а наследственно—эндогенно, или, так сказать, конституционально; там искусственный „выход из себя“,—здесь наследственный „выход из себя“. У одного—в форме гипоманиакальных приступов, у другого в виде галлюцинаторных переживаний, у третьего—в виде эпилептических экстазов и т. д. Разница лишь в механизме. Там—„выход из себя“ искусственно посредством алкоголя, здесь этот „выход из себя“ посредством яда, находящегося в крови, и введенного наследственным механизмом эндогенно внутри самого организма. В обоих случаях смысл один: устраняется эпистатическое начало психики, как нечто тормозящее. Выходит на сцену гипостатическое начало психики, бывшее заторможенным, пользуясь устранением этого эпистатического начала хотя бы на миг, на час, на месяц (смотря по тому, какая форма „выхода из себя“).

Механизм происходящего здесь акта тот-же самый, который нам известен в новейшем учении об эпилептических припадках. Как известно Fischer *) объясняет способность реагировать припадками, не как результат раздражения коры мозга, а как результат устранения тормозов коры, благодаря чему чрезвычайно чувствительные к склонности реагировать эпилептически судорогами, подкорковые симпатические центры, реагируют судорогами на тот или иной способ устранения тормозов. Устраняются-ли эти тормозы экзогенно (травма, опухоль и проч.), устраняются-ли эндогенно (нарушение внутренней секреции и проч.),—результат один—судороги, —только механизм устранения тормозов различен. Fischer называет эту способность реагировать судорогами, как „Krampfbereitschaft“ Другие авторы—как Epileptische Reaktionsfähigkeit По существу эту эпилептическую реакцию можно было-бы свести, как гипостатическую реакцию.

Точно также и здесь при выявлении скрытой энергии одаренности при устранении тормозов сознания мы имеем такую же Hipostatische Reaktionsfähigkeit гипостатическую реакцию, способность к которой имеется в скрытом состоянии у каждого человека. Но чтоб выявить эту скрытую гипостатическую реакцию одаренности, необходимо устранение действия тормозов коры,—будет-ли это устранение тор-

*) H. Fischer, Ergebnisse zur Epilepsiefrage, Zeitschrift f. d. ges. Neurolog. und Psychiatrie 56. 1920.

мазов коры экзогенно (травма, отравление алкоголем, ядом сифилиса и проч. и проч.), или это устранение тормазов коры эндогенно (нарушено внутренней секрецией при психозах и психо-неврозах и получаемых наследственно) — суть остается та же — гипостатическая реакция одаренности. Эта скрытая гипостатическая реакция одаренности присуща всем без исключения людям, ибо в большинстве случаев творчество душевно-больных (бывших нормально-обыкновенными людьми и не творивших) есть именно результат такой гипостатической реакции одаренностью. По существу нет разницы между гипостатической реакцией душевно-больных и гипостатической реакцией гениально-одаренных. Есть только разница в механизме количественного выявления той специфической энергии, которая называется одаренностью.

Если количество накопленной энергии одаренности при гипостатической реакции велико, то при наличии этой гипостатической реакции, это количество переходит в качество (т. е. делается тот „скачек“ перехода из количества в качество, который всегда мы замечаем во всех диалектически протекающих процессах в природе), и тогда мы имеем феноменальную одаренность, „талантов“, „гениев“, „замечательных“ и других феноменально творящих людей.

Творящего гения или таланта связывает с творящим душевно-больным одинаковая способность реагировать гипостатически. Разделяет их громадная разница количественного выявления кумулятивной энергии одаренности при этой гипостатической реакции, где у гения эта энергия велика, а у душевно-больного творящего она в размерах не велика. Гений имел в своем предшествующем прошлом длительное накопление скрыто одаренной энергии. У душевно-больного творящего — этого накопления было еще мало. Гений получивший благодаря вышеупомянутому механизму скрещения способность гипостатически реагировать, пользуется этим для выявления скрытой энергии в качество, благодаря количеству. Душевно-больной пользуется также гипостатической реакцией, не имея кумулятивного количества, а потому в его творчестве нет того качества присущего таланту или гению, ибо его гипостатическая реакция произошла преждевременно.

Итак мы констатировали, что для выявления гипостатической реакции гениальной одаренности необходимо скрещение двух факторов в родовых условиях:

1) Необходимо родовое накопление гипостатической энергии, называемой одаренностью. Наличие этой энергии

есть лишь потенциальная возможность, а еще не есть сама гениальность. Гениальность (или талантливость) есть механизм выявления этой скрытой энергии. Для того, чтоб создался такой механизм выявления этой энергии в конституциональном смысле—должен быть фактор создающий эту новую конституцию. Тогда на сцену выступает

2) Второй родовой фактор—диссоциативный, (в форме скрытого или явного психотизма), изменяющий психическую структуру так, что создает новые такие условия, где благодаря гипостатической реакции создается механизм выявления этой до сих пор скрытой гениальности.

1-й фактор накапливающий, поэтому мы его называем, как *кумулятивный компонент одаренности*.

2-й фактор диссоциирующий (т. е. устраняющий тормазы эпистаза, благодаря чему растормаживаются эти скрытые кумулятивные силы, благодаря чему появляется гипостатическая реакция) а потому этот компонент мы обозначаем как *диссоциативный компонент одаренности и гениальности*.

Симбиоз этих 2-х компонентов и их скрещение в биологии великих людей является *биогенетическим законом гениальности*, а гипостатическая реакция есть результат этого закона скрещения. Вот почему нам делается понятным, почему у великих людей отягченность достигает 100% т. е. сплошная, и вот почему евгеникам приходится считаться с этим фактом, как со специфическим атрибутом генетики великих людей.

Если этот закон верен, то в связи с этим возникает целый ряд вопросов:

1) Как об'яснить значение тех вариаций психотического компонента, когда в одном случае скрещения, этот компонент идет только по одной линии предков (по матери или по отцу) в других случаях, он идет в обоих линиях (и с материнской и с отцовской линии).

2) Какова роль этого диссоциативного компонента при образовании отдельных типов одаренности.

3) Какова роль среды в образовании этих компонентов.

Все эти вопросы, а так-же целый ряд других вопросов, мы должны осветить с точки зрения вышеизложенных соображений. Но об этом будет речь в других работах.

Д-р Г. В. Сегалин.

Отдел Патографический.

К ПАТОГРАФИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО.

(К вопросу об эпилептических припадках у Льва Толстого).

О том, что Лев Толстой страдал какими-то припадками,— было известно давно. Еще Дамброзо говорил об этих припадках, описывая эти припадки, как эпилептические, и утверждал, что они сопровождались галлюцинациями, а также считал эти припадки наследственными.

Однако до последнего времени подтверждения в том, что действительно, он страдал такими припадками,— мы не имели.

По крайней мере, не было документальных данных, доказывающих во первых, что припадки действительно имели место у Льва Толстого, и во-вторых, что припадки эти (если доказано, что они были) действительно были эпилептическими, а не какими-либо другими (истерическими, аффект-эпилептическими, или какими-нибудь другими).

Лишь только теперь, когда появился целый ряд документов в печати, можно вопрос этот поставить снова на обсуждение и осветить его в достаточной мере.

Пользуясь такими документами, мы попытаемся осветить этот вопрос с современной точки зрения, не претендуя на освещение этого вопроса полностью.

Прежде всего проверим этот вопрос: были-ли у Льва Толстого какие-либо припадки вообще?

Из новейших литературных документов, касающихся Льва Толстого, мы находим целый ряд подтверждений, что припадками Лев Толстой действительно страдал.

Так, например, подтверждение этому мы имеем в недавно вышедшем дневнике одного из близких друзей Льва Толстого — Гольденвейзера („Вблизи Толстого“— том I и II 1923 г.). Так, на странице 312 этого дневника (II тома) мы читаем:

„Из письма О. К. Толстой—
4-го октября 1910 года.—

..Узнала, что вчера Л. Н. был болен, обморок,—
и что вызывали доктора..“

Письмо А. К. Чертковой к нам *).
„1½ часа ночи 4 октября 1910 г.
Ясеньки Тульской губ.

„Дорогие друзья,
Пишу ночью. Вечером прислали из Ясной (от
Саши) „Л. Н. очень плохо... Обмороки...“
Владимир Григорьевич поехал туда и просидел
от 7 час. до 1 часу ночи в комнате Душана.

С-йчас Владимир Григорьевич вернулся домой.
Л. Н. чу лучше, пульс восстановлен, и заснул.
Но видетъся не пришлось: он очень слаб, все
в забытыи...

Оказывается, что утром было тяжелое объясне-
ние у Л. Н.—ча с Софьей Андреевнй в связи с
уходом из дома дочери и ее письма к Варваре Ми-
хайловне.

Дай Б. г, чтоб эта болезнь Л. Н.—ча пробудила
бы совесть у Софьи Андреевны и послужила-бы
ей уроком на будущее“...

„Письмо А. К. Чертковой к нам:
„8 октября 1910 г. Ясеньки Тульской губ.“

...Л. Н. еще слаб, но уже выезжал верхом.....
... Нам рассказывали, что его обмороки (о ко-
торых я сообщала) сопровождались ужасными кон-
вульсиями, особенно в ногах... Говорят, вид припад-
ка был ужасный и повторился пять раз в продол-
жение от 6 до 12 час ночи“.....

Затем в дневнике В. Ф. Булгакова (секрета-
ря Л. Толстого) на стр. 336 3-го октября (изд.
„Задруга“ 1898 года). Читаем:

... Писал сегодня Л. Н. статью о социализме,
начатую по совету Душана для журнала чешских
анархистов. Меня он просил не переписывать ее, а
оставить до приезда Ал Л.-ны, зная, что ей эта
лишняя работа будет приятна.

Ездил верхом с Душаном. Вернувшись с про-
гулки, проходил через „ремингт няую“.

— Хорошо с'ездила, без приключений,—
улыбнулся он и забрал с собой со стола получен-
ную на его имя с сегодняшней почтой книгу.

И ни он, ни я никак не предполагали того,
что должно было случиться сегодня. Случилось это
вечером. **)

Л. Н. заспался, и, прождав его до 7 часов,
сели обедать без него. Разлив суп, С. А. на встала
и еще раз пошла послушать, не встает-ли Л. Н.

*) Т. е. к Гольденвейзеру.
**) Курсив наш (Г. С.)

Вернувшись, она сообщила, что в тот момент, как она подошла к двери спальни, она услышала чирканье о коробку зажигаемой свички. Входила ко Л. Н-чу. Он сидел на кровати. Спросил, который час и обедает ли. Но Софье Андреевне почудилось что-то недоброе: глаза Л. Н-ча показались ей странными.

— Глаза бессмысленные... Это—перед припадком. Он впадает в забытье... Я уж знаю. У него всегда перед припадком такие глаза бывают. *)

Она немного поела супу. Потом, шурша платьем, отодвинула стул, поднялась и снова пошла в кабинет.

Дети—Сергей Львович и Татьяна Львовна—недовольно переглянулись: зачем она беспокоит отца? Но на вернувшейся С. А. лица не было.

— Душан Петрович, подите скорее к нему!.. Он встал в б-замятство, опять лежит и что-то такое бормочет... **) Бог знает что такое!

Все вскочили точно под действием электрической искры. Душан, за ним остальные побежали через гостиную и кабинет в спальню.

Там—темнота. Л. Н. лежал в постели. Он шевелил челюстями и издавал странные, негромкие, похожие на мычание, звуки. ***)

Отчаянные за ним ужас прокрались в эту комнату. На столнике у изголовья зажгли свечу. Сняли со Л. Н-ча сапоги и накрыли его одеялом.

Лежа на спине, сжав пальцы правой руки так, как будто он держал ими перо, Л. Н. слабо стал водить рукой по одеялу. Глаза его были закрыты, брови нахмурены, губы шевелились, точно он что-то пережевывал во рту. ****)

Душан всех выслал из комнаты, Только П. И. Бирюк встал там, присев в кресло в противоположном от постели углу. Софья Андреевна, Сергей Львович, я, Татьяна Львовна и Душан, подавленные, вернулись в столовую и принялись за прерванный обед...

Только что разнесли сладкое, прибежал Павел Иванович.

— Душан Петрович у Л. Н-ча судороги!

Снова бросились все в спальню. Обед велено было совсем убрать. Когда мы пришли, Л. Н. уже успокоился. Бирюков рассказывал, что ноги больного вдруг начали двигаться. Он подумал, Л. Н-чу хо-

*) **) ***) ****) Курсив наш (Г. С.)

*чтется почесать ногу, но, подошедши к кровати, увидел, что и лицо его перешло на судорогой. *)*

— Бегите вниз. Песите бутылки с горячей водой к ногам. Горчичники нужно на икры. Кофею, кофею горячаго!

Кто то отдавал приказанья, кажется, Душан и С. А на вместе. Остальные повиновались п вместе с приказывавшими делали все, что нужно. Сухонький Душан безшумно, как тель, скользил по всем направлениям компаты. Лицо С А ны было бледно, брови насуплены, глаза полузакрты, точно веки опухли... Нельзя было без боли в сердце видеть лицо этой несчастной женщины. Бог знает, что в это время было у нея на душе, но практически она не потерялась: уложила бутылки вокруг ног, сошла вниз и сама приготовила раствор для клистира... На голову больного, после спора с Душаном, наложила компресс.

Л. Н. был, однако, еще не раздет. Потом я, Сергей Львович (или Бирюков) и Душан раздели его: мы с С Л-чем (или Бирюковым—даже не заметил) поддерживали Л. Н-ча, а Душан заботливо, осторожно, с нежными угвариваниями больного, *хотя тот все время находился в бессознательном состоянии, **)* снимал с него платье...

Накопец, его покойно уложили.

— Общество... общество насчет трех... общество на счет трех...

Л. Н. бредил.

— Записать,—попросил он.

Бирюков подал ему карандаш и блок-нот, Л. Н. накрыл блок нот бросовым платком и по платку водил карандашом. Лицо его по-прежнему было мрачно.

— Надо прочеать,—сказал он и несколько раз повторял: разумность... разумность...

Было тяжело, непривычно видеть в этом положении обладателя светлаго, высокого разума - Льва Николаевича.

— Ловочка, перестань, милый, ну, что ты напишешь? Ведь это платок, отдай мне его,—просила больного С. А-на, пытаюсь взять у него из рук блок нот. Но Л. Н., молча, отрицательно мотал головой и продолжал упорно двигать рукой с карандашом по платку...

Потом... Потом начались обин за другим страшные припадки судорог, от которых все тело

*) **) Куревин наш (Г. С.)

человека, беспомощно лежащего в постели, билось и трепетало. Выкидывало с силой ноги. С трудом можно было удерживать их. *) Душан обвинял Л. Н-ча за плечи, я и Брюков растирали ноги. Бесх припадков, было пять. Особенной силой отличался четвертый, когда тело Л. Н-ча перекинулось почти совсем, поперек кровати, голова скатилась с подушки, ноги свесились по другую сторону...

С. А-на кинулась на колени, обняла эти ноги, припала к ним головой и долго была в таком положении, пока мы не уложили вновь Льва Николаевича как следует на кровати.

Вообще, С. А-на производила страшно жалкое впечатление. Она подняла кверху глаза, торопливо крестилась мелкими крестами и шептала: Господи! Только бы не на этот раз, только бы не на этот раз!..“ И она делала это не перед другими: случайно войдя в ремингтонную, я застал ее за этой молитвой.

Алексадре Львовне, вызванной мною запиской, она говорила:

— Я больше тебя страдаю: ты теряешь отца, а я теряю мужа, в смерти которого я виновата!..

Александра Львовна внешне казалась спокойной и только говорила, что у нее страшно бьется сердце. Бледные тонкие губы ее были решительно сжаты.

После пятого припадка Л. Н. успокоился, но все таки бредил.

— 4, 60, 37, 38, 39, 70,—считал он.

Поздно вечером пришел он в сознание.

— Как вы сюда попали?—обратился он к Душану и удивился, что он болен.

— Стачили клистир? Ничего не помню. Теперь я постараюсь заснуть.

Через некоторое время С. А-на вошла в спальню, стала что то искать на столике около кровати и печально уронила стакан.

— Кто это?—спросил Л. Н.

— Это я Левочка.

— Ты откуда здесь?

— Пришла тебя навестить.

— А!..

Он успокоился. Видимо, он продолжал находиться в сознании.

Болезнь Л. Н-ча произвела на меня сильное впечатление. Куда бы я в этот вечер ни пошел, везде передо мной, в моем воображении, вставало

*) Здесь а также дальше везде курсив наш (Г. С.).

это страшное, мертвенно-бледное, насупившееся и с каким то упрямым, решительным выражением лица. Стоя у постели Л. Н. ча, я боялся смотреть на это лицо: слишком выразительны были его черты, смысл же этого выражения был ясен, и мысль о нем резала сердце. Когда я не смотрел на лицо и видел только тело, жалкое, умирающее, мне не было страшно, даже когда оно билось в конвульсиях: передо мной было только животное. Если же я глядел на лицо, мне становилось невыносимо страшно: на нем отпечатывалась тайна, тайна великого действия, великой борьбы, когда, по народному выражению, „душа с телом разстается“.

Видно мала еще моя вера, если я боялся этого! Поздно ночью приехал из Тулы доктор (Щеглов). Но он уже не видал Л. Н. ча. Душан объяснил ему болезнь как отравление мозга желудочным соком. На вопрос наш о причине судорог приезжий доктор отвечал, что оне могли быть обусловлены нервным состоянием, в котором находился Л. Н. в последнее время, в связи с наличием у него артериосклероза.

Легли спать во втором часу ночи. Я и Душан — поблизости с спальней. Бирюков просидел в спальне до третьяго часа ночи.

Во все время болезненного припадка, внизу, в комнате Душана, сидел вызванный тайно из Телятенок Александрой Львовной ближайший друг больного В. Г. Чертков, вход которому наверх воспрещен. Белинский доставлял ему сведения о состоянии Льва Николаевича.

4 октября.

Все мнилось. Ночью Л. Н. спал. Утром проснулся в сознании. Когда Бирюков рассказал ему содержание его бреда, слова: душа, разумность, государственность, — он был доволен по словам Бирюкова и Ал. М. ны...

Итак, из всех этих данных видно, что Лев Толстой был подвержен судорожным припадкам, трактуемым близкими иногда, как „обмороки“, „забытье“. Эти припадки сопровождаются во-первых, полной потерей сознания, во-вторых, судорогами, начинающимися сначала в отдельных частях тела, а затем переходят в общие судороги всего тела.

Судорога начинается тем, что „он шевелил челюстями и издавал странные, негромкие, похожие на мычание звуки“.

„Губы шевелились, точно он что-то пережевывал во рту“...

„Лежа на спине, сжав пальцы правой руки, так, как будто он держал ими перо, Л. Н. слабо стал водить рукой по

одежду". Затем судорога переходит на нижние конечности:— Бирюков рассказывал что ноги больного вдруг начали двигаться, он подумал, что Л. Н-чу хочется почесать ногу, но, подойдя к кровати, увидел, что и лицо его перекошено судорогой. Потом . Потом начались один за другим страшные припадки судорог, от которых все тело человека, беспомощно лежащего в постели, билось и трепетало, выкидывало с силой ноги. С трудом можно было удержать их".

Это описание припадка настолько характерно описано (не врачом), что классические картины эпилептических судорог настолько ясны, что тут никакого сомнения быть не может в их достоверности.

Также мы видим, что после припадка у больного полная амнезия всего происшедшего, ибо после припадков, поздно вечером, когда Л. Толстой пришел в себя, он удивился Душану, который все время находился у постели больного— „Как Вы сюда попали? обратился он к Душану и удивился, что он блен.

— „Ставили клистир?—Ничего не помню“...

Точно также 4-го утром, проснувшись в полном сознании, когда Бирюков рассказал ему содержание бреда,—он доволен был содержанием бреда.

Об этих амнезиях после припадков отмечает также и сын его Илья Львович в своих воспоминаниях о своем отце *) на странице 228 мы читаем:

...„Несколько раз с ним делались какия то необычные внезапные обмороки, после которых он на другой день оправлялся, но временно совершенно терял память **)

Видя в зале детей брата Андрея (пишет он) которые в это время жили в Ясной, он удивленно спрашивал, „чьи это дети? „—встретив мою жену, он сказал ей: „ты не обидься, я знаю, что я тебя очень люблю, но кто ты, я забыл“, и, наконец, взоидя раз после такого обморока в залу, он удивленно оглянулся и спросил: „а где же брат Мишенька?“ (умерший 50 лет тому назад).

На другой день следы болезни исчезали совершенно“.

Итак, мы с достоверностью можем на основании этого сказать, что Лев Толстой страдал эпилептическими припадками с потерей сознания, с эпилептическими судорогами, с бредом во время припадков и с последующей полной амнезией всего происшедшего.

*) Илья Львович Толстой, мои воспоминания, Берлин, изд. Ладьяникова.

**) Курсив здесь и дальше—мой.

Теперь спрашивается: быть-может, этот описываемый припадок был единичный случай в жизни Толстого, и что из этого нельзя заключить, что он был вообще подвержен припадкам. Чтоб осветить этот вопрос, мы также имеем целый ряд данных, говорящих против того предположения, что этот припадок был единичный.

Помимо свидетельства такого авторитетного психиатра, как Ломброзо, говорившего об этом еще чуть-ли не 40 лет тому назад, мы имеем целый ряд свидетельств близких Льву Толстому лиц, из которых ясно видим, что припадкам он был подвержен, как свойственной ему привычной болезни, к которой близкие настолько привыкли и изучили эту болезнь, что даже по продромальным симптомам, узнавали раньше, когда будет припадок. Так, например, в том же описанном выше секретарем Толстого припадке, мы читаем:

— ...Входила (речь идет о Софье Андреевне) ко Льву Николаевичу. Он сидел на кровати. Спросил, который час, и обедают ли. Но Софья Андреевна почувствовала что то недоброе: глаза Льва Н—ча показались ей странными. |

— Глаза бессмысленные... Это перед припадком. Он впадает в забытие... Я уже знаю. У него *всегда* *) перед припадком такие глаза бывают“...

Из этого явно следует, что его жена, Софья Андреевна, настолько изучила его припадки, что знает, что „такие глаза бывают *всегда*“ перед припадком. Значит, припадков таких она видела достаточно насюлько, что она, будучи не медиком, но наблюдательным человеком, как всякий, в ее положении, узнает те привычные ей и знакомые симптомы, предшествующие припадку, картина которых ей представляется, как нечто хорошо знакомое.

О том, что припадки бывали с ним нередко и раньше, явствует также из целого ряда других литературных документов. Так, если мы возьмем воспоминания его дочери А. Толстой („об уходе и смерти Л. Н. Толстого“), то у ней мы находим такое место: (стр. 156).

„Когда он (т. е. Л. Толстой) заговорил, я поняла, что у него начинается обморочное состояние, которое бывало и прежде **). В такие минуты он терял память, *заговаривался*, произнося какие-то непонятные слова...

И дальше на этой же 156 странице:...

„Мы поняли, что положение очень серьезно, и что, как это бывало и прежде, он мог каждую минуту *впасть в безпамятство*. Душан Пет-

*) Курсив наш (Г. С.)

***) Курсив здесь, а также и дальше—наш.

ровнич, В. М. и я стали понемногу раздевать его, не спрашивая его более, и почти перенесли в кровать.

Я села возле него, и не прошло и пятнадцати минут, как я заметила, что левая рука его и левая нога стали судорожно дергаться. То-же самое появлялось временами и в левой половине лица“...

Мы спросили начальника станции послать за стационарным доктором, который бы мог в случае пужды помочь Душану Петровичу. Дали отцу крепкого вина, стали сгавить клизму. Он ничего не говорил, но спал, лицо было бледно, и судороги, хотя и слабые, продолжались.

Часам к девяти стало лучше. Отец тихо стоял. Дыхание было ровное, спокойное“...

Из этого описания другого припадка, в другом месте дочерью Грѣва Толстого мы видим, что припадк сопровождается также судорогами и потерей сознания, что припадку предшествуют признаки, по которым близкие заранее узнают, что будет припадок: „в такие минуты т. е. до припадка) он заговаривался, произносил какие то непонятные слова“.)

На основании этого дочь его, А. Толстая „повыала“, что начинается то состояние, „которое бывало и прежде“: „он мог впасть в беспамятство“.

А, главное, что мы можем из этого заключить, что припадкам этим он был подвержен, как ему нечто настолько свойственному, что по симптомам предвестников узнают наступающий припадок. Будь этот описываемый припадок, как единичный случай, или как нечто редкое, вызываемое исключительным состоянием, то дочь его и близкие не могли бы этими предшествовавшими признаками руководиться, что будет припадок.

Насколько резко и характерно было это состояние перед припадком для родных и близких, видно из следующего описания:

Гольденвейзер на стр. 318 в своем дневнике цитируя записки А. П. Сергеевко, описывает состояние здоровья Л. Н., когда он был подвержен целому ряду припадков в связи с неприятными переживаниями, таким образом:

... Душан Петрович рассказывал, что 14-го, в тот день, когда Софья Андреевна написала Л. Н-чу свое письмо, он ожидал, что у Л. Н-ча будет вечером опять припадок. Л. Н. с утра был слабый, голос у него был вялый, и, когда он говорил, губы у него слабо двигались, рот едва открывался. Все это, особенно то, что слабо двигались губы, было для Душана Петровича нехорошим признаком.

Но несмотря на свою слабость, Л. Н. все-таки решил после завтрака поехать на прогулку. Душан Петрович пробовал было его отговорить, предлагая ему поехать в экипаже, но Л. Н. сказал, что поедет верхом потихонечку, и что он чувствует, ему будет лучше от прогулки. Душан Петрович не мог больше отговаривать Л. Н., и они поехали. Отехали они шагом, Л. Н. ехал впереди. Душан Петрович тревожился за него: он был слишком слаб. Но, проехав шагом некоторое расстояние, Л. Н. припустил лошадь, а затем остановил ее и подозвал к себе Душана Петровича. И Душан Петрович не поверил глазам своим.— Это был совсем другой Лев Николаевич, чем $\frac{1}{4}$ часа тому назад — Лицо оживленное, свежее, голос громкий, и губы, по словам Душана Петровича, совершенно „жизненные“.

Теперь перейдем к анализу характера этих припадков. Можем-ли мы эти припадки квалифицировать, как эпилептические, т. е. припадки, свойственные так называемой эссенциальной или генуинной эпилепсии?—*Это мы должны категорически отвергнуть.* Не говоря уже о том, что ни клиническая картина самих припадков, ни характер периодичности этих припадков—не соответствует картине генуинной эпилепсии,—само течение, т. е. все развитие психики Л. Толстого резко противоречит такой форме эпилепсии.

Как известно, психика одержимого генуинной эпилепсией сопровождается резким притуплением психических способностей, что про психические способности Льва Толстого сказать уж никак нельзя. Наоборот, необычное развитие его необычайных психических способностей поражает нас, и это развитие сохранилось вплоть до самой его смерти. Так что такая диагностика нам кажется прямо нелепой. Точно также мы не должны эти припадки диагностировать, как истерические припадки по соображениям, приводимым ниже.

Можем-ли мы считать эти припадки как припадки кортикальной, (или Джексоновской) эпилепсии?

Как известно, Джексоновская эпилепсия имеет в основе какое-либо органическое поражение мозговой корки в виде сифиломы, туберкула, цистицерка, инородного тела, или, наконец, в виде каких-либо разлитых вазомоторных расстройств в области коры.

Никаких данных для такого предположения из биографии Л. Толстого мы не имеем, а потому вводить в дифференциальную диагностику такое предположение мы не имеем никаких оснований.

Единственно, о чем еще могла быть речь, так это вазомоторные, расстройства в области коры в форме артериоскле-

ротических изменений. Льву Николаевичу было в момент припадка 82 года,—естественно, что склероз сосудов, несомненно, уже был, об этом свидетельствует также д-р Щеглов, приехавший из Тулы врач в описываемый момент болезни Л. Толстого его секретарем (см. выше) 3 октября 1910 года.

Тем не менее, артериосклеротическое заболевание, как органическое заболевание коры мозга и, следовательно, как причину корковой (Resp. Джексонской) эпилепсии, мы должны также отвергнуть, не опровергая этим, однако, известного влияния на течение болезни артериосклероза вообще.

Дело в том, что вся картина болезни Толстого со всем ее течением, симптоматологией—совершенно не подходит в рамки корковой эпилепсии.

Во первых, самая картина припадков не говорит за то, что мы имеем здесь дело с корковой эпилепсией.

При корковой эпилепсии обычно в припадке судорог участвует не весь мышечный аппарат, а участвует или один орган, или парные органы, или половина тела и т. д., потому и называется эта форма еще парциальной (частичной).

Между тем, как здесь, в нашем случае, мы видим описание полного припадка, правда, начинающегося с частичного и правда, в другом припадке, описанном дочерью—А. Толстой,—мы видели, что весь припадок имел гемиплегический характер, но тем не менее, мы не можем принять эти припадки за кортикальный тип, обо припадки кортикальной эпилепсии именно тем и характерны, что они всегда повторяют один и тот же тип в одних и тех-же мускульных группах; раз судороги появились в этой группе, так в этой группе они всегда и настойчиво повторяются; здесь-же мы видим, что эти припадки по своему характеру варьируются: то полные, то неполные и т. д. и в небольшой сравнительно промежуток времени.

Кроме того, для корковой эпилепсии очень характерным является наличие частичных судорог *при сохранности сознания*. Здесь-же, в нашем случае у Л. Толстого какую-бы форму судорог мы ни констатировали (полную форму, неполную форму) всегда мы видим, налицо—*потеря сознания*. А потеря сознания при типичных эпилептических припадках является главным признаком (Vildermuth)*), между тем форма судорог не обязательна, да, судорог может и не быть вовсе, между тем для кортикальной—обязательным признаком должна быть определено повторяющаяся форма судорог в определенных мускульных группах, а сознание сохраняется. Сохраняются также восприятия органов чувств, во время приступа, между тем при приступах полных эпилептических припадков, или

*) Vildermuth, Ueber Epilepsie Zeitschrift f. Behandlung schwachs. 1893.

при их замене неполными, восприятия органов чувств выводятся из круга психической деятельности, что мы и наблюдаем также у Л. Толстого в очень характерном виде

Помимо всего этого, вся клиническая картина с ее течением и целым рядом других симптомов, о которых речь будет ниже, противоречит такому предположению. **) Но еще этим мы отнюдь не хотим отрицать известного значения артериосклероза на эту его болезнь,—мы только отвергаем артериосклероз, как возможную причину органической или корковой эпилепсии у Толстого.

Единственное, что мы могли бы еще предположить у Толстого — при наличии у него артериосклероза,—так это так называемую *старческую эпилепсию*.

Но, как известно, Сросс *)), описывая старческую эпилепсию, показал, что старческая эпилепсия является прежде всего на ненаследственной почве, а самостоятельной, на почве сенильных изменений и развивается около 70-ти летнего возраста. Проявляется она, по его мнению, очень быстро и выражается моментальным наступлением оцепенения всего тела. Через несколько минут отуманенный больной приходит в себя. Такие приступы могут повторяться довольно часто. Причину этих болезненных явлений Сросс видит в хроническом эндартерите *Truncus basalis*, обуславливающимся тем или иным хроническим заболеванием сосудов.

Simpson **) также описавший старческую эпилепсию, считает, что эта форма эпилепсии появляется после 60 летнего возраста; появляется она, как в форме *Grand mal*, так и в форме *Petit mal*, затем, после эпилептический ступор, по Simpson'у у стариков значительно сильнее, чем у молодых людей, за то поражение умственных способностей у стариков после эпилепсии реже, чем у молодых. Romberg также обращает внимание на то, что старики-эпилептики способны долгое время исполнять свои обязанности вполне правильно и без погрешностей.

Все эти описанные этими авторами, а также и другими, формы старческой эпилепсии, связанные с изменениями сосудистой системы, все-таки, не могут быть диагностируемы у Льва Толстого. Во-первых, появление старческой эпилепсии по Сросс'у на не наследственной почве—не соответствует

**) Напомним еще здесь, что Ломброзо считал эти припадки наследственными. Если он считал, то он, значит, имел какие-то основания к созалению, у меня лично не имеется под рукой никаких данных для становления правильности мнения Ломброзо, а также данных по утверждающих, что он страдал припадками в молодости. Дальнейшие исследования покажут это.

*) Сросс, De l'épilepsie des vieillards Presse med. Belg. 1890

*) Simpson senil Epilepsie, Brit. med. Journal 1894.

картине эпилепсии у Льва Толстого, где *вся картина болезни именно связывается с наследственностью*, что мы увидим после. Также характер припадков по Сроссу в виде моментальных приступов оцепенений всего тела также не соответствует картине болезни в нашем случае. Более близко подходила-бы форма старческой эпилепсии, описанной Simpson'ом, по характеристике болезни которого мы имеем много общих черт с характером заболевания Толстого, (например, самый характер судорожных припадков, отсутствие поражения умственных способностей и т. д.). Но-тем не менее, диагностировать старческую эпилепсию, как таковую, как связанную исключительно с возрастом старческим, и как связанную этиологически с артериосклерозом у Толстого, мы все-таки, не имеем основания, по соображениям, которые мы приведем ниже, где мы покажем, что припадки Толстого больше связаны со всей его нервно-психической конституцией и с наличием психопатического предрасположения наследственного фактора (что справедливо в свое время отметил и Ломброзо).

Опять—таки, отмечая это, подчеркиваем здесь, что отнюдь мы не хотим отрицать значения артериосклероза вообще, на самое течение болезни Толстого, отрицаем только—*старость и артериосклероз*, как единственную основу для этиологии его припадков.

Теперь спрашивается: если мы исключаем генуинную эпилепсию, корковую (Джексоновскую), или органическую, исключаем также, старчество как причину припадков, а также исключаем истерию, как причину припадков, то какую-же форму припадков мы имеем здесь у Льва Толстого? Мы имеем все данные диагностировать эти припадки, как припадки *аффективной эпилепсии* (в смысле Bratz'a и Крепелина).—

По исследованию Bratz'a*), аффективную форму эпилепсии необходимо совершенно выделить, как особую форму, совершенно отличающуюся от генуинной эпилепсии, несмотря на то, что эта форма также выражается в судорожных припадках, как и генуинная эпилепсия. Но характерным отличием этой аффективной эпилепсии является то, что эти припадки являются преимущественно после душевных волнений (аффектов), отсюда и название—*аффективная эпилепсия*.

Далее, при этой форме эпилепсии бывают припадки Petit Mal, головокружения, обмороки, психические эквиваленты, патологические изменения настроення, состояние спутанности и пр. Характерным также при этой форме эпилепсии является то обстоятельство, что припадки эти улучшаются,

*) Bratz—Die Affectepileptische Anfälle der Neuropathischen und Psychopathischen. Monatschrift für Psychiatrie und Neurologie 1911.

как только удастся таких больных поставить в условия спокойной обстановки, где нет причин для аффекта.

Но самое характерное для таких больных (я это является резким отличием этих больных от других форм), что у аффект-эпилептиков при наличии у них психопатической предрасположенности никогда не наступает того эпилептического изменения личности, характеризующего эпилептическое слабоумие, которое обычно бывает при genuinной эпилепсии.

Точно также Крепелин *) выделяет эту форму аффективной эпилепсии, как самостоятельную форму, отмечая все вышеприведенные характерные черты, т. е. также отсутствие эпилептического изменения личности в смысле слабоумия, несмотря на судорожные припадки; также зависимость этих припадков от аффекта и волнения, и вообще все течение этой болезни зависит от влияния внешних обстоятельств (в особенности, волнений), чего при genuinной эпилепсии не бывает.

Кроме того, Крепелин отмечает еще и следующие психические симптомы, свойственные аффективной эпилепсии: чрезвычайно сильная раздражительность, патологические изменения настроения, приступы патологического страха, состояние затемнения сознания с самообвинениями, а иногда с галлюцинациями, бывают также состояния сильного возбуждения, иногда сопровождающиеся затемнением сознания. Бросятся также в глаза то, что в этом симптомо-комплексе аффективной эпилепсии содержатся перемешанные между собой симптомы эпилептического и истерического заболевания и что этой аффективной эпилепсии подвержен более мужской пол, нежели женский.

На основании этого, а также на основании всего клинического течения, Крепелин считает это заболевание все-таки ближе к эпилептическому, нежели к истерическому.

Как было сказано, Крепелин считает необходимым для возможности появления аффективной эпилепсии—наличие психопатической предрасположенности.

Имеется ли эта психопатическая предрасположенность у Л. Толстого?

О психопатической предрасположенности у Льва Толстого имеется столько данных, что если-бы мы стали приводить здесь все эти данные,—это составило бы отдельную работу.

Достаточно, если мы приведем для характеристики отягченной наследственности Толстого слова одного из представителей рода Толстых—М. Г. Назимовой из ее „Семейной хроники“ Толстых.

М. Г. Назимова говорит, что в каждой семье каждого поколения Толстых имеется душевно больной, что действительно

*) Kraepelin-Psychiatrie В. III 1149 p.

можно отметить в генеалогии Толстых. Помимо душевно-больных, еще больше мы имеем в каждой семье членов с психопатическим характером, или имеются преисихотики с шизоидными чертами психики:

Замкнутые, эксцентричные, вспыльчивые, взбалмошные, странные чудачки, авантюристы юродствующие и склонные к крайнему религиозному мистицизму, иногда сочетаемому с ханжеством, крайние эгоисты, сенситивные и проч.

К таким типам, между прочим, принадлежит один из двоюродных дядей Толстого, известный под именем „Американца“.

Что касается прямой отягченности, то мы можем отметить про некоторых из близких членов семьи Толстого следующие данные.

Дед писателя по отцу — Илья Андреевич, представляет из себя патологический тип. Сам Толстой упоминает о нем, как об ограниченном человеке в умственном отношении. Он был очень веселый человек, но его веселость послала патологический характер.

В имени его, Полянах (не Ясная Поляна) в Белевском уезде, в его доме был вечный праздник. Бесперывные пиршества, балы, безперывные торжественные обеды, театры, катапия, кутежи — делались совершенно не по его средствам. Кроме того, его страсть играть в карты, совершенно не умеючи играть в эти карты, на большие суммы, его страсть к различным спекуляциям, к аферам денежным, довели его до полного разорения. Если к этому бестолковому и безмысленному мотовству прибавить еще то, что он совершенно бессмысленно отдавал деньги всякому, кто просил, то неудивительно, что этот, ненормальный человек дошел до того, что его богатое именье жены было залупано так в долгах и разорено, что его семье печем было жить, и он принужден был искать себе место на службе государственной, что при его связях ему было легко сделать, — и он сделался азанским губернатором.

Предполагаю, что он окончил самоубийством.

Таков был дед

Бабушка его также была особа ненормальная и, повидимому, более ненормальная, чем дед.

Дочь слепого князя Горчакова, ее сам Толстой характеризует также, как очень недалекую особу в умственном отношении. Известно также, что она была очень неуравновешенная и взбалмошная женщина со всякими причудами и самодурствами, мучила своих приближенных слуг, а также родных. Была также взяточница.

Страдала галлюцинациями. Однажды она велела отворить дверь в соседнюю комнату, так как она там видит своего сына (тогда уже покойного) и заговаривает с этим (покойным) сыном.

Из детей этой четы:

Один сын—Илья Ильич (т. е. младший брат отца) был горбятый и умер в детстве.

Дочь Александра Ильинична (сестра отца Толстого) отличалась мистическим характером, жила в монастыре, держала себя, как юродивая, и была очень перышлива (по словам самого Льва Николаевича).

Понятно что здесь речь идет о патологической перышливости.

Другая дочь—Пелагея Ильинична также, повидимому, умственно отсталая, юродивая, мистически настроенная, с тяжелым неуживчивым характером (например, плохо жила с мужем и часто раскоплась). Ее религиозность переходила в ханжество.

В конце концов удалась в монастырь, впала, в старческое слабоумие (не смотря на религиозность, не хотела при смерти причащаться).

Отец Толстого—Николай Ильич был также человек недалекий. 16 ти лет заболел, повидимому, какой то нервной или душевной болезнью, так что для его здоровья был соединен в незаконный брак с дворовой девушкой.

Из всех сыновей его (значит, братьев Льва Николаевича)—один был определено нервно психически больной.

Дмитрий Николаевич. В детстве приступы капризности его были до того сильны, что мать и няня „мучились“ с ним. Позже, взрослый, был очень замкнутый, даже с братьями; задумчивый, склонный к мистическому и религиозному юродству, не обращая внимания на окружающих людей; имел странные выходы, странные вкусы, следствием чего был объектом насмешек. Был перышлив и грязен, являлся без пательной рубашки, одетый только на голое тело в пальто и таким образом являлся с визитом к высокооставленным лицам. Из юродствующего и религиозного вдруг становился развратным временами. Часто делался импульсивным, вспыльчивым, агрессивным, жестоким и драчливым. дурно обращался с слугой своим, бил его. Страдал смолоду тиком, (подергивал головой, как бы освобождаясь от узости галстука).. Умер как и большинство таких душевно-больных, от чахотки.

Другой брат Толстого—Сергей Николаевич отличался также эксцентричностью и явно патологическими странностями психики. Так, по словам старшего сына Толстого (Льва Львовича) он был эгоистичный и „несчастный человек“, мало разговаривающий и чрезвычайно замкнутый человек, часто месяцами проводил один, взаперти. „Часто на весь дом раздавалось „его оханье и аханье“. Держал себя всегда странным образом и оригиналом.

Выезжал не иначе, как на четверке.

Был чрезвычайно горд и к крестьянам относился с презрением.

Сын Льва Толстого—Лев Львович также отмечает в своих воспоминаниях, что он страдал в течение 5 лет какой-то „нервной болезнью“, так что был освобожден от воинской повинности и оправился, будто-бы, от этой болезни, когда женился.

Таким образом, в психопатической предрасположенности Л. Толстого также нет никаких сомнений.

Если Л. Толстой был подвержен аффективной эпилепсии, то посмотрим, имеются-ли характерные симптомы этого заболевания у него, и как они проявляются. Посмотрим сначала, имеется-ли один из главных симптомов аффективной эпилепсии—зависимость припадков от аффективных переживаний у Л. Толстого?—

В самом деле, если пролечь время, когда появляются эти припадки, то всегда бросается в глаза, что они и являются всегда после какого-либо аффективного переживания Льва Николаевича.—Будь это семейная сцена, или неприятность другого характера, потрясающая его легко ранимую эмоциональную сферу (как мы это увидим после), он всегда в конце концов реагировал на это аффективное переживание припадком. Так описываемые выше припадки с конвульсиями из дневника Гольденвейзера (стр. 312) и из дневника секретаря Л. Толстого—Булгакова относятся к тому тяжелому периоду переживаний, когда у него конфликт с Софьей Андреевной дошел до высшей точки, так что он решился на бегство. Непосредственно эти припадки были вызваны тяжелыми объяснениями по поводу ссоры его дочери с матерью. Эти припадки были чрезвычайно тяжелого характера.

О том, что припадкам всегда предшествовали аффективные переживания неприятного характера также видно из следующего письма Черткова к Досеву от 19 октября 1910 г. (стр. 326 Гольденвейзер „Вблизи Толстого“ т. II изд. 1923 г.), где Чертков, говоря относительно только-что пережитых припадков 5-го октября 1910 г. вспоминая прежние аналогичные припадочные состояния, пишет таким образом:—

„В июле 1908 года Л. Н. переживал один из тех вызванных Софьей Андреевной мучительных душевных кризисов, *которые у него всегда оканчиваются серьезной болезнью. Так было и в этот раз**); он тотчас после этого заболел и некоторое время находился почти при смерти“.

Тут уже определенно свидетельствуется Чертковым, что почти все душевные кризисы, или вернее, все тяжелые переживания аффективного характера оканчиваются „серьезной болезнью“, т. е. припадком.—„Так было и в этот раз“ (т. е.

*) Курсив наш (Г. С.).

в этот раз, когда были припадки, они зависели от душевных волнений. Это ценное наблюдение Черткова действительно подтверждается: всюду, где только в жизни Толстого отмечается припадок, ему всегда предшествует аффективное волнение. В периоды же, когда Л. Н. не имел этих волнений, у него припадков не бывает.

Таким образом, в аффективном характере этих припадков нет никаких сомнений, и диагностировать у него аффективную эпилепсию мы имеем полное право, тем более, что весь его психический склад и целый ряд симптомов, течение этой болезни, как это мы увидим, все говорит в пользу такой диагностики.

Так, отмеченные выше Bratz⁴ом симптомы: обмороки, головокружения, приступы Petit mal, состояния спутанности, патологические изменения построения, как симптомы, характерные для этой именно формы эпилепсии,—мы также находим у Льва Толстого.

Мы находим, например, у Льва Толстого симптомы такого головокружения, во время приступа которого он мог терять равновесие и падать на землю, что ясно следует из следующих отрывков другого литературного документа. Так, в *Записках Маковицкого* (Голос Минувшего—1923 г. № 3) мы читаем следующую запись:

17 октября 1905 г.

Сегодня утром Л. Н. ч. после того, как вынес ведро и возвращался к себе, упал в первой кухонной двери, ведро выскочило у него из рук. Его увидел лакей Ваня, когда он уже поднимался. Сам встал, взял ведро, пришел к себе и прилег на диван. Был очень бледен. Пульс слабый, губы бледные, уши прозрачные. Когда поднял голову и хотел сесть, почувствовал головокружение. Потом голове стало легче. Полежал спокойно около часа и начал—было заниматься, но потом опять прилег и подремал от 10 до 12 и от часу до 6-ти. *Вечером говорил, что это с ним уже бывало.* *)

— Помню, с Гротом шел по Пречистенке, шатался. Пошатнулся, прислонился к стене и постоял. Теперь уже 4 дня шатало меня, только не сильно.

Под вечер пульс был слабый—76, перебоев не было. Утром не выходил“.

Из этого отрывка видно, что припадки такого головокружения, во время которых он падал, теряя равновесие, бывали и раньше, и что описываемое падение с ведром—не слу-

*) Курсив наш (Г. С.).

чайное вадепие, что также явствует из описания того состояния, которое последовало после припадка

Точно также Лев Николаевич Толстой был подвержен обморокам.

Как пример, иллюстрирующий эти обмороки, приводим следующий отрывок от 4 августа (Дневника Гельденвейзера на стр. 203):

...Софья Андреевна стала читать Л. Н. в столовой все ту же страничку из дневника со своими комментариями*). Среди чтения Л. Н. встал и прямой, быстрой походкой, заложив руки за ремешек и со словами: „Какая гадость, какая грязь“ прошел через площадку в маленькую дверь к себе. Софья Андреевна за ним. Л. Н. запер дверь на ключ. Она бросилась с другой стороны, но он и ту дверь — на ключ. Она бросилась с другой стороны, но он и ту дверь успел запереть. Она прошла на балкон и через сетчатую дверь стала говорить ему:— „Прости меня, Левочка, я сумасшедшая“. Л. Н. ни слова не ответил, а немного погодя, страшно бледный, прибежал к Александре Львовне и упал в кресло**). Александра Львовна взяла его пульс—больше ста и сильные перебои“.

Выше, при описании в своем дневнике секретарем Л. Толстого Булгаковым—припадка, нам также бросилось в глаза изменение психики перед припадком. Прежде всего мы видим затемнение сознания с состоянием *спутанности*.

Так, в этом дневнике отмечается так:—

..Наконец, его сп койно уложили.

— Общество..общество насчет трех..общество насчет трех..

Л. П. бредил.

Записать—попросил он.

— Бирюков подал ему карандаш и блок-нот.

Л. П. накрыл блок нот носовым платком и по платку водил карандашом. Лицо его было мрачно.

— Надо прочитывать,—сказал он и несколько раз повторил: разумность...разумность...разумность.. Было тяжело, непривычно видеть в этом положении обладателя светлого, высокого разума, Льва Николаевича.

— Левочка, перестань, милый, ну что ты напишешь? Ведь это платок. отдай мне его,—просила больного С. А на, пытаясь взять у него из рук

*) Речь идет о том месте дневника Л. Н., где он будто, по утверждению Софьи Андреевны, упоминает о своей физической связи с Чертковым, что вызывало у Л. Н. всегда негодование.

**) Курсив наш (Г. С.)

блок нот. Но Л. Н., молча отрицательно мотал головой и продолжал упорно двигать рукой с карандашом по платку...

Аналогичное состояние перед припадком при другом случае, упомянутом выше, описывает и дочь его, А-ра Л.:

«В такие минуты он терял память (говорит она), заговаривался, произнося какие-то непонятные слова. Ему, очевидно, казалось, что он дома, и он был удивлен, что все было не в порядке, не так, как он привык.

— Я не могу еще лечь, — сделайте так, как всегда. Поставьте ночной столик у постели, стул. Когда это было сделано, он стал просить, чтобы на столике была поставлена свеча, спички, записная книжка, фонарик и все, как бывало дома.

Когда сделали и это, мы снова стали просить его лечь, но он все отказывался...

Из этих отрывков, описывающих психическое состояние Льва Толстого перед припадком, мы определенно видим, что его психика была настолько помрачена, что мы можем это состояние его психики обозначить, как то сумеречное состояние, которое бывает перед припадком у аффект-эпилептиков. По-видимому, при этих состояниях, он галлюцинировал, принимая, например, чужую обстановку в дороге (описанное дочерью Александрой Львовной выше состояние перед припадком случилось в дороге) принимает за обстановку домашнюю, ибо, как она пишет: «он был удивлен, что все было не в порядке, не так, как он привык».

Он требовал, чтоб был поставлен ночной столик, свеча и т. д.

А что у Л. Толстого бывали галлюцинации вообще, свидетельствует также Гольденвейзер.

В его дневнике на стр. 382 есть такая заметка, довольно определенно на это указывающая:

«В дневнике Л. Н. есть запись, указывающая, что *ему послышался как бы какой то голос* *) назвавший, не помню, какое число, кажется, марта.

Л. Н. казалось, что он должен в это число умереть, — на это есть несколько указаний в его дневнике.»

Конечно, из этого свидетельства Гольденвейзера мы не можем в достаточной степени заключить, когда и при каких обстоятельствах послышался этот голос Л. Толстому: было ли это перед или во время припадка, было ли это во время каких-либо других состояний, ничего из этого заключить нельзя. Но одно несомненно, что Л. Толстой в тех или иных слу-

*) Курсив наш (Г. С.)

чаях галлюцинациям был подвержен. На это также указывает и Ломброзо

Так же отмеченная Кренелиним раздражительность и аффективность характера, свойственная аффе́кт-эпилептикам,— мы также можем констатировать у Л. Толстого.

Эту сторону его психики хорошо характеризует сын его Лев Львович. Из нижеприводимых нами целого ряда отрывков воспоминаний Льва Львовича мы можем довольно определенно представить себе картину этой аффективно-раздражительной психикой Льва Толстого.

...Если ся хорошо работал, все весь день шло хорошо, все в семье были веселы и счастливы,— если нет, то темное облако покрывало нашу жизнь“.

...Я вспоминаю, что каждый вечер управляющий приходил к нему разговаривал с ним о делах, а часто мой отец так сердился, что бедный управляющий не знал, что сказать и уходил, покачивая головой“.

(Воспоминания Л. Л. Толстого „Правда о моем отце“—Лениград. 1924 г.)

...Почти каждый год приезжал Фет в Ясную. Отец был рад его видеть. Фет говорил мало и даже как-то трудно. Иногда, прежде чем произнести слово, он долго мычал, что было забавно для нас, детей, но мой отец слушал его с живым интересом, хотя редко, даже почти никогда не обходилось без ссоры между ними“.

...Однажды отец в порыве ярости кричал на него (воспитателя, швейцарца).

„Я вас выброшу из окна, если вы будете вести себя подобным образом.“

...Отец любил сам давать уроки математики...

Он задавал нам задачи, и горе нам, если мы их не понимали. Тогда он сердился, кричал на нас. Его крик сбивал нас с толку, и мы уже больше ничего не понимали.“ (Там же стр. 48):

...Иногда таким исключением была болезнь детей, недоразумения с прислугой, или ссоры между родителями, „всегда бывали мне неприятными.“

...„Я вспоминаю довольно серьезную ссору между отцом и матерью. Я тогда примирял их. Что же было причиной ссоры? Я не знаю, быть может, отец был недоволен чем-нибудь, что сказала мать, быть может, просто рассердился он на нее, чтоб дать выход своему плохому настроению. Он был очень суров и кричал своим громким неприятным голосом. Еще ребенком питал я отвращение к этому голосу. Мать, плача, защищалась.“ (Там же стр. 49).

...„Я не любил его, когда он ссорился с мамой.“
Там же стр. 86).

...„Серьезный, всегда задумчивый, *сердитый* всегда, и ищущий новых мыслей и определений— так он жил между нами, уединенный со своей громадной работой.“

(Описание времени кризиса. Там же стр. 97).

...„С детства привык к уважению и *страху перед ним*.“ (Стр. 105).

Из этих отзывов сына о своем отце мы определенно видим ⁺аффективный характер отца, так что „с детства привык к страху перед ним“ ибо „серьезный, всегда задумчивый, *сердитый* всегда“ отец часто ссорился. Ссорился со своей женой, ссорился с друзьями, с прислугой и даже на детей своих он „сердился, кричал“ настолько, что „горе нам, если мы их (т. е. заданных им задач) не понимали.“

Эта аффективная и вспыльчивая психика преобладала над Толстым, особенно в ту его эпоху жизни больше, когда его религиозно-мистические идеи и настроения еще не охватили его. Как известно, этот перелом в его психике начался в начале 70-х годов и к 80 м годам закончился. Перелом этот также не произошел случайно, а является логическим следствием структуры аффект-эпилептической психики.

Как отмечено было выше, Крепелин считает симптомом, свойственным аффективной эпилепсии также приступы патологического страха смерти. Этот симптом мы имеем также у Льва Толстого.

О том, что он страдал от этих тяжелых приступов страха мы увидим сейчас.

Отметим сейчас один из наиболее ярких приступов, с которого, по видимому, и начался последующий ряд таких приступов.

1869 году, при поездке в Пензенскую губернию для выгодной покупки нового имения, Лев Толстой останавливается в Арзамасе и там переживает приступ *большого страха смерти*, безпричинной тоски.

Он так описывает это переживание в письме к Софье Андреевне от сентября 69 года:

— „Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мною было что то необыкновенное. Было 2 часа ночи; я устал, страшно хотелось спать, и ниче-го не болело. Но вдруг на меня напала тоска, страх и ужас, такие, каких я никогда не испытывал“.

Сын его Сергей Львович в своих воспоминаниях (Голос минувшего 1919 г. кн № 1—4) также описывает этот приступ:—

— „В одиночестве, в грязном номере гостиницы, он в первый раз испытал приступ неотразимой, бес-

причинной тоски, страха смерти; *такие минуты затем поспорились, он их называл "Арзамасской тоской"*.

Эго переживание он описывает в „Записках сумасшедшего“).

В Толстовском ежегоднике за 1913 г. С. А. Толстая в его напечатанном отрывке „Из записок“ (оффы Андреевны Толстой“ под заглавием „Моя жизнь“ она, описывая 4-е паломничества Л. Н. в монастырь „Оптина Пустынь“ (в 1877, 1881, 1889, 1910 г.) замечает: „сколько напрасных тяжелых ожиданий смерти и мрачных мыслей о ней пережил Л. Н. во всей своей долголетней жизни. Трудно перенестись в это чувство вечного страха смерти“ ..

Да, эти приступы страха перевернули все существо Л. Н.-ча.—Вся его мистика, вся его добродетельность, резиньяция жизни, отказ от барства и проч., вся его мораль и поведь объясняется нам благодаря этим и другим психопатическим переживаниям, как мы это увидим после.

Отметим также еще особенность в психике Толстого которая также дополняет картину аффект эпилепсии.

Это—чрезвычайная сенситивность и эмотивность.

Как известно, Л. Толстой реагировал чрезвычайно сенситивно на всякую несправедливость, на всякое зло Этой сенситивностью, и чрезвычайно повышенной чувствительностью объясняется и чрезвычайно легкая слезливость Л. Толстого —

Л. Н. легко был склонен к слезам при всякого рода эмоциональных переживаниях. Это подтверждается данными наблюдениями Гольденвейзера, у которого в дневнике мы читаем (стр. 376):

—„Плакал Лев Николаевич легко, больше не от горя, а когда рассказывал, слышал, или читал что-нибудь, трогавшее его. Часто плакал слушая музыку“.

Вообще в дневнике его часто отмечается факт, что Л. Н. плачет по поводу того или иного переживания (неприятного или приятного характера)

„Я хотел продолжать разговор. вышет он, но к горлу что то подступило. Я очень слаб был на слезы. Не мог больше говорить, простился с ним и с радостным, умиленным чувством, глотая слезы, п шел“..

„От радости, или от болезни, или от того и другого вместе я стал слаб на слезы умиления, радости. Простые слова этого милого, твердого, сильного человека, такого, очевидно, готового на все доброе и такого одинокого, так тронули меня (речь идет о случайной встрече с крестьянином), что рыдания подступили мне к горлу, и я отошел от него, не в силах выговорить ни слова“.

Эта резкая склонность к слезам (сензитивность, „чувствительность“) замечается еще с детства. Его за это в детстве прозвали: „Лева—рева“, „Тонкокожий“.

Яркие примеры этой чувствительности он приводит в своем очерке „Записки сумасшедшего“ Эту черту (повидимому, унаследованную от матери) он сам неоднократно отмечает в своих письмах и произведениях.

После его перелома психического эта слезливость резко увеличилась, а под старость—тем более.

Сам Лев Николаевич сознает связь этой слезливости, когда он говорил: „От радости, или от болезни, или от того и другого вместе я стал слаб на слезы“...

Несомненно, что эта повышенная эмотивность, слезливость, резиньяция жизни, и проч—есть часть симптомокомплекса аффект эпилептической психики. Если первый период жизни Толстого до „Арзамасского страха“ проявлялся и доминировал вспыльчиво--аффективный полюс аффект эпилептической психики, то во 2 й период после перелома, доминировал другой полюс—аффективно-сенситивный полюс. Как тот и другой в сильных приступах эмотивности реагировал припадками.

Между прочим, сам Лев Толстой довольно хорошо охарактеризовал свою аффективно раздражительную натуру с ее переходами в сенситивную слезливость в одном полушуточном произведении под названием: „Скорбный лист душевно больных ясно—полянского госпиталя“ *), где он дает историю болезни всех обитателей Ясной Поляны, в шутливой форме. Надо сказать что под этой шуткой дается меткая характеристика.

Характеристикой своей личности начинается этот „скорбный лист“ в таким образом:

„№ 1. (Лев Николаевич) Сангвинического свойства принадлежит к отделению мирных. Большой одержим магией, называемой немецкими психиатрами „Weltverbesserungs wahn“. Пункт помешательства в том, что больной считает возможным изменить жизнь других людей словами. Признаки общие: недовольство всем существующим порядком, осуждения всех, кроме себя и *раздражительная многоречивость*, без обращения внимания на слушателей, частая *переходы от злости и раздражительности к не натуральной слезливой чувствительности* **).

Резюмируя все вышеизложенное—мы приходим к следующему заключению.

*) Илья Львович Толстой, мои воспоминания стр. 97 изд. Ладженникова Берлин.

***) Курсив наш.

Лев Николаевич Толстой страдал эпилептическими припадками, сопровождавшимися судорогами полными или неполными; с потерей сознания и с последующей амнезией. Припадку предшествовали предвестники.

Эти припадки мы диагностируем, как припадки аффективной эпилепсии, на следующих основаниях:

1. Эти припадки развились у Толстого на основе психопатической предрасположенности.

2. Припадки у Толстого всегда следовали *после каких либо оффиктивных переживаний*.

3. Эти припадки *не вызвали* у Льва Толстого обычного эпилептического изменения психики (в смысле слабоумия); наоборот, не смотря на глубокую старость, его психические функции стояли до конца его последних дней на свойственной ему высоте.

Помимо этого мы можем констатировать, что,

4. Лев Толстой страдал приступами патологического страха смерти.

5. Обморочными припадками и мигренью.

6. Приступами головокружения с потерей равновесия.

7. Галлюцинациями во время припадков (Petit ma?)

8. По своему характеру Лев Толстой был одержим аффективностью и раздражительностью с одной стороны; чрезвычайной чувствительностью и слезливостью с другой стороны.

9. Помимо того он был подвержен патологическим изменениям его настроения (см. ниже).

10. Вся эта картина аффективной эпилепсии, со всеми главными и второстепенными симптомами развилась на почве эпилептической конституции. Артериосклероз сыграл тут роль вторичного фактора, а не первичного.

Единственно, что нам остается пока неизвестным, когда появились впервые его судорожные припадки. Это обстоятельство требует дополнительного исследования. Также необходимы дополнительные исследования по вопросу о том, как влиял на течение болезни артериосклероз

И так, отметив всем вышеуказанным всю аффект эпилептическую основу нервно-психической структуры личности Толстого—укажем теперь, как эта структура отразилась на его творческих тенденциях. А что она отразилась—это несомненно. Да, мы можем определенно сказать, что весь Толстой и вся его личность нам теперь делается более понятным. Нам делается теперь понятным, например, почему Толстой, будучи „великим писателем земли русской“, как его окрестил Тургенев, вдруг переживает такой резкий перелом в его жизни, благодаря чему его творчество, как писателя, отходит на

задний план, и он превращается в мистического проповедника—обличителя, делается „толстовцем“ и создает „Толстовство“).

Мы берем этот момент в его жизни, как самый характерный момент в творчестве аффект-эпилептика, и постараемся осветить его с этой стороны (не вдаваясь в освещение других моментов творчества Толстого, как выходящих из рамок этой работы).

Как было отмечено выше, Крепелин и Bratz считают также характерным симптомом для аффективной эпилепсии,— то патологическое изменение настроений и личности, которое бывает при post-эпилептических, а также других состояниях.

Как известно, часто также аффект эпилептики после припадка переживают какое-то своеобразное чувство облегчения и даже своеобразно повышенное состояние всего их психического тонуса, делающее их нередко экстазиками. В состоянии такой экстазичности, помимо своеобразного чувства счастья, они переживают ту необыкновенную „ясность мысли“, ту необыкновенную легкость и обостренность восприятия внешнего мира, о которой каждый такой аффект-эпилептик хорошо знает.

Такое несомненно патологическое переживание имел и Толстой. Имел он также, между прочим, и в тот день, когда с ним был тот выше-описанный припадок падения с ведром в руках. По воспоминаниям Маковицкого**), в тот-же день после того припадка об этом своеобразном переживании Л. Толстой отмечает:

— „Мне сегодня так хорошо думалось ***)

В болезни, в страданиях (говорит он) отпадает суеверие материальной жизни, и появляется сознание реальной духовной жизни, чтоб здесь, сейчас исполнять волю Бога, а учение материалистов утверждает как раз противоположное: они суеверием считают духовную жизнь. Мне стало ясно, почему легко умирают и самые эгоистичные люди: потому что суеверие материальной жизни отпадает.

А. Л. не Л. Н. сказал:

— Хотел тебе диктовать: мысли были необыкновенно ясны, ****), но боялся повредить себе завтра утром“.

В этом отрывке сказался весь Толстой с его аффект-эпилептической психикой, когда он переживает то своеобразное post-эпилептическое переживание, когда мысли бывают „не-

*) Мы не говорим здесь о „Толстовстве“ как об общественном явлении, мы здесь говорим о психогенезе „Толстовства“ в самой личности Толстого с стороны происхождения его религиозно-мистических идей.

**) Из записок Маковицкого „Голос Минувшего“ 1923 г. № 3, стр. 18.

***) Курсив наш (Г. С.)

****) Курсив наш (Г. С.)

обыкновенно ясны". Тут он сам нам определенно указывает тот источник, откуда возникла его мистическая концепция его мистического учения о "духовной жизни", его "Толстовства" со всеми его логическими выводами и последствиями.

Чтоб яснее осветить этот момент, мы должны напомнить следующее.—Лев Толстой после многолетней барски-эпикурейской жизни со всеми материальными благами мира сего вдруг, однажды, переживает тот вышеуказанный болезненный приступ "арзамасского страха" смерти (о котором говорилось выше.) Эти приступы ужаса, страха смерти повторяются затем много, много лет—, сколько наирасных тяжелых ожиданий смерти и мрачных мыслей о ней пережил Л. Н. во всей своей долголетней жизни.

Трудно перенестись в это чувство вечного страха смерти"... говорит С. А. Толстая об этих приступах.

Эти припадки привели его к такому отчаянию, что он готов был повеситься на перекладине у себя в комнате. И он бы это сделал, если-б не появились другие моменты аффект-эпилептической психики, которые дают совершенно другое направление развитию психики Толстого, благодаря чему эта психика получает свой естественный исход в мистическое. Представьте себе человека, до крайности измученного этим вечным ужасом и страхом смерти, который ищет ту соломинку, за которую он-бы мог схватиться для спасения... и он находит... Увы, в переживаниях той-же аффект-эпилептической сущности.

На ряду с этими приступами страха смерти являются и те приступы (о которых говорилось выше) совершенно противоположного характера, приступы экстаза, приступы необыкновенной экзальтации и счастья, во время которого "мысли бывают необыкновенно ясны", когда все так легко разрешается, когда весь космос постигается с такой необыкновенной кристальной ясностью, что вся сущность материального мира (т. е. эпикурейская, барская жизнь, тело с его постоянной борьбой за жизнь во время припадков) делается благодаря величю этой ясности—предразсудком, и поэтому аффект-эпилептик и приходит к такому заключению, как Л. Толстой, когда он говорит после такого приступа, что "в болезни, в страданиях (т. е. после припадка) отпадает суеверие материальной жизни, и появляется сознание реальной духовной жизни, чтоб здесь, сейчас исполнить волю Бога".

Здесь наилучшим образом Толстым формулировано то специфическое чувство, присущее только эпилептикам в их переживаниях, когда тело вот-вот уходит от них, а что-то "духовное" они ощущают как-то необыкновенно,—острое, ясное, и появляется какое-то обостренное "сознание реальной духовной жизни" (как он говорит), а потому также ему становится ясно, почему легко умирают и самые эгоистические

люди, потому-что, говорит он, суеверие материальной жизни отпадает“ в такой момент.— Вот тут то, в этих переживаниях выстраданный аффект-эпилептик находит свой якорь спасения, свою соломинку, за которую можно ухватиться в его несчастьи: необыкновенно остро и „ясно“ восприняв „сознание реальной духовной жизни“ и настолько „ясно“, „что здесь, сейчас-же исполнять волю Бога“ (как он говорит). И тут то рождается его мистико-духовная концепция „исполнять волю Бога“, как новое „откровение“, как им лично воспринятое в страшных страданиях, как „спасение“ от этих страданий. Этим переживаниям придается исключительное значение. Необычайные переживания делают и его самознание необычайным: и в психике его происходит тот переворот, который всех так поразило.— Из аффективно вспыльчивого, угрюмого, сурового, замкнутого, вечно ссорившегося со всеми барина-эпикурейца он превращается в нечто противоположное: в „святого“ подвижника, в чрезвычайно добродетельного и чувствительного проповедника „любви братской“, „непротivления злу“ и „Толстовства“ со всеми его атрибутами резниязии жизни, отказа от барства и проч. и проч. Психически благодаря этому он настолько меняется, что его родной брат Сергей Николаевич, поражаясь этой перемене, говорил о нем (сыну Л. Толстого— Льву Львовичу):

— „Ты знаешь, я не разделяю взглядов твоего отца, но я не могу отказать в справедливости в отношении всего того, что касается его личности. Посмотри только, *как он изменился, каким он стал мягким и хорошим*“ *)

И, действительно, Л. Толстой стал не только „мягким и хорошим“, но чрезвычайно чувствительным на всякую несправедливость, на всякое зло. Он получает необычайную жажду „просветить всех других от этого зла“, он получает необычайную жажду быть проповедником того, что он воспринял в экстазе с „необычайной ясностью“.

Он делается волей неволей пророком, основателем нового учения. Вот таким образом произошел в нем тот переворот, о котором была речь выше.

С ним произошло то, что произошло со всеми аффект-эпилептиками пророками. Таков был Магомет, таков был Достоевский в его мистических переживаниях, таков и Лев Толстой. Все они подвержены аффект-эпилептическому страданию, а потому у всех у них одна и та-же патопсихическая сущность и одни и тот-же генезис мистической концепции внешнего мира.

Все они подвержены одним и тем-же законам психологии аффект-эпилептической природы.

И так только мы их можем понять.

*) Курсив наш (Г. С.)

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

Двухмесячный журнал Центрального Института Труда ВЦСПС.

Открыта подписка на 1925 г.

КАК провести обследование и реорганиза- ?
цию завода

КАК устранить потери времени рабочих и ?
простои машин

КАК поставить нормирование труда на ?
заводе

КАК инструктировать рабочих в правиль- ?
ных приемах работы

КАК быстро и экономно обучать ?
труду

КАК упорядочить свою собственную ра- ?
боту

КАК использовать научные достижения в ?
производствен. практике

Эти вопросы волнуют каждого хозяйственника, инженера профес-
сionalиста, инструктора фабзавуча, мастера и рабочего...

Практическ. ответы на них — **„ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА“**
Вы найдете в журнале

с 1925 г. журнал принимает более популярный и доступный
для широких читательских кругов характер.

В журнале — множество иллюстрац. — фотограф, чертеж. и
рисунк. Предприятия, фабзавучи, фабзавкомы, рабочие
клубы, библиотеки.

не забудьте во-время подписаться на журнал на 1925 год!

Подписные деньги направляйте в РИО ВЦСПС, Москва, Солянка 12.

Подписная цена: на год (6 книг) . . . 7 руб. — коп.
„ 1/2 года (3 книги) 3 „ 75 „

VI год
издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1925 ГОД
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VI год
издания.

научной, практической и общественной медицины и санитарии

Саратовский Вестник Здравоохранения

издаваемый Здравоорганами Саратовской губернии под редакцией коллегии
при Саратовском Губздравотделе, в составе:

д-ра К. А. Коновалова, Г. К. Пемсадзе, проф. В. И. Разумовского, проф. И. А. Чувеского,
д-ра Г. А. Липидус и д-ра И. И. Геллерман (Секретарь Редакции).

Журнал издается с 1920 года и выходит ежемесячно в размере 5--6 печатных листов.

Б журнале принимают участие (по алфавиту): проф. В. А. Арнольдов (гигиена), проф. Б. П. Бруханский (педиатрия), проф. А. Л. Богомолец (общая патология) проф. И. Н. Быстренин (педиатрия), проф. Э. А. Гранстрем (внутренние болезни), проф. П. С. Гигорьев (кожные и венерич. болезни), проф. Д. О. Крылов (внутренние болезни), проф. Н. Е. Кушев (внутренние болезни), проф. Н. М. Какушкин (акушерство и гинекология), проф. С. И. Кузьмин (акушерство и гинекология), д-р К. А. Коновалов (социальная медиц.), проф. М. П. Кутанин (психиатрия), д-р, Г. А. Липидус (социальная гигиена), д-р А. А. Мальков (санит. и гигиена), проф. С. Р. Мирсворцев (хирургия) проф. С. М. Никаноров (бактериология) проф. Н. Е. Осокин (невропатология), д-р П. П. Подъяпольский (психотерапия), проф. В. И. Разумовский (хирургия), проф. М. И. Райский (медиц. экспертиза), д-р П. Н. Соколов (охрана материнства и детства), проф. С. И. Спасокукоцкий (хирургия) проф. Н. С. Троицкий (внутренние болезни), проф. М. Ф. Цитович (ото-рино-ларингология), проф. И. А. Чувеский (биология), проф. К. Ю. Юдин (офтальмология) и друг.

Подписка принимается в редакции—Саратов, Губздравотдел (угол Вольской и Мрепавной)

Подписная цена на год 5 руб. с пересылкой. Отдельный номер журнала 50 коп.

Принимаются объявления—плата по соглашению.

На 1925 год

продолжается подписка на

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ

(эвропатологии)

посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам одаренного творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами.

Выходит отдельными выпусками 4 раза в год под редакцией основателя этого издания Д-ра мед. Г. В. Сегалина, преподавателя Урал. Университета, при участии: проф. В. П. Осипова (Ленинград), проф. Г. И. Россолимо (Москва), проф. В. П. Кащенко (Москва), проф. Асватцатурова (Ленинград), проф. В. К. Хорошко (Москва), д-ра мед. А. С. Шоломовича (препод. Москов. Университета), д-ра Я. В. Минц (Москва), проф. В. М. Экземплярского (Москва), Ал-дра Крейн (Москва) и др.

Начеваемая программа издания:

I. ОТДЕЛ ОБЩЕЙ ЭВРОПАТОЛОГИИ.

- а) пато и биогенез творческих типов (общая евгеника творческих типов).
- б) психопатологическая структура гениально-одаренной или замечательной личности, ее клиническая симптоматология, а также по возможности и ее диагностика,
- в) творческий психо-механизм самого творческого процесса; его симптоматология, а также по возможности и диагностика этого процесса,
- г) патогенез и психогенез творческого произведения, а также по возможности и симптоматология и диагностика этого произведения.

II. ОТДЕЛ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЭВРОПАТОЛОГИИ.

- а) патогенез и биогенез специальных творческих типов (специальная евгеника творческих типов),
- б) специальная (или частная) европатология гения и таланта:
 1. Эпилептического типа.
 2. Истерического типа.
 3. Циклофренического типа.
 4. Схизофренического типа.
 5. Паранойического (парафренического) типа.
 6. Всех прочих клинических типов.
- в) специальная европатология гениальных безумцев (их психическая структура, симптоматология и по возможности диагностика),
- г) специальная европатология вундеркиндов, дефективных детей и проч.

III. ПАТОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

Этот отдел освещает ту или иную замечательную или гениальную личность в отдельных патографич., дает отдельные истории болезни той или иной замечательной личности. В распоряжении редакции имеется материал в несколько сот патографий великих и замечательных людей.

IV. ЭВРОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ.

Архив отдельных документов, сырого материала и проч. данных освещающих те или иные вопросы европатологии

V. ОБЩИЙ ОТДЕЛ.

Обзоры, сообщения, корреспонденции и библиография, имеющие то или иное отношение к данным вопросам.

Условия подписки: на 1 год—6 руб., на $\frac{1}{2}$ года—3 р. 50 к.

Подписка и Склад издания: „Практическая Медицина“ Ленинград, проспект Володарского, 49.

Все справки у редактора Д-ра Сегалина, Свердловск (б. Екатеринбург), улица Вайнера № 46.